

№1

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Натиг РАСУЛЗАДЕ. Хрен знает что! <i>Прозаическая мозаика</i>	3
Марк БЕРКОЛАЙКО. Губернатор. <i>Повесть</i>	58
Александр ХАКИМОВ. <i>Два Эссе</i>	90
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. Новеллы	102
ЛАЧИН. Ловушка. <i>Миниатюра</i>	130

ПОЭЗИЯ

Салим БАБУЛЛАОГЛУ. <i>Стихи</i>	26
Адиля ЭФЕНДИ. <i>Стихи</i>	85
Светлана СОЛОЖЕНКИНА. <i>Стихи</i>	99

ПУБЛИЦИСТИКА

Ниджат МАМЕДОВ. «Июль» Салима Бабуллаоглу	31
Борис ОСТРОВСКИЙ. Прелюдия	36
Марат ШАФИЕВ. «И я потеряю всё готова во имя найденных строк!»	98

2025

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамиля ШАРИФОВА
Литсотрудники	– Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474 https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелала ГАСАНЛИ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Тофик МЕЛИКЛИ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 20.12. 2024 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

© «Литературный Азербайджан», 2025г.

НАТИГ РАСУЛЗАДЕ

Хрен знает что!

*Берете хрен, мелко нарежете, заливаете кипятком.
Если он знает – не выдержит, скажет...*

Наверное

Я старею. Я ощущаю это телом, каждой клеточкой. Неостановимый процесс. Но не душой, не душой, нет.

Доктора все больше вторгаются в мою жизнь, из реальности переходят в сны, как неприятные гости из вашей гостиной вдруг переходят в спальню (что им там надо?...), занимают места в моих мыслях, рассказываются удобно и надолго, будто в театре, предвкушая интересный спектакль, проникают в грезы, даже в грезы. Они собираются вместе: дантисты, офтальмологи, урологи, кардиологи и говорят, говорят, спорят, опровергают друг друга, соглашаются друг с другом, перебивают, не слушают, повышают голос, кричат и вдруг затихают, словно услышав далекий выстрел. Наверное, я застрелился. Но не точно. Доктора убедили меня, что ничего точного на свете нет.

- Доктор, а операция необходима?
- Наверное...
- А я потом смогу видеть?
- Наверное...
- А бегать?
- Наверное...
- А сношаться?
- Навер...
- А умру?
- Наве...
- А жить буду?
- На...

Ладно, заткнись. Я стараюсь изгонять их из своей жизни, стараюсь не ходить к ним, не обращаться как можно дольше, как можно никогда. А они просачиваются в мои сны, один за другим процеживаются сквозь неплотно прикрытую дверь реальности. И я вижу их, когда сплю, вижу, хотя видеть не могу.

- Доктор, что вы тут делаете?
- Я хочу сказать вам волшебное, тихое слово.
- Какое?
- Тихое, вкрадчивое слово, обволакивающее слово...
- Какое?!
- Наверное.
- Ладно, я хочу спать. Это все-таки мой сон, уходите. Ну? Вы уйдете?
- Наверное.
- А можно мне принять сразу горсть этих снотворных?
- Наверное.
- А выпить водки?
- Наверно...
- А нюхнуть кокаинчика?

Наверное, я старею. Я ощущаю неостановимый процесс, когда жизнь твою, хочешь ты этого или нет, заполняют чужие. И я стараюсь не смиряться, стараюсь изгонять их из своей жизни, из своих снов. Получится? Хрен его знает...

Вывернулся

В тридцатые годы прошлого века (как странно мне говорить и писать эти слова относительно XX века, мне, человеку большую часть жизни называвшему прошлым веком век XIX) ну, так вот, в тридцатые годы прошлого XX века в нашем городе завелся некий «писатель», давно и заслуженно утративший имя. Никто его не помнит сейчас. Но проделки его некоторые помнят до сих пор. Этому горе-писателю каким-то образом удалось в то время просочиться в Союз пролетарских писателей, хотя в то время это было не так уж трудно: не только пишущих, но даже грамотных было мало, а численность Союза писателей исчислялась не тысячами, как сейчас, а всего лишь десятками, среди которых, конечно же, были и корифеи, выдающиеся поэты, прозаики, драматурги, но были и серенькие, незаметные личности, не оправдавшие надежд литературы. Так вот, один из неоправдавших, завладев вождельным членским билетом Союза писателей, в те голодные годы повадился разъезжать по районам республики с целью прокормиться. Он с важным видом (галстук, толстый портфель под мышкой) представлялся председателю колхоза, как писатель, прибывший из Баку, предъявлял членскую книжку (тогда были падки на всякого рода документы) и был почетно принимаем и угощаем чем бог послал. А бог в то голодное время посылал немного. Но все равно в сельской местности прокормиться было гораздо легче, чем в городах. Земля-матушка кормила. Порой в честь писателя, если было не очень горячее и авральное время в колхозе, председатели устраивали нечто похожее на банкет. Сабантуй. Покормив писателя, потом уже не знали, что с ним делать. Иногда давали с собой. На дорожку. Продукты, продукты. А вы что подумали? Но сидеть и молча есть нашему герою было, естественно, неловко. Все от него ждали писательского слова. И он говорил. Говорил тосты. Приводил цитаты из Ленина, очень модного в то время Владимира Ильича, сумевшего перевернуть вверх дном огромную страну и точившего зубы на весь мир. Цитаты эти он щедро оснащал отсбятиной, порой только отсбятину и выдавал за цитаты малознакомого Владимира Ильича. Писателя за столом слушали внимательно, кивали уважительно, подбирали ноги под столом. А наш герой (кстати, это я его называю герой, ничего героического в облике его не было, но был пожилым, солидным человеком. Портфель и галстук, не забыли?), итак, наш резвый парнишка, наевшись картошки и повеселев, сыпал цитатами из классика марксизма-ленинизма, сыпал, как бог на душу положит, так что Ленин переворачивался в мавзолее с боку на бок. Но неопытные труженики сельского хозяйства, многие из которых впервые видели живого писателя, слушали его, затаив дыхание и открыв рот. К тому же и удостоверение в кармане. Удостоверяющее, что он писатель, а не хурды-мурды. Так что слушали с открытыми ртами, в глупине которых угадывался непрожеванный картофель.

В очередной раз и в очередном месте, когда наш писатель разливался соловьем (тут его, кажется, к тому же угостили тутовкой, в полном смысле слова – сногшибательной) и цитировал вроде бы из трудов Ленина, в пылу азарта он брякнул следующее:

– А еще, – подняв назидательно палец и мутным взглядом окидывая двоящихся тружеников полей, проговорил он. – Как говорил Ленин: пейте, но знайте меру. Вот так вот!

Сказав это, он опрокинул в горло очередную стопку огненной воды имени Иосифа Виссарионовича. Но тут на его беду выискался за столом некий умник, то ли учитель, то ли библиотекарь, то ли просто добровольный книгочей, аккуратно

прослушавший всю ахиною и околесицу приезжего писателя из Баку и совершенно ошарашенный последней фразой-цитатой из великого трезвенника, которому в рекордно короткие сроки удалось обкакать огромную страну.

– Позвольте, позвольте, – произнес умник, поднимаясь из-за стола на неверных ногах. – Я читал труды Ленина Владимира Ильича. Он – наш отец. В каком томе он сказал: пейте, но знайте меру? А?

Все головы повернулись к писателю в надежде, что он назовет источник.

И тот не растерялся и, помавав руками, громко произнес:

– Э, дорогой, какой-такой том. Он не в томе говорил – э! Он за столом говорил, когда пил со Сталиным!

Временные трудности

Нашу улицу в центре города в третий раз за короткий промежуток покрывают асфальтом. Перерыли тротуары так, будто искали клад. Перерыли. Перелопатили, покрывали. Когда выходишь со двора на улицу, тут же становишься по ноздри в пыли. Без очистительных масок выходить не рекомендуется. Поток машин пустили по параллельной улице с другой стороны нашего дома. Естественно, стали образовываться огромные пробки. Гудки, крики, ругань, шум, бесполезные сигналы на улице делали наших граждан, и без того издерганных, крайне нервными. Прибавьте к этому – адская жара. Ну, с жарой чиновники мэрии переборщили. Могло бы быть попрохладнее. Впрочем, я жару люблю. О населении беспокоюсь. Но все когда-нибудь кончается. Закончилось и маловразумительное асфальтовое покрытие. Сразу на улице резко уменьшилось количество машин. Стало потише, полегче, попрохладней, паскудства стало поменьше. В связи с этим я вспомнил старый еврейский анекдот. «Приходит старый еврей к раввину и жалуется на стесненные условия жизни в своем доме. Раввин, выслушав его, советует перевести из стойла в дом и животных. Старик в недоумении. Но исполняет совет. Через некоторое время раввин велит ему убрать из дома животных. Еврей сразу чувствует, какой просторный стал у него дом. Благодарит раввина». Вот я и подумал – неплохо же живем, чего зря жаловаться?!

Быт

Быт меня съедает. Я вижу воочию, как нечто громоздкое, мохнатое, мощное, похожее на быка с лапами-лопатами, снабженными грубыми пальцами, аккуратно занавесив мохнатую грудь грязной салфеткой, с педантичной и в то же время клоунской важностью разрезает меня на куски и кусок за куском торжественно отправляет в зубастый рот. Меня все меньше остается на блюде. Отрезанные мои руки сжимаются в кулаки, чтобы драться, отрезанная правая нога хочет убежать, левая – что-то написать, может, завещание? Завещаю, мол, свои несбывшиеся мечты и надежды, а также оставшиеся идеи и мысли. Отрезанная голова спешит что-то произнести онемевшими, окровавленными губами, еле ворочающимся языком. Что ты хочешь сказать, голова?

Быт заедает меня, заедает с головой и готовится запить ключевой водой, чтобы я побыстрее растворился у него в желудке. А голова с выпученными глазами по-прежнему шевелит губами, открывает и закрывает рот, как рыба, выброшенная на жаркий прибрежный песок. Ну, что тебе? Что ты хочешь? Быт уже заел тебя, от тебя почти ничего не осталось, и перед глазами у тебя хоровод мошенников, которых ты считал друзьями и товарищами, медленно танцующих вокруг тебя, медленно убивающих человека, цепь пустых обещаний, опоясавших, сковавших по рукам и ногам... Быт издавна вторгся в мою жизнь, как острые уколы ножа, и вот, в конце концов, что от меня осталось. Что ты хочешь сказать, голова на блюде? А?.. Хрипит... Ну, соберись и скажи мне на ухо, если это так важно. Что?

– Свободе-е-ен... – слышится хрип из окровавленного рта.

С ума сошла! Она сошла с ума, эта голова. Она и на шее не очень-то себя разумно вела, но теперь окончательно свихнулась. А может, и нет. Хрен его знает...

Снег, вечер...

По-настоящему, чтобы дух замирал и сердце обливалось горячей волной радости, это было давно. А теперь только случается в слабой форме время от времени.

Я шел зимой в сумерки по московской улице. Снег падал, приближался Новый год, а улица носила название писателя Герцена, и я никогда не мог понять, зачем он вообще стал писателем.

Я быстро шел по улице, а хотел идти неторопливо. И много чего тогда я делал вопреки своим желаниям. И продолжаю сейчас. Мимо меня по тротуару проскакивали... Неважно теперь. Многие проскочило в жизни мимо меня. Я всегда куда-то спешил. «Нельзя останавливаться, – говорил я себе, – они тебя догонят, беги...» И бежал так, что даже торопыги-москвичи удивленно оглядывались на меня, невольно ища глазами того, кто бы меня преследовал. Была масса свободного времени, но я шагал торопливо, будто уже опоздал. Примерно через час у меня свидание, мы пойдем с ней в кино у Никитских ворот, в кинотеатр повторного фильма смотреть старый прекрасный фильм, уже не помню, какой, но помню – старый... Потому что молодость настороженно относится к новому, ей все кажется, что жизнь уже позади и следует наслаждаться известным, старым, апробированным и занявшим неоспоримое, крепкое место в этой прошедшей жизни. Не люблю изрекать истины. Тем более – сомнительные. Но ничего не поделаешь – уже изрек.

Пожилая женщина белой краской рисовала снег с внутренней стороны витрины кафе. Заяц и подозрительный Дед Мороз, похожий на переодетого вора с мешком награбленного добра за плечами, уже были готовы и жаждали снега, а снег только появлялся на стекле витрины в виде пампушек. Я стоял и смотрел на эту женщину, пронзенный вдруг каким-то неясным чувством, и, видимо, своим ротозейством раздражал ее, потому что движения ее сделались заметно резкими, нервными, и пампушки из-под ее неумелой кисти стали выходить более похожими на снежинки. Маленькая женщина в витрине заштатного кафе-забегаловки, жалкая рисовальщица снега... Почему я остановился? Я поспешил дальше, думая о том, что скоро встречу со своей девушкой, мы будем сидеть в теплом кинозале, а потом поедим ко мне. Впереди была сумрачная жизнь, как теперь выяснилось...

Политика

Ненавижу политику. Мне кажется, нет ничего более далекого от моей профессии писателя, призванной раскрывать и показывать внутренний мир человека, его неповторимую душу, чем политика, которой глубоко начхать на внутренний мир и душу и которая опирается на хитрость, ложь и лицемерие. Политикам важна масса, а не индивидуальность. Но есть, конечно, писатели-политики, они считают...

Впрочем, хрен знает что!

Начальство

Есть маленькие людишки большого размера. Им нравится с высоты своего роста смотреть на других, в такие минуты они испытывают наслаждение от мысли, что нравственный их рост равен физическому. Глубокое заблуждение, вашу мать. Они руководят чем-то таким, незамысловатым, у них в подчинении семь или восемь человек, на которых они порой грозно посматривают, а порой улыбаются им ослабленной улыбкой, играя в демократию на вверенном им маленьком участке, как

правило, оторванном от реальной жизни. Они с важным видом восседают за своим рабочим столом и вякают что-то такое глубокомысленное со скоростью три слова в минуту и обижаются, если с ними не соглашаются. Они обычно долго живут, потому что толстокожие и еще потому, что уверены, что ведут правильную жизнь, что мир без них рухнет. Домой после работы они уходят с чувством исполненного на сегодняшний день долга и дома весьма солидно сношаются с женами. Они считают себя мудрецами.

Хрен их знает, зачем они...

Обещание

... Давным-давно был у меня знакомый парень – тихий и очень стеснительный в то время мальчик (нам тогда, нашей дикой компании, в которой один он представлял удивительное и приятное исключение, было лет по двадцать два – двадцать три, и он среди нас на самом деле был единственным девственником, я не случайно называл его мальчиком), который постоянно, странным образом участвовал во всех наших пирушках, не прикасаясь к спиртному и утверждая, что одно только присутствие на подобных возлияниях доставляет ему несказанное удовольствие. Как-то, уже все пьяные, мы пообещали привести ему женщину. Он тихо зарделся, задумался, и когда наше опьянение дошло до кондиции, стал вдруг приставать с расспросами:

- Толстая или худая?
- Высокая? Длинноногая?
- Красивая?

С почти равными промежутками времени приставал он с расспросами.

Вскоре никто не мог понять, о чем он спрашивает. И это его очень огорчало.

Комплимент

Один мой знакомый ни о ком не любил хорошо отзываться. Говоря о моих книгах, например, он все пыхтел, кряхтел, тужился, чтобы прямо не похвалить, и в конце концов, разродился:

– Так талантливо, что я даже не ожидал, – все-таки ухитрился он сказать внутри комплимента гнусность замедленного действия.

Наказ

Когда после студенческих каникул я уезжал обратно в Москву, сосед, опустившийся наркоман, который вечно околачивался на углу нашей улицы и очень уважал меня за то, что я единственный среди его знакомых учусь в Москве, говорил мне:

– Если кто тебя там обидит, дашь мое имя. Скажи: Агдамский Ага Бала. Скажешь, что ты мой друг. Они меня, как собаки боятся, я ведь тринадцать лет назад там в армии служил, под Москвой...

Черный юмор

- У меня ужас, как ноги потеют.
- И потом воняют?
- Само собой.
- Кошмар! Это ужасно, ужасно. У одного моего знакомого было то же самое.
- И что же?
- Повесился.
- Не может быть!
- Да. Еще и у другого приятеля такая же история.

- А он что? Тоже... повесился?
- Нет.
- Нет?
- Нет. Он не повесился. Ему ампутировали ноги.
- А!
- Да. Обе ноги. По колена.
- Ужас!
- Да. Тем более, что ничего не изменилось.
- Как это?
- Колени стали вонять.

Оптимист

- Ты жизнью своей доволен?
- Жизнью доволен. Характером недоволен.
- А какой у тебя характер?
- А характер такой, что все мне кажется, что я жизнью недоволен.

Предприимчивый псих

К нам во двор повадился полусумасшедший бродяга и пел мощным, зычным голосом. Скорее кричал, чем пел. Кончив орать, смотрел вверх, на окна, но мало кто ему подавал, его ор раздражал соседей, его гнали со двора.

Однажды глубокой ночью, среди тишины, меня разбудил жуткий крик, легко проникавший даже сквозь звукоизоляцию новых окон. Я не сразу сообразил, что это песня. Через минуту в дикое пение вторглись голоса соседей:

- Убирайся, идиот!
- Пошел вон!
- Хватит орать!
- Вызовите полицию! Я вызываю полицию!
- Деньги, деньги, деньги-и-и-и! – мощно проревел на прежний мотив бродяга. И знаете, в ту ночь он неплохо заработал.

Разочарование

Встретил возле своего дома сослуживицу – очень приятную незамужнюю, молодую особу из приличной семьи. Поболтав минут пять на улице, я без всякой задней мысли предложил ей:

- Пойдемте ко мне.
- Смотрите – пойду! – шутя, пригрозила она, имея в виду, что порядочная девушка, зайдя к холостяку, должна выйти от него замужней женщиной.
- Пойдемте, пойдемте, – сказал я. – Когда вы увидите, как я живу, у вас пропадет охота говорить в таком тоне.

Умствования

Что значит правильная жизнь? Разве то, что человек благополучен и выглядит довольным – означает, что он правильно живет? Если он не нарушил устоявшуюся схему: семья, жена, дети, дом, роскошные похороны родителей, обеспеченность, забота о детях, уважение в обществе – разве все это означает, что он правильно живет?

А если при всем своем благополучии, однажды, проснувшись среди ночи, он вдруг пронзительно осознает, что лишен веры, что никогда не думал о Боге, о смерти,

по-настоящему, глубоко, о душе, о своей несправедливой жизни, что жил до сих пор машинально, бездумно ел, пил, спал, веселился, учился, работал, играл, совокуплялся, заводил нужные знакомства, использовал людей, давал использовать себя, везде искал выгоду и многое, многое другое, чем до краев наполнена наша жизнь, наше время; осознает, что у него должна быть душа, а он еще ничего, ничего для нее не сделал.

Их много...

Если три шестерки – сатана, черт, то три тройки – чертенок. Будьте осторожны и с тройками тоже, из них могут вырасти шестерки, их много, этих троек, мы не обращаем на них внимания, всецело занятые только шестерками, а они, тройки, воспользовавшись этим, невероятно плодятся и размножаются.

Будьте осторожны, их много...

Вопросы

- Как пройти на площадь?
- А?
- Где тут аптека?
- А?
- Как проехать на...?
- А?
- Почему от вас так дурно пахнет?
- А?

В этом городе не привыкли отвечать на вопросы с первого раза. Обязательно переспросят, может, даже не раз. Как бы вы членораздельно ни произносили свой вопрос. Переспросят. И поосторожнее: они плюются. Не подходите близко, держитесь на расстоянии плевка. Как точно заметил Набоков: огромное количество слюны у простого народа. Плюют повсюду, и стар, и млад, и мужчины, и женщины. Так что тут тоже следует быть осторожным.

Награда

Мой приятель (тот, что в юности – когда я мечтал трахнуть свою учительницу математики, – читал Юма и Шопенгауэра, так что до сих пор отчетливо видно, что он немного того... словом, начитанный) каждый раз, когда покупает в магазине что-то, протягивает продавцу деньги таким жестом и с таким видом, будто награждает его орденом. Продавцы смотрят на него с недоумением, но награду принимают.

Время

У меня свои счета со временем. Намеренно не пишу его с большой буквы. Что же это такое? Оно все течет, бежит, идет, движется, убегает... Покоя от него нет. Зачем это? Трудно все-таки жить, когда что-то вокруг тебя, рядом с тобой, в тебе самом постоянно суетливо торопится, верно? И куда, спрашивается? Куда торопится? Хотите знать ответ? К концу. Такой ответ. К концу. Несомненно и однозначно.

Когда-нибудь кончится мое время, это ясно, это естественно. Но меня беспокоит, что поганой, неуемной субстанции и этого будет недостаточно, чтобы остановиться и передохнуть.

Все когда-нибудь кончается. Недискутабельная истина. Но она не относится к Времени. У меня свои счета со временем. Как бы это ни звучало... Закрой рот, умник...

Кролики

Кролик похож на мыслителя: ему все равно, что перед глазами – уставится и будет смотреть, ничего не видя, будто весь уйдя в себя, в свои мысли. Кролик и его мысли. Смешно. Нонсенс. Но видимость именно такая: будто он мыслит. Обманчиво, как многое вокруг нас, в этой невероятно меняющейся действительности, где все, что угодно, может перейти и стать всем, чем угодно другим. Обманчиво... как хрен знает что...

Достоинство

Из моих знакомых писателей иные до такой степени, так невероятно переполнены чувством собственного достоинства, что ни на какие другие чувства в них не остается места.

Тем не менее, они пишут...

Мой дорогой господин Министр!

В ночь со вторника на среду приснился мне мой дорогой господин Министр. Он, как всегда, был в прекрасном костюме, прекрасном настроении, и даже во сне от него пахло прекрасным дорогим одеколоном.

Я стал жаловаться ему:

– Мой дорогой господин Министр, ни один мой проект в вашем министерстве не движется с места.

– Мой дорогой писатель, – сказал он. – Что же мне делать? Ведь все мои чиновники, позабыв свои прямые обязанности, стали писать сценарии и пьесы, мало того – их жены, тещи и покойные бабушки тоже стали писать. Это же так выгодно. Так что ты должен понять. Ты должен дать место их женам, тещам и покойным бабушкам. Кроме того, есть у нас драматурги, которые пишут руками и ногами. Выходит – за четверых. Так что, извини – подвинься. Ты же профессионал. Ты поймешь.

– Но я должен зарабатывать деньги своим трудом. Как я зарабатывал сорок с лишним лет, мой дорогой господин Министр, – даже во сне слово «Министр» у меня получалось с большой буквы, не знаю уж как, но чувствовал – с большой. – На эти деньги я покупаю себе покушать.

– Что я могу тебе сказать, – вздохнул мой дорогой Министр, – напомним тебе, что говорил великий Толстой в назидании молодым писателям – ты ведь по сравнению с Толстым молодой – так вот он говорил: «Писатель должен быть голодным», конец цитаты. Или, по крайней мере – полуголодным. А ты ведь писатель, и не просто писатель, а писатель с большой буквы Пи. Так что пусть непрофессионалы кушают и завидуют тебе.

– Спасибо, мой дорогой господин Министр, – сказал я во сне. – Вы очень меня поддержали... морально. Раньше я думал, что жизнь материальна. А теперь вижу – ан нет, есть и моральная, духовная сторона жизни. А у вас с собой не найдется бутерброда с колбасой? Очень кушать хочется...

Любовь

Мне было семь лет, когда я без памяти влюбился в соседскую девочку старше меня на целую мою маленькую жизнь. В моем крохотном словарном кошельке нельзя было найти нужных слов, чтобы выразить всю необычность и необъятность нового чувства. Я и не искал их. Они не были нужны – некому было их высказать, и еще: разве можно выразить обычными грубыми словами, что охватывает тебя, когда вдруг в конце улицы наконец-то появляется долгожданная она, и сердце в тебе, облитое горячей радостью, подпрыгивает и падает в бездну души, или когда она встряхивает

волосами, или дергает в задумчивости губы (дурная привычка, моментально пере-
нятая мной, отчего через неделю нижняя губа у меня распухла, как от пчелиного
укуса), или когда она рассеянно берет за ручку двери, окидывая улицу и на ней –
меня мимолетным взглядом? Нет, всему этому не было названия.

Она меня, естественно, не замечала, дружила со своими сверстниками, а од-
нажды, когда на нашей улице появился ее одноклассник, провожавший ее из школы,
я, кипя гневом, дождался, пока она вошла к себе домой, догнал мальчика, молча на-
бросился на него и укусил за палец. Наверное, он принял меня за психа, так или иначе,
но больше он на нашей улице не появлялся. Девочка после этого случая как-то раз
более внимательно посмотрела на меня, и этот ее взгляд снился мне долгое время.

Она лепила. Что-то такое из пластилина и, кажется, намеревалась заняться
этим всерьез, по крайней мере, лепила чуть ли не каждый день, и подоконник их
комнаты на первом этаже был установлен ее работами из пластилина и гипса, хо-
рошо видными с улицы. Я часто простаивал у ее окна, затаив дыхание, замороженно
следя за ее движениями, когда она лепила или рисовала, и она не прогоняла меня,
как-то сразу привыкнув к моему немому присутствию за окном, и этого мне было
вполне достаточно для моего маленького, хрупкого, сомнительного счастья... А
может, не прогоняла она меня оттого, что ей нужна была хоть какая-то публика в
моем лице, на котором застыло выражение восхищения?

Однажды, подойдя к ее окну, я увидел в комнате ее с подружкой, обе они мяли
пластилин, смешивая из коробок бруски одинакового цвета, и болтали о чем-то. За-
видев меня в окне, она что-то шепнула подруге и махнула мне рукой, приглашая
войти. Подруга моментально захихикала, а я одеревенел от ошпарившего меня
счастья, так что она вынуждена была с некоторой досадой повторить свой жест. Как
был одеревеневший на деревянных ногах я вошел и молча уставился на нее, как мопс
на хозяйку, что не ускользнуло от внимания обеих девочек и очень их рассмешило.
Я был рад, что они смеются, хотя сам не мог выдавить на лице ответную улыбку, но
был рад, очень рад... Что ж, любовь видит то, что хочет видеть...

В то лето меня забыли свести к парикмахеру, которого я ненавидел не меньше
зубного врача, у меня отросли длинные, чуть выющиеся волосы, и я хотел бы носить
их всегда, чтобы нравиться ей и отличаться от остальных, одинаково коротко стри-
женных мальчиков на улице.

Вдруг подружка, помяв в руках пластилин, налепила изрядный кусок мне на
голову, на мои красиво отросшие волосы – предмет моей гордости. Она тут же после-
довала примеру своей подружки и налепила на мои волосы другой кусок пластилина,
теплый от ее ладоней, от ее милых, милых ладоней... Так они поочередно налепляли
мне на голову разноцветные куски пластилина, а я стоял не шелохнувшись, смутно,
сквозь слезы, застывшие в глазах, различая ее улыбающееся ослепительной улыбкой
лицо. А внутри меня кипела и клочкотала жгуче-сладостная обида. Что пластилин?! Я
на все готов был ради нее! Но острая обида, не управляемая никакой логикой, жгла
меня и испепеляла. Как она могла так издеваться надо мной?!

Дома ждала меня новая экзекуция. Процесс удаления пластилина с волос был
гораздо длительнее и болезненнее (хотя что могло сравниться с болью душевной
раны?), сопровождался этот процесс еще и шлепками в наказание, но я не издал ни
звука, несмотря на допрос с пристрастием, и не назвал имени моей мучительницы.
Детство бывает рыцарственным. В итоге я очутился в кресле ненавистного мне парик-
махера с остатками не изъятого пластилина в волосах и был обстрижен наголо, как
все мальчишки на нашей улице...

Это осталось со мной на всю жизнь, и, став старше, я понял, что настоящее
чувство, большое чувство может вынести все, даже издевательства... И потому из-
бегал влюбляться... насколько мог... Но разве это от нас зависит?

Окна

Окна – глаза квартир, в них можно, как в глазах, прочесть душу.

Я затеял ремонт, будь он неладен, и, вырвав эти глаза, вставил вместо них новые, современные окна, похожие на темные солнечные очки, под стеклами которых люди прячут во взглядах коварство, ложь, лицемерие, жесткость и доброту, особенно тщательно прячут доброту, чтобы их, не дай Бог, не приняли за людей, коих можно не бояться. В этой жизни лучше, чтобы тебя боялись, все это хорошо усвоили...

А старые окна-глаза, прослужившие много лет, мастера сложили внизу, под моей квартирой. И каждый раз, пока их не увезли, каждый раз, когда я проходил мимо, они провожали меня печальным взглядом, никому уже теперь не нужные глаза, выражавшие никому уже теперь не нужную душу.

Сны

Давненько не выезжал я из своего города: то одно, то другое, болезни, дела засасывают, проблемы разные, да и то сказать – особой нужды в поездках – как лет десять-пятнадцать назад – уже не было, все дела, к сожалению, сосредоточились здесь, в моем родном городе, и порой я вдруг с удивлением вспоминал, что вот уже столько лет я никуда не выезжал, что это ненормально для меня, с юности привыкшего к частым поездкам, летним выездам на отдых, в командировки и прочее. И в связи с долговременным пребыванием дома меня стали с недавних пор преследовать одинаковые, похожие один на другой сны: будто я уехал в далекий чужой город, где никого не знаю и никто не знает меня, попал в какое-то непонятное жилище, не то гостиницу, не то общежитие, и стою среди равнодушной толпы без паспорта, без денег, без авиабилета, без штанов, без душевного, естественно, равновесия... Я просыпаюсь в холодном поту, часто дыша, будто приснился Бог знает какой кошмар... Нет, все-таки надо куда-нибудь поехать, думаю я, тараща глаза среди ночной темноты, нельзя так долго жить дома, так и захиреть можно... А наутро дела неотложные, надоевшие, повторяющиеся изо дня в день, наваливались, гнули мои плечи, и я горбился под их тяжестью и вскоре, позабыв свои глупые сны, весь был во власти реальности, опостылевшей реальности, что ежеминутно напоминала о себе, ежедневно, напоминала, что надо находить общий язык с окружающими тебя крестинами и постараться жить дальше, как бы ни был бессмыслен этот процесс.

Игры

В детстве, как все нормальные мальчишки моего возраста, я играл со своими сверстниками на улице в войну; у нас были деревянные ружья, уродливые пистолеты, над которыми сегодня дети немало бы посмеялись, но мы играли самозабвенно, были счастливы, стреляли друг в друга, убивали друг друга пачками – дети пятидесятых.

И только двое ребят с нашей улицы играли не в войну, а... в революцию. Я впервые видел такое – родители наши были люди простые, далекие от политики, а у тех двоих – кажется, они были братья – отец был партийный работник, и иногда за ним приезжала старенькая «Победа» с шофером в клетчатом пиджаке. Этот клетчатый пиджак в то время сплошных серых тонов стал для меня незабываемым впечатлением. Так вот, эти двое играли в революцию. Они выходили на улицу, оба одинаково полные, низенькие, учились уже в школе, в отличие от меня, и начинали спорить, окруженные детворой.

– Я буду Ленин! – говорил первый. – Я буду делать так, а вы все будете хлопать и кричать: «Да здравствует революция!»

– Нет, я буду Ленин! – возражал тут же второй. – Я кино видел недавно...

– Я буду Ленин, я первый сказал!.. – настаивал первый.

И начиналась потасовка, к которой подключались все имеющиеся в наличии мальчики и я в первую очередь, потому что был в каждой дырке затычка и еще потому, что хотел под шумок накостылять по шее обоим Лениным, таким далеким от нашей обычной простой, далеко не политизированной жизни. Свалка заканчивалась, все устало разбредалось, побитые, а эти двое продолжали по-революционному неутомимый спор.

– Я буду Ленин!

– Нет, я!

– Я первый сказал.

– Тогда я буду Сталин!

– Нет. Я буду и Ленин, и Сталин!

– Так не бывает!

– Бывает!

– Не бывает!

– Бывает!

– Не бывает!

– А я буду!

– Нет, не будешь!

– А вот буду!

– Не будешь!

– Буду, буду, буду, буду... И Ленин, и Сталин!

– Не будешь, не будешь, не будешь, не будешь, не будешь!

– Буду!

– Тогда я твою маму...

– А я твою!

Да, вспомнил, точно – они были братья, а отец их работал в райкоме...

Встреча

Я шел по одной из центральных улиц, города, где обычно по вечерам любят гулять горожане. Хорошее слово – горожане. Незаслуженно устаревшее. А может, и в самом деле, не нужно оно теперь, когда настоящих горожан почти и не осталось в городе?

Я шел быстро, не помню уже, куда именно, но куда-то торопился. И вдруг меня остановила, преградив путь, молодая и довольно-таки миловидная особа – обладательница выдающегося бюста. Я глянул на ее грудь и подумал: «Нобелевская премия, не меньше».

– Вы такой-то? – она назвала мое имя. – Я вас сразу узнала!

Говорила она напористо, будто ждала, что я буду отпираться. Честно говоря, такая трусливая мыслишка у меня мелькнула – ничего хорошего от чужой напористости ждать не приходилось. Тем не менее, я сознался.

– Я пишу о вас диссертацию, – жарко и торопливо начала она, напирая на меня грудью с острыми сосками, четко обозначенными под кофтой, – то есть о вашем творчестве, о женских образах в ваших произведениях, – тархтела она так, будто я хотел перебить ее, – они такие глубокие и в то же время настолько современные, сексуальны, заряжены положительной энергетикой в отличие от мужских образов в ваших произведениях, что...

Я не мог отвести взгляда от ее груди, еще немного, и, казалось, они воткнутся своими острыми сосками мне в глаза. Я чуть отступил. Она придвинулась, продолжая трещать. Дистанция между глазами и грудями не увеличилась. Я осторожно отступил еще на шаг, стараясь не казаться смешным. Она придвинулась.

Так мы стояли посреди центральной улицы. Воскресенье. Час дня. Прекрасная погода.

Вдруг я подумал – а может, схватить ее за груди и потискать? Чтобы произвести хорошее впечатление, а?..

Соболезнование

Многие из моих знакомых писателей-аборигенов, унылые и бледные, как застиранные рубашки, часто встретив меня, горестно, непонимающе качают головами.

– Вай-вай, несчастливый ты, несчастливый, – говорят они, вздыхая, с плохо скрываемой, рвущейся на волю из груди, радостью.

– Почему? – спрашиваю я.

– Как же – почему? Ты еще спрашиваешь? Писать здесь, в Азербайджане, на русском языке... Ой-ой-ой!.. Что же может быть хуже для писателя?..

И они закатывают глаза, цыкают языками, качают головами и делают прочие соответствующие моменту телодвижения. Так же они цыкали, закатывали и качали в разговоре со мной и десять лет назад, и двадцать, и тридцать... Ничего не изменилось в их примитивных мозгах. Но теперь, в настоящее время, создается такое впечатление, будто они начисто забыли, что их книги здесь, на их родине с почти десятиmillionным населением, выходят тиражом не более 300 штук. 300. Такой тираж. Для родных и близких. Для родственников и соседей.

Тем не менее, завидев меня, они горестно, соболезнующе качают, закатывают, цыкают и прочее, и прочее.

Певцы

Странные существа эти наши певцы. Стоит им открыть рот не для пения и не для принятия пищи, а для разговора, как они тут же несут чушь. Ни одной живой мысли, ни одной искорки в мозгах. Исключение – когда они рассказывают о себе, любимом, или о себе, любимой. Это они обожают. Могут часами рассказывать о себе никому не интересные вещи.

Мало кто из них поет по-настоящему профессионально. Огромное большинство безголосых певичек компенсируют свою несостоятельность тем, что вертят туго обтянутыми попками перед камерой. Хрен знает что...

Приличия

Приличия в творчестве – удел бездарностей. Придерживаться приличий в творчестве могут одни бездари; они так обеспокоены тем, чтобы оставаться в рамках приличия в своем, так называемом, творчестве, что если хотя бы на миг почувствуют, что могут перешагнуть эту черту, за которой подстерегает их неприличие, то от страха у них моментально могут начаться понос, рвота, кислородное голодание, слюновыделение, семяизвержение и другие нехорошие дела.

Как жизнь имеет множество неприличных, неприглядных сторон, так и литература и искусство должны отражать их, как есть.

Но бездарность хитра, она старается завернуть свои гениталии в чадру, делая вид, что их у нее нет, да даже, если б были, они ей, бездарности, не нужны.

Каналы телевидения

В детстве, когда мне было лет пять, жил на нашей улице молодой парень – силач. Он демонстрировал свою силу несколько нестандартно и нетрадиционно: брал с бельевой веревки штук пять-шесть мокрых полотенец, вывешенных для просушки,

объединял их и выжимал так, что в этих полотенцах не оставалось ни капли влаги, на радость соседкам, вывесившим их.

Я думаю, с нашими отечественными телеканалами следует поступить так же – выжать их до последней капли, выжать из них всю дурь, все тошнотворные передачи и всех непрофессионалов, все плоские шутки и прочую дрянь.

Двери

Откройте дверь! Нет, не стучат. Просто откройте. Всегда лучше открытая дверь, чем закрытая. Даже если это дверь в туалет...

Закройте дверь! Приятно сознавать, что за вашей дверью кто-то стоит и ждет, когда вы откроете. Значит, вы кому-то нужны. Впрочем, пусть стоит, не открывайте. И чего ходят? Дома им не сидится...

Нет, нет... А вдруг это наконец-то кто-то пришел взять у меня денег займы, или пришли за оплатой за коммунальные услуги? То-то радость! Побегу открывать...

Хорошее воспитание

Никогда не говорите: «А ну вас в задницу!» Говорите: «Ну вас в анальное отверстие!»

Тогда все поймут, что вы хорошо воспитаны и получили высшее образование. Может, даже медицинское.

Советы психотерапевта

Многие психотерапевты для поднятия тонуса, а в итоге – для продления жизни советуют, просыпаясь по утрам, даже вопреки реальному положению вещей, внушать самому себе: «У меня все хорошо! У меня все отлично, все прекрасно!»

Я тоже стал следовать этому совету. По утрам, едва проснувшись, я говорю самому себе: «У меня все отлично, все прекрасно, лучше быть не может!»

Но потом, через минуту-другую, я думаю: «... Но надо же что-то делать, нельзя сидеть, сложа руки... С этим надо же как-то бороться!»

Водители автобусов

В этом городе у водителей автобусов поразительно развита интуиция: стоит им увидеть, как кто-то на тротуаре запустил палец в нос или чешет зад, они тут же останавливают автобус и подбирают пассажира в любом месте, где бы он ни стоял. Лишь бы стоял, на ногах держался. И не менее удивительно то, что они – бывшие пешеходы – садятся. Видимо, шоферы по взгляду прохожего определяют – сядет он или не сядет. Иные довели свою интуицию до фантастического совершенства: они не просто определяют, сядет или нет, а к тому же – надолго ли сядет? И в зависимости от того, пассажиру указывают на наиболее подходящее место в салоне автобуса.

Любой жест – женщина, поправляющая прическу, мальчик, бросающий камешек, мужчина, запоздало застегивающий ширинку, – может послужить шоферу автобуса поводом для того, чтобы притормозить свою гребаную машину.

Конечно, бывает и так, что они ошибаются, промахиваются, и человек, копаясь в ушах, вовсе и не хотел останавливать этот вид транспорта. Но шоферы, тем не менее, тормозят возле каждого неосторожно шевельнувшегося прохожего.

Ни хрена нет у них никакой интуиции, у этих шоферов маршрутных автобусов, нет, так же, как и у..... у кого же? Хрен знает, у кого...

Терпение

Малыш ушибся, плачет.

– Потерпи, – говорят ему. – Все пройдет.

С тех пор он учится терпению. Растет, терпит здесь, терпит там, становится мужчиной. «Надо потерпеть, все образуется, – успокаивает он себя. – Я же – мужчина».

Дела не идут – ничего, потерпим.

Сплошное невезение – потерпим, все пройдет.

Не складывается личная жизнь – терпение, терпение.

Так жизнь учит его, бывшего малыша, терпению.

Однако живой, горячий, человек нетерпелив, он понимает, что жизнь проходит, и хотя рассудок говорит ему о терпении, но сердце бьется чаще, рвется в бой, когда надо отбросить всякое терпение, надоевшее терпение, ослиное терпение.

Но... Отбрасывай, не отбрасывай – приходится учиться, смиряться, обуздывать себя...

И вот, наконец-то, он выучился терпению, уже стал профессором терпения, академиком, теперь уж, казалось бы, жить и жить, а точнее: терпеть и терпеть, овладев одной из главнейших наук существования.

И что же? Он оглядывается гордо во всей своей спокойной, терпеливой мудрости и видит – жизнь прошла, пора умирать.

Перед смертью он вспоминает слова, которые часто слышал в детстве:

– Потерпи, все пройдет.

Вот все и прошло, – думает он.

Творчество

В разговорах, в интервью можно врать сколько угодно, и никто не догадается, что ты врешь. Можно придумать какую-нибудь байку, небылицу из детства или юности, и журналисты охотно возьмут ее на заметку, обыграют, добавят свое вранье, и вот уже готова маленькая сенсация, и ты – герой дня, герой минуты, секунды.

А вот в художественном произведении не соврешь, сразу обнаружится фальшь, сразу подпортишь ткань произведения, над которым немало трудился, и вылезет наружу грубое ремесло, и ты лишишься читательского доверия. Не говорит ли это лишний раз о том, что искусство от Бога, художественное произведение божественно, что Бог контролирует творчество? И когда творишь, в тебе просыпается Бог? Творчество... Творец... Конечно, раз просыпается, значит – будет контролировать, а как же...

Люди

Все народы похожи один на другой, все люди похожи друг на друга: они одинаково чувствуют боль, обиду и несправедливость, одинаково радуются, любят своих детей и переживают за них, хотят хорошо, достойно жить, хотят быть независимыми... Все они похожи друг на друга.

И только зоркий взгляд недремлющего националиста находит в них отличительные черты, превознося их в своем народе и ненавидя в других. Так уж они устроены, эти националисты, что тут поделаешь?..

А вы не пробовали их шашкой? Порубать, и дело с концом, а?

Но дело в том, что вирус этот неуничтожим. На смену одним приходят другие и учат, как надо жить. А что делать простым людям, которые хотят быть по возможности счастливыми в этой нашей короткой жизни, хотят жить спокойно? Хотят любить своих детей и заботиться о них, хотят хорошо, достойно жить, быть независимыми...

Жизнь

Странное существо – человек. Живет себе, нормально живет, а хочет жить лучше. Ну, ладно. Понятное желание. Добивается, живет лучше, а хочет еще лучше. Совсем хорошо живет, отлично, великолепно, все имеет, но не может остановиться, хочет все лучше и лучше, все больше и больше, благо, перед глазами заразные примеры. Приходит время покидать эту жизнь, эту землю, но кто в таком положении захочет покидать? Комфортная, роскошная, сказочная жизнь. Обидно до конвульсий.

Нет, все-таки, чтобы жить хорошо, надо жить немножечко плохо.

Мойщик окон

Пока он висел на уровне девятнадцатого этажа, сидя на своей шаткой перекладине, висевшей на почти не видимых от ослепительного солнца веревках (создавалось впечатление, что он, как фокусник, парит в воздухе и чудом не падает), прохожие, задрав головы, заслонив глаза от ярких лучей, показывая друг другу пальцем на него, моющего золото окон дорогих квартир небоскреба, любовались, изумлялись, восхищались им, воспринимали его, как нечто недосыгаемо-парящее, нечто нечеловечески-бесстрашное, нечто совершенно не похожее на них, земных... Но мойщик помнил, что висит над страшной пустотой, над спящими далеко внизу людьми и машинами, над жестким, равнодушным асфальтом улицы, готовым принять его в любую минуту, как только он сделает одно неверное, рискованное движение и потеряет равновесие. А прохожие видели в нем чуть ли не символ свободы, символ оторванности от земной, обыденной жизни, символ парения...

Но вот, закончив свою работу, мойщик окон стал спускаться вниз, быстро, стремительно, красиво, по той же веревке, что теперь стала видимой и вполне прозаичной веревкой. Спустился. И что же? Никто не обращает на него внимания... Да и что на него смотреть? Человек в замаранной рабочей спецовке, усталое лицо, неуверенный, бегающий взгляд, грубые руки, беден, как церковная мышь...

Служебное рвение

Один мой знакомый устроился в строительную фирму офис-менеджером, получал приличную, по нашим меркам, зарплату и был вполне исполнительным и квалифицированным служащим. Когда все в конце рабочего дня уходило домой, он все еще сидел у компьютера; когда последним уходил домой и шеф, он все еще возился, что-то выискивал, вынюхивал в интернете, что могло бы принести доход фирме.

– А вы не идете? – спрашивал шеф.

– Мне надо еще поработать, – озабоченно отвечал мой знакомый. – Хочу узнать, могут ли из Анкары прислать нам огнеупорный кирпич...

– А-а.. – шеф одобрительно кивал и покидал свою фирму и своего ретивого сотрудника.

Он жил рядом, этот шеф строительной фирмы, и окна его квартиры в многоэтажном доме как раз выходили на фасад дома, на первом этаже которого располагалась его фирма. И, сидя дома с семьей, болтая с детьми или читая газету, он порой подходил к окну и видел, что одно окно в его офисе все еще светится, и думал про себя, что при ближайшей возможности следует повисить в должности такого добросовестного служащего, остается на работе на дополнительное время и из скромности даже не просит прибавки к зарплате.

А служащий, как только шеф уходил домой, доставал из своего шкафа надувной матрас и укладывался спать под письменным столом. В офисе было тепло, а под письменным столом – еще и уютно.

Дома и семьи у него не было, и возвращаться с работы ему было некуда.

А через некоторое время он и в самом деле получил благодарность от шефа, который повысил ему зарплату.

Облажался

Мне было двадцать, я учился в Москве и гулял с девчонками напропалую.

Однажды я зашел со своей девушкой в кафе «Север», что на улице Горького, сейчас – Тверская. Девушка жила как раз рядом с этим кафе. Была масса народа, как обычно, в те годы во всех московских кафе и ресторанах, но как только мы уселись, официантка подлетела и поставила перед нами две вазочки с мороженым, хотя рядом за столиками сидели посетители, уже минут по пятнадцать ожидавшие свои заказы, что выяснилось из их сердитых реплик в адрес этой замечательной официантки.

– Ого! – воскликнула моя девушка и с уважением посмотрела на меня. – Тебя уже здесь знают? Здорово! Все успеваешь... И смотри: как раз мое любимое, с вишневым сиропом...

Я неопределенно хмыкнул, затем промычал и уже вооружился ложечкой, чтобы нарушить девственность двух белых шаров, облитых шоколадом, когда подскочила та же официантка и, подхватив со стола наши вазочки, крикнула мне:

– Как не стыдно! Почему не сказали, что это не ваш заказ? Люди по пятнадцать минут ждут...

Она с нашими вазочками подлетела к соседнему столику, а я так и остался с ложечкой в руке.

– Ты даже побледнел, – сказала мне девушка, внимательно следившая за мной, делая над собой усилия, чтобы не захихикать.

– А хрен с ней, – сказал я, стараясь выглядеть и в самом деле беспечным, и спрятал ложечку в нагрудный карман пиджака.

– Остроумно, – поддержала меня она.

С тех пор прошло много лет, но ни тот случай, ни многие другие в моей жизни, когда я оказывался в смешном положении, не послужили мне уроком. Я до сих пор выживаю...

Девочка

У моих знакомых есть очень забавная трехлетняя дочь, Наргиз. Они зовут ее Нара. У них часто бывают гости и, увидев девочку, интересуются и получают от нее исчерпывающий ответ: три, Нара, люблю. Или же в другой последовательности: Нара, три, люблю.

Однажды пришел к ним и я. Девочка выбежала навстречу, и я спросил ее:

– Девочка, а как тебя?..

Она не дала мне договорить и ответила:

– Зовут Нара, три годика, папу и маму очень люблю. Еще вопросы есть?

– Нет, – сказал я. – Вопросов нет.

Внутренний мир

– У него богатый внутренний мир, – говорят про моего друга, и мне это приятно, я горжусь этим.

Что же, понятное дело: не имея собственных достоинств, я горжусь достоинствами своих друзей.

Да, у него, конечно, богатый внутренний мир. И что вдвойне заслуживает похвалы – внутренний мир, находящий выход на внешний рынок.

Правда

– Садись, – говорит мужчина женщине, указывая на кресло. – В ногах правды нет.
– Но правды нет и выше, – отвечает она, глядя на ширинку его брюк.

Полеты

В детстве я часто летал во сне, как все нормальные мальчишки и девчонки. Парил... Сейчас иногда мне кажется, что я опять летаю. Да, бывает. Но лечу обычно вниз. В пропасть... дух захватывает, как на американских горках. Я просыпаюсь в поту и вспоминаю, что утром надо к врачу. Или еще какую-нибудь гадость...

Развелись, мать вашу...

Если вдуматься, говорить деловому человеку, скажем, крупному бизнесмену: «Позвольте, я отниму у вас десять минут», так же неприлично, как если сказать: «Позвольте, я отниму у вас двести долларов».

В таком случае, как же с ними общаться?..

Не повезло!

Я шел по улице в восемь часов утра, мрачный, подавленный, в жутком настроении, когда вдруг встретил нищенку на почти пустой, не оскверненной еще сегодня прохожими улице.

– Дай Аллах тебе... – сказала нищенка и не договорила, зевнула.

Видно, недавно проснулась, на работу спешила.

Я машинально полез в карман и вытащил мятую купюру в пять манатов. Нищенка тут же, проворно, я бы сказал, слишком проворно для своего полусонного состояния, выхватила у меня бумажку, мелко, благодарно покивала.

– Дай Аллах тебе в сто раз больше, – на этот раз закончила она фразу.

Я не придавал значения такому пожеланию и пошел дальше своей дорогой, но не успел сделать и десяти шагов, как прямо перед собой, на тротуаре заметил нахально, неприкрыто, бесстыже-голо лежащие пять сотенных купюр.. Они лежали так, будто приглашали, будто кричали: возьми нас, мы для тебя тут лежим, для тебя уронены неизвестным ротозеем... Не веря своим глазам, я нагнулся, не веря своим рукам, поднял, не веря своему карману, положил в него деньги. И тут я вспомнила пожелание нищенки. «Черт побери, – подумал я, – ведь это как раз в сто раз больше!» Я оглянулся, ища глазами неопрятную фигуру старухи-нищенки, но та как сквозь землю провалилась на этой пустой улице. Я заметался в поисках ее, засуетился, забегал лихорадочно, забежал в соседние переулки, подъезды – все бесполезно: нищенка будто привиделась, будто и не было ее вовсе...

«Эх, черт бы меня побрал! – ругал я себя за недалекость и невезучесть, – Надо было ей в сто раз больше дать!»

С глубокой досадой в душе, еще более мрачный, я пошел дальше, с горечью подсчитывая убытки и проклиная судьбу...

Соседи

Я наблюдаю за ними, как за крысами в периоды случки. Очень любопытно.

Есть люди, начисто лишённые внутреннего мира. Им каждую минуту нужно общаться с кем-то, кричать, размахивать руками, лезть кому-то в душу. Невероятные кретины, катастрофически общительные. Они орут, горланят с утра до вечера, гадят вокруг себя и, как правило, чувствуют себя весьма комфортно в собственном говне.

Есть люди, начисто лишённые внутреннего мира, и это их совсем не тяготит. Они не знают и не хотят знать, кто они, добрые или злые, умные или глупые, зачем они пришли на этот свет... Они не думают о смерти. Они не знают себя, зато отлично знают, что творится в чужих семьях, и кто какие должности будет занимать после очередных выборов. Им важно совать нос в чужие дела, это их шанс выжить среди себе подобных: побольше, побольше знать о других, поглубже сунуть нос... Они, кажется, даже не подозревают, что у людей должна быть душа. Мысли у них сугубо практические. Они не бывают подвержены депрессии. Готовы общаться с кем угодно и когда угодно, если это может принести хоть какую-то прибыль.

Говорят, он знает то-то, как свои пять пальцев. Давно вы смотрели на свою руку? Раскройте ладонь, и вы убедитесь, что даже свои пять пальцев вы толком не знаете, не помните, не изучили. А ведь внутренний мир человека – это не ладонь, это – гораздо сложнее. Раскройте его, углубитесь в него. Кроме того, что это безумно интересно для вас самих, людям вокруг вас станет гораздо легче.

Люди избавятся, наконец, от вашего назойливого общения, корни которого в безделье и нежелании познать себя.

Писатели

Они любят кучковаться. Огромное большинство их любит тереться друг об друга, они хотят быть в стае, не мыслят себя без стаи. Индивидуалистов считают большими, порочными людьми, вроде гомосексуалистов. Они с огромным удовольствием участвуют во всех собраниях, конференциях, диспутах, любят потрепаться перед телекамерами. Неважно по поводу чего. По поводу смерти своего собрата по перу, или юбилея, или рождения, или обрезания, по поводу дня победы, дня работников метрополитена, или дня гробокопателей. Если в эту минуту крикнуть им в зал:

– Вы – дураки!

Они страшно заволнуются и станут требовать:

– Доказательства! Требуем доказательства!

А доказать трудно. Просто невозможно.

Они говорят, говорят, говорят, потом удовлетворенно усаживаются на свое место, расслабленные, как после оргазма. Словесного, разумеется. Так же они и пишут. Изводят тонны бумаги, пачкают, портят, переводят прекрасную бумагу, в которую можно было бы завернуть что-нибудь вкусное, например, рыбу, пирожное, или бутылку вина. Но они предпочитают заворачивать в нее свои убогие мыслишки. Подавляющее большинство их неудержимо рифмует стихуечки. Потом читают друг другу, хвалят друг друга, стараясь похвалить как можно более изощренно и заковыристо, словно говорят тосты, а в душе думают: нет, все-таки мой стихуечек лучше. Потом они приходят домой, утомившись от огромного излишка слов, и ложатся на диван, устало прикрыв глаза, чтобы дети не заметили в них пустоту, в которой поселилось пустозвонство.

– Тихо, дети! – говорит им мать шепотом. – Отец устал... Он спит.

А дети... Они ведь всегда верно чувствуют правду... Отец без стаи – никто, он должен быть в стае... Вот сейчас выпится и пойдет...

На пляже

Однажды, в одно из июльских воскресений на пляже (заметьте – не платном, не престижном, на обычном пляже, куда приезжают на автобусах толпы городской бедноты, захватив с собой нехитрую снедь), я встретил высокое начальство. Я только собирался разоблачиться, и как все, находящиеся здесь, принять обычный пляжный вид, как увидел его, высокое начальство, прогуливающегося с огромным чувством

собственного достоинства, насколько это возможно в неглиже. Оно меня заметило, и я подошел, из уважения к нему, оставаясь одетым, поздоровался, оно вяло пожало мне руку, наградив мою ладонь стойким запахом дорогого одеколона, и я стал прогуливаться с ним под нещадно палящим солнцем, рискуя в глазах пляжной публики показаться единственным кретином, вышагивающим по горячему песку в туфлях, брюках и рубашке...

Пот лил с меня ручьями, но я не смел раздеться, не зная еще как к этому отнесется оно, начальство, и изо всех сил поддерживал вялый, беспредметный, то и дело тухнувший разговор. Солнце старалось всюду, чтобы к концу нашего разговора у меня случилось размягчение мозга. Я уже стал лихорадочно придумывать повод, чтобы покинуть высокое начальство и, найдя кусочек тени, наконец-то, скинуть с себя все лишнее, когда оно, заметив вдруг чью-то собаку у самой воды, побагровев от ярости, громко произнесло:

– Ненавижу собак на пляже!

– Да, конечно, – тут же угодливо подхватил я, чувствуя приближающийся тепловой удар. – Это безобразие! Разве можно купаться собакам на пляже, где люди...

– Людей я тоже ненавижу! – злобно глянув на меня, оборвало оно мою подхалимскую речь и скрипнуло зубами.

– Да, конечно, – оробев, покивал я. – Люди тоже... Разные бывают... Вот однажды... – я хотел было привести пример в подтверждение того, что люди порой бывают хуже собак, но тут обнаружил, что оно самым бесцеремонным образом отошло от меня, пошло и уселось в свой шезлонг.

Я нашел клочок тени, разделся, посидел, отдыхая, и подумал:

«А хорошо бы подойти сейчас и что есть сил врезать ему ногой в пах... чтобы собак любил».

Но подумал как-то вяло, без энтузиазма, заранее зная, что ничего такого не сделаю.

Телефон

Купил новый телефон, потому что потерял старый, к которому, между прочим, очень привык, и моя бы воля, ни за что бы не променял ни на какую супер накрученную модель. И вообще мне все эти телефоны, ну их... И с ними некомфортно (звонки – сплошная нервотрепка, звонят, обычно, те, кто от тебя чего-то хочет), и без них не обойдешься. Ничего не поделаешь, жизнь не повернешь вспять, в мою молодость, когда все мы прекрасно себя чувствовали без телефонов, компьютеров, интернета, ладно... Остановимся на этом, пока меня не посчитали ретроградом, тянущим назад. Стал восстанавливать утерянные контакты, по крупичкам, по крупичкам, по звонкам, по звонкам. Изучал, осваивал и приноравливался к капризно-избалованному характеру нового приятеля, осторожнее! Нельзя тронуть, нельзя дотронуться, случайно не то тронешь, заденешь, тише, тише; носил его бережно в кармане, перекадывал в нагрудный, поближе к сердцу, чтобы не обиделся, время от времени аккуратно полировал его защищенный пленкой экран о свои брюки, дышал на него, боялся дышать на него, чтобы был со мной в хороших отношениях и принимал только приятные, доброжелательные, с выгодой для меня звонки и отвергал ненужные и неинтересные предложения. И мне казалось – задобрил. И трель его, что я выбрал, вроде бы, понравилась и ему тоже, потому что – может мне почудилось – он так нежно выдавал её, так усердно разливался соловьем, особенно по ночам, когда я спал, а он бодрствовал, не устав трезвонить целый день.

– Что тебе надо, час ночи? – спрашивал я спросонок, – порядочные люди не звонят в такое время.

– Возьми, возьми, тебя ожидает сюрприз, – отвечал он, посылая волны флюидов в мое сознание.

Я выключал его, но и выключенный, как в затасканных фильмах-хоррор, он через несколько минут, словно очнувшись после обморока, повторял звонок.

Утром я сказал ему:

– Если не перестанешь безобразничать, я продам тебя за самую низкую цену.

Он обиженно промолчал, в голове у меня ничего не послышалось, как обычно бывало во время разговора с ним. Уходя, я не взял его с собой, пусть знает, как свою рысь показывать...

Вечером, возвращаясь с работы, я еще на лестничной площадке услышал его истерические вопли, ничего общего не имевшие с прежней мелодичной трелью. Я поспешно открыл дверь, и звонок тут же прекратился, будто телефон хотел сыграть со мной в детскую игру «найди меня», я кинулся к письменному столу, на котором, уходя, оставил его. Но телефон был на полу. Я поднял его, открыл почту, вошел в vatsarr и прочитал сообщение: «приходили воры, унесли телевизор, компьютер и четырнадцать манатов, я им ничего не сказал».

Я с уважением посмотрел на телефон.

Пользовался я им крайне ограниченно, ни в какие игры я не играл, потому что давно вышел из того возраста, когда тратишь свое время на проверку своих умственных, аналитических способностей, мои возможности давно были мне известны и теперь мои годы не оставляли мне никакой надежды, что что-то в этом плане изменится к лучшему. Долго болтать по телефону я и в юные годы не мог, мне претила телефонная болтовня, только короткие деловые переговоры. Снимать фото или видео, гуляя по улицам, изображая из себя ротозея-туриста для меня не было никакой необходимости, так как я издавна привык все запоминать внутренней памятью, которую, в отличие от фото, ограниченного тупыми, косными рамками реальности, можно было дополнять и развивать своей фантазией. Таким образом, оставалось очень мало функций, что могли бы быть мной задействованы, просто в других не было необходимости, и дома укоряли меня за то, что я по своей неосведомленности купил такой дорогой телефон, когда вполне мог бы обойтись гораздо более дешевой моделью... Телефон слышал эти разговоры, слышал, как я посылал к черту все телефоны на свете, и затаил обиду...

Потом стали происходить странные вещи: вдруг куда-то бесследно исчезали важные для меня звонки, и только через время, когда момент и хороший шанс уже нельзя было вернуть, человек дозванивался, наконец, и недоумевал, почему я не отвечал и не перезванивал. Я не знал, что ответить. Сообщения по vatsarr доходили в искаженном виде, какие-то непонятные иероглифы, нужные мне три основных шрифта пропали и на их место встали китайский, древнегреческий и арабская вязь, и сколько я ни бился, чтобы вернуть шрифты, дабы можно было посылать записки, через время снова возникали неизвестные буквы и иероглифы.

– Я разобью тебе морду, телефон! – вопил я в ярости, постепенно утратив почти все деловые контакты с нужными людьми.

– На себя полюбуйся, морда, – отвечал он спокойно с оправданной иронией.

– Растоптать бы тебя, сволочь! – кипя от злости, ворчал я.

– Только попробуй, – грозил он, откровенно хихикая. – Вспомни сколько ты денег зря потратил... Я на твоём месте не стал бы так расшвыривать семейный бюджет.

Телефон, совершенно обнаглев, откалывал все новые издевательства. Теперь по ночам включался будильник, и в три ночи, четыре утра громко, воодушевленно голосом карлика-педераста возвещал начало нового дня, который принесет радость, а может даже и счастье, если сойду с ума, поскольку общеизвестно, что постоянное ощущение счастья удел идиотов.

Шли дни, и наше противостояние, в котором каждый раз я безнадежно проигрывал, все более усугублялось. Я перестал спать в напряженном ожидании звонка

будильника, что как ни старался, не мог отключить, в ожидание идиотских звонков непонятных незнакомцев, которые то и дело спрашивали среди ночи то аптеку, то прачечную, то сауну, где обслуживают молоденькие массажистки. Телефон заставил меня скрупулезно, досконально изучить все его функции нужные и ненужные, но все равно я не мог пользоваться им как своим старым телефоном, нужные не приносили никакой пользы, а ненужные просто бесили, как этот проклятый будильник и звонки не попадавших куда надо людей, будто мы вернулись в середину прошлого века. Я настолько сроднился и изучил новый с крутым норовом телефон, что чувствовал себя единым существом с ним, но вместе с тем, будто какой-то неведомый враг засел у меня внутри, как неизлечимая болезнь, которая заставляет больного думать только о ней, как огромные деньги, что управляют своим хозяином, так же и я постепенно, сроднившись, оказался в руках этого зловещего беспощадного монстра, такого симпатичного и исполнительного с виду.

И однажды среди ночи я в полусне, в напряженном ожидании очередного телефонного вопля, вдруг услышал тихий внушительный голос внутри себя, необсуждаемый приказ. Я поднялся с постели и был как сомнамбула, как зомби, безвольным как робот, которым можно было управлять... я взял телефон, как было велено, и вышел на балкон своей квартиры на шестнадцатом этаже.

– Прыгай! – приказал телефон.

И вот я прыгнул...

Советы кладбищенского сторожа

Умирать летом? В такую жару?! У вас что, крыша поехала!? Не видите, что творится? Климатический сдвиг, тают айсберги, протестуют вайсберги, кричат пингины, жара окутала своим горячим дыханием всю Европу, люди сходят с ума от разжижения мозга, от зевсова огня, обрушивающегося на них с невозмутимо-ясного неба... А тут вы вздумали умирать. Да кто, обливаясь горячим потом, потащит ваш не холодеющий труп на кладбище, ворча в душе: «Нашел время... Не мог подождать до зимы...» Нет, нет, вы уж, как хотите, но надо повременить, это уж я вам как кладбищенский сторож и одновременно гробокопатель, по доброму советую...

А зимой? Думаете, это умнее – помирать зимой? Только представьте себе, что вас опускают в промерзшую яму, что я выкопал, проклиная затвердевший грунт, а сверху беспрестанно, как нанятой идет мокрый снег, или холодный дождь, и вы в этой яме, уже полной холодной влаги, будете лежать, а мороз будет пронзать вас до костей! Бррр!.. Нет, нет, зима отпадает, не торопитесь...

Весной, вы сказали? Вы что, шутите? После лета у вас еще мозги не окрепли? Кто же может покинуть нашу землю, пробуждающуюся природу, эти липкие пахучие почки на деревьях, которые вот-вот, так сказать, вот-вот... эту зелень яркую, как воспоминания детства, запахи пробуждения, юность, ощущающую прилив сексуальных сил, старость, косящуюся на юность и в свою очередь тоже что-то вяло ощущающую, приливы беспричинного жизнерадостного настроения, не дающего спать по ночам, частые соития и коитусы, что одно и тоже (не удивляйтесь, я окончил биофак, но по обстоятельствам... мсье, жё не манж па сиз жур), звонкий смех девушек, глупости, льющиеся в уши изо рта от избытка пробудившихся сил, и хочется петь и танцевать, хотя ни того ни другого не умеете, как наши свадебные певички... Ну, что сказать: весна она и есть весна... Нет, нет, не вздумайте – это будет самая большая глупость в вашей жизни, полной мелких и средних глупостей...

Что ж, остается осень... Увядание, сникание, облетание с веток, с души, грусть, печальные воспоминания от юности до этих самых лет, инспекция по годам – удачливым, неудачливым, тоска, сжимающая ваше и без того сжатое жизнью сердце... Но как же приятно смотреть на дождь, бьющий в окно, на прохожих, обходящих лужи на

улице в этот сумеречный час, и хотеть самому стать одним из этих прохожих, чтобы ощущать прохладное прикосновение осени к лицу, холодные капли, падающие сверху, откуда Бог с сожалением смотрит на вас, на вашу неудавшуюся жизнь, когда вы думали, что именно вы – центр мироздания...

Нет, вы уж погодите еще немного... Пропустим и осень, а там видно будет...

И куда вы спешите? Сидите спокойно на пороге своего дома, – как говорят арабы, – и мимо вас пронесут труп вашего врага.

Разговор с Богом

Человек умирает, его кладут в ящик, хоронят, поминают, забывают, а бывает, что и помнят недолго, а может, и долго... По-всякому бывает. Душа его отлетает, если только допустить, что она есть (а почему же нет? Что же тогда болит и скулит в груди при жизни?), душа, значит, отлетает, куда ей полагается, а там – Он. За дверью без надписи, к которым мы привыкли в земной жизни. Душа открывает дверь, предварительно постучав, и оказывается перед Ним.

– Чего тебе?! – вопрошает Он, строго уставившись на вошедшую душу.

– Так... Как это – чего? Умер я, Господи. Преставился, так сказать. Перекинулся. Дал дуба. Земную жизнь, как сказал поэт, пройдя до половины...

– Ну и что? Ты очередь видел? Раз умер, так сразу – шасть ко мне? Стань в очередь, как все.

– Не могу я, Господи. Менталитет не позволяет. Мы такой народ: не переносим очередей, так и норовим без очереди пролезть.

– Менталитет, говоришь? Я тебе такой менталитет покажу, не обрадуешься! Ну-ка, кто там поближе к этому нахалу? Архангел, дай-ка ему хорошего пинка, чтобы он оказался в конце очереди.

– Не надо, Господи! Я же уже здесь, чего мелочиться... Стал, как говорится, пред очи Твои.

– М-м... Ладно, уговорил. Отвечай: что ты делал в одна тыща девятьсот девяносто восьмом году от рождества Христова, мая числа тринадцатого, между семнадцатью ноль-ноль и девятнадцатью тридцатью часами?

– Откуда же я помню, Господи?! Издеваешься? Ну и вопросыки у Тебя!

– Ясное дело, не помнишь. Помнил бы – отвечал за свои деяния и помыслы на земле. Говори прямо: не веруешь в меня, атеист чертов!

– Нет, что Ты, Господи, не атеист я!

– Не смей меня называть на «ты», негодяй!

– А как же Тебя называть?

– А?.. Ну, да... Ладно... Значит, говоришь – не атеист?

– Нет, нет, что Ты?! Ни боже мой!... Упаси Господь! Век воли не видеть!

– М-м... На земле как жил? Подай мне книгу, архангел, погляжу... Хотя и без книги, по роже его видно... Блудил? Хитрил? Лгал? Прелюбодействовал? Злато любил? Чревоугодничал? Скандалил? Лез на рожон? Тщете и суете мирской не противился? Семь раз не отмерял?.. Лез в бочку? Лез в бутылку? Отвечай!

– Так ведь... Всего понемногу... Всякое бывало... Но я же живой человек, Господи, то есть, был живой, пожить любил... ты же не отправишь меня за это в ад, правда? А вот давай-ка лучше расскажу Тебе, как все это началось...

– Что началось?

– Ну, как я умирать начал, с чего началось, что я попал к Тебе.

– Не надо. Забыл перед Кем стоишь? Все знаю, все ведаю...

– Знаю, что знаешь. Но очень уж рассказать хочется. От первого лица, так сказать... Когда еще выпадет такая возможность пообщаться с самим Богом?

– Болтун...

– Я, понимаешь, сценарии пишу, написал сценарий, отнес этим уродам, чиновникам, которые ни хрена не разбираются в сценариях... Так уж у нас повелось: каждый занимается тем, в чем не разбирается. Ну, слово за слово, врезал я по морде этому чиновнику, чтобы в дальнейшем разобрался лучше. Когда он пришел в себя, со мной уже говорил следователь. Мне не понравились его вопросы, я понял, что он хотел бы обогатиться за мой счет. Врезал я этому следователю, когда он пришел в себя, я уже обживал камеру. А тут в камере человек тридцать гавриков, и как мне удалось выяснить, никто из них не читал ни Джойса, ни Кафку, ни Борхеса, злость взяла меня, век воли не видать, врезал я одному, чтобы остальные срочно занялись упущенным самообразованием. Когда я пришел в себя, я был уже в реанимационном отделении с обширным инфарктом... Хотели мне шунтирование сделать за десять тысяч, уже договаривались с родными, а я всех их надул и умер...

– Ну, все сказал? Ты думаешь, у меня есть время, чтобы выслушивать глупости всякого болтуна?

– Как же?... Какие могут быть у Тебя проблемы со временем? Ты ведь Царь времен.

– Не болтай лишнего... Итак: каешься в грехах?

– Как Ты сказал?

– Каешься, говорю, каешься, жалеешь, что так непотребно прожил свою единственную и неповторимую жизнь, которую я сгоряча, по великой доброте своей подарил тебе?! Каешься и сожалеешь?! Ну, что молчишь, поганец? Долго мне ждать ответа?!

– Нет, Господи, не сожалею... Ты уж не обижайся... Ты, конечно, можешь отправить меня в ад, но между нами, мы-то с Тобой прекрасно знаем, что ад, что рай – один хрен, большой разницы нет, если подумать. Просто это зависит от того, как посмотреть, верно? От ракурса...

– Ох уж мне эти философы... А вот как начнут варить тебя в кипящей смоле, тогда узнаешь разницу. Я вижу, жизнь тебя ничему не научила...

– Не дави на меня, Господи. Неприлично Тебе, Всесильному. А жизнь... Тут оглянуться не успеешь – умирать пора... Разве так можно? Жалко Тебе что ли, подкинуть еще хотя бы сотенку...

– Я тебе так подкину – мало не покажется! Сколько ты молол языком при жизни, так теперь и после смерти философствовать вздумал.

– Когда же еще философствовать?..

– М-м... Тоже верно... Что же мне с тобой делать? Куда тебя определить?

– Верни меня на землю, Господи! – вдруг горячо взмолилась душа, – И я уверую в силу Твою. Вон посмотри, в реанимации горбольницы врачи все еще что-то химичат с моим телом, олухи. Верни меня, удиви этих умников!

– Ишь, чего захотел! Вернуть его... М-м... Хитрец... А впрочем, пошел вон! Здесь нет тебе места, также, как не было на земле...

САЛИМ БАБУЛЛАОГЛУ

Июль

Да, стихи обычно пишут
На бумаге белоснежной.
Незатейливые строки
Из кафешки той же, прежней

На газете я пишу.

Этот город в пять миллионов:
То есть стало много нас.
И чем больше нас, тем больше
Одиночества подчас

И тем боле по ночам,

И когда уходят в сон,
В первобытные виденья
Жители земли подлунной,
Понимаешь в откровенье,

Храп и слово их пусты.

Как бирюк тогда захочешь
Ты завывать, сходя с ума,
Но бумагу очень жаль.
Ведь она нема, нема.

Заглушив свой голос в сердце –

В том далеком, чуждом крае,
Ругань в слово превращаешь.
Многие сдались без боя,
Ты прекрасно это знаешь,

Да, сдались в борьбе с собой.

Где найти теперь иконы?
Где найти теперь Коран?
Ведь в эфире только кола,
Шарлатан или смутьян.

Ну, о`кэй, то есть мерси.

Одопевцы все на дачах,
Насими в крови от ран.

**И вокруг, везде, повсюду
В моде только шум и гам,**

Рэп дешевый, мейхана.

**За гроши Христа продал
Ученик его Иуда.
В мире кризис и в стране,
Ждем финансового чуда –**

Нужен ли тут комментарий?

**С настроенщиком моим
Вот как дело обстоит.
Слава Богу, все здоровы.
Остальное лишь петит,**

Город... людно... толчея...

**Так что, друг мой, не пиши
О стране в ответ, и мире.
Может, в этом случае
Полюблю я снова лиру:**

Друг для друга – зеркало.

**И не надо заводить
О высоком разном речи.
Напиши, в порядке дети?
Как с болезнью, астму лечишь?**

Продолжаешь пить лекарства?

**Напиши о пустяках,
Поливаешь ли ты розы.
Не пиши ни в коем разе,
Как судьба нам шлет морозы,**

Это всем давно известно.

**Напиши, что стал косматым,
Бородой лицо покрыто.
Если денег нет совсем,
Денег в долг займи у сытых,**

И постричься можно в долг.

**Не пиши, что протекает
По ночам на кухне кран;
И что страхи досаждают
И душа болит от ран –**

Кран плотней закрой, и всё.

**Нет, не каждый, кто поёт,
Есть поэт – посланник рая.
И тот хлеб, что мы едим,
Не одну муку вбирает,**

Есть огонь, и труд, Творец.

**Не считай, что одинок,
Никому ты не в охотку.
Ведь под каждым знанием
Грех таится – пусть щепотка;**

Как греха нам избежать?

**Всё равно дубинки знают
Свое дело – то есть тело.
Если сердце еще бьется,
То оно – часы всецело –**

Если б только не страданья.

**Напиши, что распашонки
На веревках небольших,
Что прищепки черные
Укусили будто их,**

И тогда ты взвыл от боли.

**Не пиши мне о коллегах,
Тех, кто сеет в сердце грусть...
Пусть им тоже повезет,
Правдой обернутся пусть**

Даже лживые известья.

**О правах людей, режиме
Ты не спрашивай меня.
Напиши, как сам Мушфиг,
Каково страдать любя,**

Каково любя страдать.

**Напиши: жена молчит,
Значит, любит, как и прежде.
Уравнение из двоих
В вас вселяет только нежность,**

Напиши, что тоже любишь.

Не пиши: мы кровь пролили,
Вот что требует свобода.
Напиши на небе месяц,
А внизу морские воды.

Не пиши, что нет следов глубоких.

Расскажи, на карте видишь
Ты страну свою, как прежде.
Это дарит, как всегда,
Только гордость и надежду.

Может ли быть что-то лучше...

Не пиши, через забор
Видишь ты лачуги лишь,
Видишь ты одни хибары,
Чьи печальны жители.

Напиши, что счастливы.

Не пиши, что Мармара
Утопает вся в крови.
Ведь луна, песок, пейзаж
В человеческой любви

Так нуждаются порой.

Напиши, подсолнуха
Сердцевина расцвела.
И на грядке тыквочка
Словно шар земной круга,

И она в согласие с миром.

Напиши, друзья бодры,
Их прекрасен стройный стан.
Твёрдо на ногах стоят,
Каждый из них, как титан,

Страх не ведом им ничуть.

Не пиши, что очень жарко,
Что хазри нам колет глаз –
Вспомни, лето на дворе,
Ты глаза закрой тотчас

и подумай: пусть он дует.

Напиши, что тесть твой пьет
Чай душистый с мятою,
У него арбузы в грядке,
И они все полосатые,

Полосы сошлись на полюсе.

**Пусть медведки изгрызают
Сердцевину всех плодов.
Лето, лето – значит, праздник
Пчел мохнатых и жуков,**

Вот стрекочут и поют.

**Не пиши, забот так много,
Не пиши, что бремен мир.
Паузы расставь во фразе,
Всё изменит сей пунктир:**

Бремен... мир... забот... так много...!

**Напиши, что сына плавать
Научил ты с малолетства.
Напиши, что дочь твою
Научила мать кокетству**

За шитьем своей рубашки.

**Напиши, что твоя мать
На ногах, здорова, значит.
Напиши, отец твой строгий
Больше от тебя не прячет**

Сердце чуткое свое.

**Напиши, покамест двери
Открываются, как раньше.
А за ними малыши,
В смехе их совсем нет фальши,**

Бабушки спят в комнатах.

**Напиши, что человек
Не совсем уж одинок,
Если вспомнить есть кого,
Помнит всех наш мудрый Бог:**

Всех – тебя, меня и их.

**Напиши, что самовар
Так горяч, а дым – трубой.
В этот вечерок прохладный
Стол накрыт тут за стеной,**

Ждет соседей чаепитье.

Напиши, июль прошел,
Весь насыщенный сполна.
От лугов, полей исходит
Ароматная волна,

Даже издали почуешь.

На бумаге белой пишут,
Пишут что-то... ну, и ладно...
Я в кафешке той же, прежней
Перед зеркалом всем в пятнах

Написал тебе, мой друг.

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

НИДЖАТ МАМЕДОВ

«ИЮЛЬ» САЛИМА БАБУЛЛАОГЛУ

Стихотворение «Июль» занимает привилегированное центральное, 7-е место в сборнике Салима Бабуллаоглу «Фраза с выпавшей первой буквой», состоящем из 13 фрагментов. В этом смысле оно симметрично. Следует сделать еще несколько важных комментариев: прежде всего, эта книга – «поэтический календарь», кроме 12 стихотворений, чьи названия соответствуют 12 месяцам григорианского календаря, в ней есть еще одно стихотворение под названием «Рамазан» – это особый месяц лунного календаря, «султан остальных 11 месяцев». Подзаголовок стихотворения «Рамазан» звучит следующим образом: «Стихи главного месяца». Учитывая, что каждый месяц лунного календаря смещается ежегодно на 10 дней в соответствии с нашим григорианским календарем, то всё вышесказанное можно расценивать в качестве первого и, вероятно, важнейшего комментария по поводу оригинальной структуры этой поэтической книги, об одном стихотворении которой мы станем говорить дальше.

Сюжет стихотворения при первом прочтении прост: поэт, сидя в кафе, пишет послание другу, рассказывает немного о себе, немного о современном быте, спрашивает друга о его делах, заботах, здоровье, дает кое-какие наставления. Однако финальные строки этого длинного стихотворения (190 строк) неожиданным образом обнаруживают тот факт, что поэт писал самому себе, сидя перед зеркалом:

*Mənsə həmin kafədə,
Qarşıda kirlı güzgü,
Sənə yazırdım, dostum.*

Таким образом, перед нами оказывается глубоко рефлексивный текст (от *позднелат. reflexio* – «обращение назад»), где под рефлексией следует подразумевать не только обращение сознания самого себя, но также то, что данное стихотворение подталкивает читателя перечитать его во второй раз, держа в уме финальный пуант. Хорошее стихотворение (одним из образцов которого является «Июль») всегда образовано как система повторов, сигнализирующих о том, что сообщаемая информация важна. На структурном уровне повторение ритмической доли создает размер, фонем – аллитерацию, созвучий в конце строки – рифму, схемы рифмовки – строфу, «чужого слова» – интертекстуальность. Несколько всё упрощая, можно сказать, что

хорошим текстом является тот, который хочется перечитывать повторно. «Июль» написан семисложником, самым песенным, фольклорным, «детским» размером азербайджанской поэзии. *«Печаль, сдерживаемая размером, может сойти за рабочее определение смирения, если не всего искусства поэзии»*. Эти слова Бродского об Одене можно отнести и к поэзии Салима Бабуллаоглу, в частности, к «Июлю».

Следует сделать еще несколько замечаний в связи со структурой, архитектурой «Июля». Как уже было сказано, это длинное стихотворение написано традиционным семисложником; но дело в том, что Бабуллаоглу в то же время нарушил традицию, добавил пятую строку к семисложной четырехстрочной строфе, которая обычно пишется с перекрестными и параллельными рифмами. Нет, у этого подхода нет связи с «пятеркой», что встречается в азербайджанской поэзии, истории литературы. Между этой последней, пятой строкой и остальными четырьмя (традиционной строфой) расположен однострочный пробел, интервал. Именно эта «одиночная» пятая строка зачастую (почти всегда) либо выражает суть предыдущих четырех строк, либо, если не выражает, то предельно усиливает вопросительную или восклицательную интонацию предыдущей строки; либо же, привнося легкую иронию вперемешку с печалью, придает целостность строфе. Интересно то, что «Июль» может быть прочитан и без этих одиночных строк, но с ними настроение и чувственность стиха предстают совершенно иными. Будто и сам автор находится в той одиночной строке, одиночество, сквозящее во всем строении стихотворения, визуально выражено в этой отдельной строке. Будто весь мир выражен цельными четырьмя строками, а одинокий человек, автор, одной строкой отделяет себя от мира на расстоянии одного интервала.

Уместно добавить следующее: Салим Бабуллаоглу в своих прежних поэтических опытах прибегал к силлабике и верлибрам, в которых строки состояли порой из 21, 25, 27 и более слогов (как это уже было в его «IX части», написанной в четырех вариантах), что для азербайджанской поэзии является беспрецедентным явлением. В той же «IX части» Бабуллаоглу экспериментировал с традиционными семисложными формами, конкретно говоря, с баяты – самым популярным семисложником, оставляя для читателя небольшую форточку после довольно «утомительного» чтения длинных строк:

*Dağlarda duman var,
Bir özgə güman var.
Yun kimi didilər,
Hələki aman var.*

Это похоже на баяты, но строки состоят не из семи, а из шести слогов.

Вышесказанное можно подытожить следующим образом: поэтическое кредо Бабуллаоглу возвращено не отрицанием клишированных размеров и схем национального стиха, но добавлением к ним, что можно увидеть и в «Июле».

Вторично мы читаем «Июль», уже зная то, что это не послание, а автопослание, письмо самому себе. Если «Полковнику никто не пишет» (так называется не только повесть Маркеса, но также один из сборников Салима Бабуллаоглу и одно из стихотворений в данном сборнике), он решается написать самому себе. Письмо самому себе в будущее – один из психотерапевтических методов. Однако для поэта будущее – это всегда, ведь *«стихи – это новость, которая никогда не устаревает»* (кажется, Паунд). Эту цитату по поводу новостей можно оправдать первой же строфой «Июля»:

*Bu adi sətirləri
Sənə həmin kafedən
Qəzet üstə yazıram.*

Эти строки, в свою очередь, намекают на то, что перед нами **палимпсест** – в древности так обозначалась рукопись, написанная на пергаменте, уже бывшем в подобном употреблении. А в эпоху постмодерна палимпсест постепенно сделался синонимом культуры вообще. Первая и последняя строфы «Июля» образуют смысловую рифму: набранная газета, бывшая ранее чистой бумагой, перекликается с «*kirli güzgü*».

Жанр автопослания родственен жанру автоэпитафии. «*Часто автоэпитафия формулируется как обращение к путнику, к прохожему – старинный прием, использовавшийся еще в античные времена, когда надгробие украшали именно такие обращения к идущему мимо*» (<https://kulturologia.ru/blogs/081023/57673/>). Так и «Июль» – кроме послания к самому себе, обращение к случайному читателю, который раскрыл книгу прямо посередине.

Рефлексивность, обращение назад, зеркальность пронизывают всё строение «Июля». Так, уже во второй строфе читаем:

*Beş milyonluq bir şəhər:
Yəni çoxalmışq biz.
Sayımızla sərasər
Artıbdı təkliyimiz*

«*Зеркала и совокупление отвратительны, ибо умножают количество людей*», – пишет Борхес.

Далее читаем:

*Efirdə nə ikona,
Nə Quran yazısı var.
Reklam olunur kola,
Mavilər, narıncılar,*

O'key, mersi mikonət.

С момента появления телевизора он стал еще одной зримой метафорой зеркала. Слово на фарси «*mikonət*», упоминание Корана и колы заставляет меня вспомнить распространенный лет десять-пятнадцать назад мем: тогда в Иране появилась конспирологическая теория о том, что надпись «*Coca Cola*», прочитанная наоборот, то есть зеркально, образует арабские буквы, якобы складывающиеся в слова «Нет Мухаммеда, нет Мекки».

Через строфу читаем:

*Otuz gümüşə satdı,
Eh, Məsihi İuda.*

Эти строки напоминают мне в свете зеркальности «Июля» «Евангелие от Варнавы». Согласно этому апокрифу, Иисус не был распят, вместо него был казнён Иуда Искариот, принявший в момент ареста облик Иисуса, самого же Иисуса четыре ангела извлекли из дома через окно и вознесли живым на третье небо (глава 215).

Через две строфы читаем:

Dost dostun güzgüsüdür.

Личность поэта, являющегося глубоко верующим человеком, побуждает трактовать эти строки в суфийском ключе: Бог и верующий в Него – друзья, взаимно отражающие друг друга. Вдобавок вспоминается дружба Руми и Шамса. Эта аллюзия подтверждается словами «aşıq» и «məşuq», которые встречаются несколькими строфами далее.

Вызывающим особый интерес является следующая строфа:

*Yazma, qonşu otaqda
Həmkarların... hər nəysə...
Təki onlar yarısın:
Hətta yanlıq xəbərlər*

Ünvanına düz çatsın.

С семиотической точки зрения, любая информация имеет отправителя и получателя, переходя через канал связи и подвергаясь тем самым шуму, искажению. Слово отправленное и слово полученное принципиально не равны. Однако метафора кривого зеркала, наставленного на живую, ошибочную информацию, парадоксальным образом обращает эту ложь в правду.

В следующей строфе поэт пишет:

*Yaz ki, qadının susur,
Deməli sevir hələ.
İkiməchullu düstur
Pozulmayıb məhlədə,*

Yaz ki, sən də sevir sən.

Уравнение, состоящее из мужской и женской фигур: $x = y$. И снова перед нами зеркальность, образованная знаком равенства. С другой стороны, нам немало встречались и надписи на стенах, где после приплюсованных заглавных букв имен юных влюбленных следует знак равенства, а после этого знака изображение сердечка...

Зеркальным отображением любви между Богом и человеком становится земная любовь, в данном случае любовь между супругами.

Через строфу читаем:

*Söylə, yenə xəritədə
Öz ölkəni görürsən.*

Географическая карта – еще одно зеркало, отражающее в уменьшенном масштабе любимую поэтом родину.

Многоликость символики зеркала проявляется в «Июле» во всей своей полноте. Этот символ можно трактовать не только в положительном, но и отрицательном ключе. Именно множественность, а зачастую противоречивость трактовок

отличает хорошее стихотворение от плохого, обладающего однозначной трактовкой, что, в свою очередь, выводит стихотворение из области поэзии и сближает его с газетой-однодневкой.

Порой зеркало выступает в «Июле» в качестве дурной бесконечности – неопределённой бесконечности, не включающей в себя понятие своего предела. Однако Бабуллаоглу – поэт верующий, и потому он верит в Начало и Конец.

Одним из прижизненных средств избегания этой дурной бесконечности является отказ:

Eləcə gözünü yum.

Или:

Suyu bağla və yetər.

К финалу зеркальность обретает новые обертоны. Три поколения одной семьи отражают друг друга: отец и мать поэта, он сам и его супруга, а также его сын и дочь.

Зеркало может оборачиваться незапертыми дверями, за которыми мы обнаруживаем безгрешность:

*Yaz ki, hələ qapılar
Açılır və örtülür.
Qapıların dalında
Totuq körpələr gülür,*

Yatır yumaq qarılar.

Для всего этого стихотворения характерно тихое благородство, риторически выраженное в косвенной речи: поэт повествует о себе, не прибегая к «я», сохраняя трезвую дистанцию; говорит о неприглядных вещах, начиная фразу со слова «*yazma ki*».

В «Июле» всего пара-тройка вопросительных фраз, важнейшей из которых является:

Bəlkə, qaçaq günahdan?

Этот вопрос подкреплен встречающейся чуть выше фразой «*qara dəftər*», где она употреблена в сниженном, бытовом контексте как тетрадь, куда записываются долги за купленные в рассрочку продукты. Но в том и состоит величие поэта, что он намекает посредством сниженных деталей и высказываний на более высокие идеи и обстоятельства. И тогда «*qara dəftər*» прочитывается как аллюзия на список грехов, которые заносит в тетрадь ангел на левом плече.

Итак, главный вопрос поставлен. Но и ответ на него дан. Дружба, любовь к Богу, любовь к близким, к родине, к Слову отшлифовывают сердце поэта до идеала, подобного божественному зеркалу, отражающему мир без единого искажения.

А последним выражением этого является то, что стихотворение «Июль», о котором мы подробно поговорили, состоит из 38 строк (строфа в данном случае 4+1 строка), и написано поэтом в 38-летнем возрасте, что можно расценивать как последнее зеркало, отражение жизни в тексте и Текста в жизни.

БОРИС ОСТРОВСКИЙ

Наш соотечественник Борис Иосифович Островский (врач-психиатр, доктор мед. наук, профессор) по прошествию полвека вернулся в родной Азербайджан и поселился в пригороде Баку. В студенческие годы публиковался в газетах «Вечерний Баку» и «Молодежь Азербайджана». В 1966 году рассказ студента медицинского института был включен в сборник научно-фантастических произведений бакинских писателей (издательство «Азернешр»). Позже книги Бориса Иосифовича публиковались в ведущих издательствах Москвы. А недавно две его книги вышли в «Austin Macauley Publishers» (Лондон-Кембридж-Нью Йорк, 2023, 2024 гг.) – на английском языке.

ПРЕЛЮДИЯ

*Ничему не удивляться есть, разумеется,
признак глупости, а не ума.*

Фёдор Достоевский

Меня всегда привлекало то, что поражает воображение, что выходит за рамки привычного. Должно быть, поэтому с детства я люблю фокусы. Помню, какое сильное удивление вызывали у меня трюки Амаяка Акопяна, замечательного артиста этого оригинального жанра. Позже я сам освоил несколько эффектных фокусов и охотно демонстрировал их в кругу друзей...

То были 60-е годы, когда хрущевская оттепель размораживала кондовые идеологические установки, когда на страницы отечественных газет и журналов хлынули сведения о таких загадочных явлениях, как телепатия, ясновидение, кожно-оптическое зрение. Описания экспериментов по передаче мысли на расстояние, уникальные способности некоторых людей различать цвета кончиками пальцев или перемещать предметы волевым усилием, поражали воображение 16-летнего юноши. Разумеется, я не мог пропустить выступление Вольфа Мессинга, известного своей способностью отгадывать чужие мысли. Психологическое шоу проходило в бакинском Доме офицеров. Невысокий седовласый мужчина с остекленевшим взглядом шнырял по залу, временами вспарывая напряженную тишину резко выраженным еврейским акцентом: «Дайте мысль!» И действительно, выполнял мысленные приказы державшего его за запястье и едва поспевавшего за ним «индуктора» – доставал из карманов зрителей разные предметы, манипулировал ими. Строгая дама сопровождала выступление научнообразными объяснениями, которые мало что объясняли, и потрясенная эффектом публика покидала зал с мистическим восторгом.

Молодость самонадеянна, и я страстно возжелал также удивлять людей способностью отгадывать их мысли. Тренировка была простой: как и Мессинг, я просил, чтобы меня брали за запястье и мысленно приказывали выполнить какое-нибудь действие. Сначала, конечно, не получалось, и я изрядно надоел близким своими «глупостями». Когда же через некоторое время мне стало удаваться выполнить задание, – найти и переставить задуманный предмет в комнате, – это относили к случайному совпадению или невольной подсказке. Но со временем я почти перестал ошибаться, выполнял мысленные приказы даже с завязанными глазами, и в конце концов все уверовали в мою удивительную способность. Сначала я демонстрировал «чтение мыс-

лей» на молодежных вечеринках, но со временем меня стали приглашать выступить с психологическими опытами в вузы и научно-исследовательские институты. Решение поступать в медицинский институт диктовалось стремлением посвятить себя изучению парапсихологии.

«Бегство от чуда»

В сентябре 1965 года в Баку проводился Первый Всесоюзный симпозиум по проблемам бионики. В ту пору я, студент четвертого курса Азербайджанского медицинского института, внештатно подрабатывал в бакинской «Вечёрке». Готовя обзорную статью по материалам симпозиума, после занятий в институте я торопился в здание Академии наук. Как-то в перерыве между заседаниями мой приятель, писатель Генрих Альтов, указал на крупного кряжистого мужчину с фотоаппаратом на боку: «Вон тот – Теплов». Облокотившись о мраморную колонну, мужчина курил папиросу. Я заметил, что лицо Теплова мне знакомо. «Немудрено, – ответил писатель. – Теплов часто выступает по центральному телевидению».

Лев Павлович Теплов, заведующий отделом науки АПН, не верил в инопланетян, снежного человека, телепатию и вел с подобного рода сенсациями планомерную войну. Поговаривали, что этот журналист завоевывает себе популярность антисенсациями. Я подошел к Теплову, представился и предложил выступить в «Клубе интересных встреч», при медицинском институте. Журналист охотно принял приглашение. В учебных корпусах вывесили объявления о предстоящей встрече с московским научным обозревателем, и через день, в семь вечера Теплов вышел на ярко освещенную сцену.

– Я журналист, – сказал он в микрофон. – Пишу в основном о науке. Сегодня хотел бы поделиться с вами, медиками, своими соображениями о парапсихологии. Сведения о телепатии, телекинезе, в общем, не новы, но в последние годы предпринимаются попытки воспроизвести эти, так сказать, феномены в лабораторных условиях. В то же время некоторые ученые не желают участвовать в сомнительных, по их мнению, дискуссиях. Лично я считаю, что вести дискуссии необходимо. Вовлекая в сферу решения своих задач такие области знаний, как эволюция живого и сущность сознания, парапсихологи влияют на мировоззрение огромной читающей аудитории. Вот почему эти вопросы нельзя оставлять без ответа. К парапсихологии я отнес бы и приписываемую некоторым людям способность видеть без глаз, поверхностью кожи. Но, прежде чем высказать по этому поводу свое суждение... – Теплов выдержал интригующую паузу, – продемонстрирую, как это делается. Я специально захватил шарф.

Аудитория оживилась. Добровольцы из зала тщательно завязали Теплову глаза и подложили под пальцы газету. Журналист прочел название. Попробовали второй раз – опять прочел. Раздалась возгласы удивления, недоверия. Теплов поднял руку, призывая к тишине.

– Хватит экспериментировать. Секрет прост: я подглядывал. Как бы тщательно вы ни пытались закрыть мне глаза, почти всегда найдется щелочка – между пальцами или из-под шарфа, – через которую можно подглядеть. Вы спросите: и этим исчерпывается объяснение феномена? Отвечаю: да, именно подглядыванием. Вы спросите: неужели не ставились опыты, при которых исключалась бы возможность жульничества? Такие опыты, конечно, проводились, и результаты их всегда оказывались отрицательными. Один такой опыт провел ваш покорный слуга...

Это было в прошлом году на собрании, посвященном феномену кожно-оптического зрения. Инициаторы вновь представили аудитории Розу Кулешову, прославившуюся своими «зрячими» пальцами. Женщина проживает в Нижнем Тагиле, и с легкой руки местного журналиста за ней закрепился эпитет «тагильское чудо». Оша-

левшая от славы Роза на сей раз действительно творила чудеса. С завязанными глазами она не только различала пальцами цвета, но и читала тексты. Я предложил контрольный эксперимент. В картонную коробку (я принес с собой большую коробку) помещается цветная пленка, а Роза, просунув руку внутрь коробки через рукав, каким пользуются профессиональные фотографы, должна определить, какого она цвета. Мне возразили: в ящике темно, а в темноте даже глазами невозможно видеть, не то, что пальцами. Я пояснил, что в ящике имеется лампочка, на батарейке, а клавиш для включения выведен наружу. Но Роза заупрямилась, заявив, что мое недоверие действует ей на нервы.

Здесь уместно сказать о том, что собой представляет Роза. Эта гражданка не раз привлекалась к уголовной ответственности за мошенничество. Кроме того, по заключению врачей, она отличается крайне неустойчивой психикой, ей ничего не стоит закатить истерику. Я подошел к Розе, стал убеждать не отказываться от эксперимента. При этом быстро вложил внутрь ящика одну из цветных пленок. Неожиданно Роза согласилась. Она просунула руку в ящик, не забыв при этом включить лампочку.

– Ну, как, Роза, можешь определить цвет?

Роза утвердительно кивает: «Красный».

Достают пленку – действительно, пленка красная...

Широко улыбнувшись, Теплов обвел взглядом аудиторию. Потом продолжил:

– Когда Роза удалилась, несколько человек из зала высказали сомнения в чистоте эксперимента. К ним присоединились и другие участники конференции: когда я вкладывал в ящик пленку, они заметили, какого она цвета, могла, мол, увидеть и Кулешова. Прекрасно! Замечательно! Моей целью и было, чтобы Роза – увидела. Опыт чист! Я доказал это, продемонстрировав, что лампочка испорчена, ящик внутри не освещался. И здесь я согласен с инициаторами «кожного зрения»: в темноте невозможно различить цвет ни пальцами, ни глазами. Роза, попросту говоря, попала на удочку, она так торопилась продемонстрировать свои «способности», что не подумала о подвохе...

Теплов кашлянул в кулак и стал прохаживаться по сцене.

– Специфика популяризации позволяет красочно расписывать достижения науки. При этом возникает риск преступить грань научной достоверности, скатиться в спекуляции. Риск особенно возрастает, если журналист недостаточно вооружен знаниями марксистской философии. Такие журналисты делают сенсации. Сенсации в плохом смысле слова...

Я чувствовал, как в аудитории зреет несогласие, и сейчас оно прорвалось наружу. Заложив руки за спину, Теплов стал ждать, пока утихнет протестующий ропот. Лицо его покраснело, губы сжались. Когда аудитория стихла, он продолжил, чеканя слова:

– Мое утверждение не голословно. В физике известен «принцип запрета», выражающий невозможность того или иного явления. Например, невозможность создания вечного двигателя вытекает из закона сохранения энергии. Очевидно, «принцип запрета» следует привнести и в биологию. Невозможность кожного зрения вытекает из законов эволюции. Природа в высшей степени экономна: если она не дала человеку иных органов зрения, кроме глаз, значит иначе, как посредством глаз человек видеть не может.

Теплов остановился в правом углу сцены, усмехнулся какой-то своей мысли.

– Некоторые собратья по перу обвиняют меня в консерватизме, мол, Теплов огульно отрицает нарождающиеся знания. В конце концов, это дело ученых – спорить и доказывать истину. Да, да, тысячу раз согласен. Но позвольте заметить: не во всяком споре рождается истина. Когда средневековые схоласты вели спор, сколько ангелов уместится на кончике иглы, вряд ли кто-то из них был прав. Делать науку – ученым. Я же выступаю против антинауки...

Нет, это был не экспромт, это был бой. Еще один бой беспристрастного историографа науки с дешевыми сенсациями.

Теплов говорил уверенно, четко формулировал мысли и вновь завоевывал аудиторию. Он привел несколько случаев разоблачения шарлатанов, которые из желания прославиться успешно дурачили ученых. Уже спокойно и обстоятельно рассказал Теплов о том вреде, который легковверные или недобросовестные журналисты наносят материалистической идеологии: торопясь удивить читателя невероятными явлениями, они по сути предоставляют место чудесам. В заключение Теплов привел высказывание Дидро, что наука, дескать, призвана делать человека более образованным, а не более удивленным.

Встреча предполагала полемику. Я вышел на сцену и сказал:

– Я не согласен. К сожалению, мы привыкли понимать чудо как нечто, противное науке. Эта установка, очевидно, порождена борьбой с религией, где понятие «чудо» отождествляют с суеверием. Между тем Эйнштейн считал, что развитие мировоззрения идет по пути преодоления чувства удивления перед необычным, тем, что кажется невероятным. Физик назвал преодоление этого чувства «бегством от чуда». Если игнорировать чудо, каким его понимал Эйнштейн, тогда людям нечему будет удивляться и не от чего убежать. И здесь сенсация играет как раз позитивную роль. Ясно, что человек, далекий от науки, охотнее прочтет популярный и поражающий воображение репортаж, нежели сухую статью в академическом журнале. В этом смысле сенсации повышают образованность...

Моя речь, как пишут в газетных передовицах, прерывалась бурными аплодисментами. Уходя со сцены, я поймал на себе укоризненный взгляд Теплова. Научный обозреватель АПН, должно быть, думал, что я испортил его выступление, что первобытное свойство человека поддаваться эмоциональному воздействию способно разрушить любые разумные доводы.

Я попросил у Теплова разрешения проводить его до гостиницы, хотелось узнать, что он имеет против телепатии. Мы вышли из здания института, свернули к Молоканскому саду. На мой вопрос Теплов с расстановкой ответил:

– Критерием научной достоверности является, в частности, повторяемость эксперимента в аналогичных условиях. В экспериментах по передаче мыслей на расстоянии такой повторяемости не наблюдается.

Он был прав, этот Теплов. Но я не сдавался.

– Да, положительных результатов пока нет. Но это не значит, что телепатии нет.

– И не значит, что телепатия есть, – легко парировал Теплов. – Видишь ли, Боря, в науке всегда есть и будет что-то непознанное. К тому же существует масса спекулятивных гипотез, типа инопланетян или снежных людей, которые ни подтвердить, ни опровергнуть никак невозможно. И сейчас ты сподобился парапсихологам, прибегающим к хитрому приему: отсутствие доказательств использовал в качестве доказательства.

Я пытался спорить, приводил в пример Вольфа Мессинга, но в возражениях журналиста не услышал ничего для себя нового, все они по сути сводились к тому, что написано в учебнике философии.

Мы дошли до гостиницы «Южная». Теплов подал мне руку.

– Нам пора расстаться, Боря. Не пойми меня превратно, на самом деле я одобряю твои попытки осмыслить природу. Это так редко сегодня, – добавил он с легкой грустью. – Подобные размышления всегда плодотворны, даже если не приносят ожидаемых результатов. Если посетишь Москву, буду рад встретиться и продолжить нашу беседу.

Пре-людия

Юношеская мечта посвятить себя изучению парапсихологии не сбылась, зато судьба избрала для меня нечто созвучное – я стал врачом-психиатром. Но прежде пришлось два года «отрабатывать» диплом в сибирской глубинке и еще год – врачом неотложной медицинской помощи при поликлинике в Тушинском районе Москвы. (В те годы столица нашей Родины была «закрытым» городом, но меня приняли на работу по так называемому лимиту – из-за острой нехватки врачей). Несмотря на разницу в возрасте, с Тепловым я, можно сказать, сдружился. В конце недели он приглашал меня к себе домой, и мы за чашкой кофе, а то и за бутылкой «Столичной», вели интеллектуальные беседы. И еще. Журналист доводил до ума мои литературные опусы, благодаря чему две мои статьи были опубликованы в престижном в те годы научно-популярном журнале «Знание-сила». Однажды Теплов попросил меня («долг платежом красен») продемонстрировать психологические опыты в школе, в которой училась его дочь. Через несколько дней афиша, оформленная в стиле старинных шاپито, висела на стене в школьном вестибюле.

Всем! Всем!
После уроков торопитесь в спортзал.
Вы увидите чудеса телепатии.
Запасайтесь приличными мыслями –
их будут отгадывать.

После звонка, возвещавшего окончание уроков, актовый зал набился до отказа. Избрали жюри из строгой учительницы и двух старшекласников. Они будут отбирать наиболее интересные задания, подаваемые в записках из зала. Первое задание – снять с завуча очки и нацепить их на нос сидящей в другом ряду девочки – я выполнил довольно быстро. После оглашения задания, подтвердившего, что мысленный приказ выполнен правильно, наступила гробовая тишина. Я видел на лицах ребят расширенные глаза и раскрытые рты. Через несколько секунд зал взорвался аплодисментами, топотом ног, кто-то истошно кричал «Ур-ра!»

Прежде, завидую лаврам Вольфа Мессинга, я умалчивал о механизме «чтения мыслей». Позже стал объяснять (ведь я был врачом, а не артистом оригинального жанра), что на самом деле отгадываю не мысли, а воспринимаю так называемые идеомоторные акты. Мысленные приказы распознаю по мышечным импульсам держащего меня за запястье «индуктора». Так аудитория в полной мере становится понятно название феномена – «идеомоторика». Конечно, чувствительность к таким импульсам развивается тренировками. И сейчас все это я популярно объяснил ребятам.

Когда мы вышли из школы, я поделился с журналистом давним, на мой взгляд, любопытным наблюдением: дети реагируют на поражающее воображение явление с некоторой задержкой, они буквально столбенеют от удивления...

Детям свойственно удивляться. К сожалению, эта особенность с возрастом угасает, стирается галопирующей повседневностью и процессом «кристаллизации» личности. Подобно тому, как в развитии человеческого эмбриона прослеживается анатомическая эволюция организмов, так и по мере взросления человека проявляются этапы эволюции психики. Удивление – древнейшая эмоциональная реакция, развившаяся, должно быть, из чувства страха перед непонятными природными явлениями. Это же очевидно: удивление – первая ступень познания мира. Неандерталец – представитель раннего детства человечества, а удивление – пре-ЛЮДИЯ...

Мы подошли к троллейбусной остановке. Теплов внимательно слушал, заложив руки в карманы брюк. Здесь я подошел к сути:

– Во многом изучены такие эмоции, как удовольствие, страх, ярость. А эмоция, с которой начался процесс познания, по сей день остается без внимания: психофизиология удивления – белое пятно в науке.

В троллейбусе я продолжил развивать мысль.

– Попытка объяснить иное загадочное явление начинается с фантазирования. Вот почему в громе небесном нашим пращурам чудился грохот божественной колесницы, а мне в детстве – даже смешно вспоминать – при раскатах грома казалось, будто большой-пребольшой небесный мальчик спускает воду в унитазе. Но человечество никогда бы не повзрослело, если удивление и фантазия не породили бы научный опыт. Так? Так! Последние два столетия трехсторонняя медаль познания Мира – «удивление-фантазирование-научный опыт» – деформируется, кособочится вправо. Процесс познания все больше строится на конечном звене. Фантазирование зачастую служит придатком эксперимента, а удивление – вроде как рудимент, атавистический отросточек.

– Что с того? – пожал плечами Теплов.

– Как это «что с того»?! Удивление – клин, вбитый между непонятностями природы и страхом перед ними. Через щель просачивается фантазия, обозначая путь, по которому человек тысячелетиями «убегал от чуда». Но сегодня чувство превосходства человека над природой выбивает этот клин обратно. Ну, скажите, кого сегодня интересует сила, вращающая Землю вокруг оси? И почему миллиарды лет горит и никак не сгорит солнечный шар?.. Короче: свойство удивляться убывает не только по мере взросления конкретного человека, но и вообще с возрастом человечества.

Теплов на мгновение задумался, потом сказал:

– Легковесное заключение. Хотя не лишено красоты.

– Причем здесь красота?! Давайте подойдем к вопросу с медицинской стороны. Психиатры лечат болезни эмоциональной сферы. А ведь удивление – тоже эмоция. Значит, и она подвержена болезненным изменениям. Но как судить о патологии удивления, если эта эмоция вообще не изучена?! Да, как узнавать, что нарушена способность удивляться?

– А никак! – ответил журналист. – В данном случае невозможно ни распознать, ни, тем более, восполнить дефицит витаминами. Проблема в том, Боря, что среди эмоций существуют сотни, а то и больше, тональных переходов. В этом весьма нестабильном спектре чувств и настроений не так-то просто разобраться... Например, чувство зависти. Скажем, Николай, владелец старенького «Запорожца», завидует соседу Ивану, купившему последнюю модель «Жигуленка». С одной стороны, зависть – вроде бы присущая человеку эмоция, а с другой – душу гложет, заснуть не дает. Как лечить? Или возьмем чувство вины. Скажем, некто Вася предал друга Сашу. Простить себе Вася не может, что подлость совершил, что грех на душу взял. В общем, убивается человек. Как помочь? Как снять с него чувство вины? Ну, чтобы от мук совести избавиться... Но вот вопрос: а нужно ли? Нужно ли избавлять человека от чувства вины?..

Пока журналист так разглагольствовал, я молча смотрел в окно.

Когда мы вышли из троллейбуса и направились к метро, Теплов, как бы отвечая своим мыслям, заметил с едва уловимым сомнением в голосе:

– Лично я не чувствую, что скудею удивлением. – Потом, уже твердо добавил: – Если и скудею, так мне это жить не мешает.

– Не мешает?! – вскипел я. – Не чувствуя радиоактивности, вы, тем не менее, знаете, что она угрожает вашему драгоценному здоровью. Это касательно «чувствую-не чувствую». А что «не мешает жить» – это уже симптоматично. Вот я и спрашиваю: не слишком ли повзрослело человечество? Быть может, убывание способности удивляться, этот общечеловеческий отход от детскости – признак старения человечества.

Тут журналист вскинул брови. Когда мы спускались в метро, Теплов сказал:

– Ты сам видел, как реагировали ребята. Бьюсь об заклад, сейчас они взахлёб рассказывают мамам и бабушкам, как отгадывали их мысли. И это, несмотря на то, что ты доступно объяснил им механизм подобного «чтения мыслей», что телепатия здесь ни при чем. А говоришь, дети перестали удивляться.

Опять абсолютизирует, хотя прекрасно понимает, о чем я. Таков уж он, Теплов. Я ведь говорю о тенденции в общечеловеческом масштабе. Но в большей степени дефицит удивления наблюдается, конечно, у естествоиспытателей. Покажи, например, парапсихологу самую что ни на есть телепатию – не удивится...

– Вот парапсихолог как раз удивится! – замедлив шаг, вскинулся Теплов. Я невольно затронул чувствительную тему журналиста, и он круто перевел на нее разговор. – Человек науки должен обладать принципами. При отрицательных результатах он обязан признать бесплодность проводимых исследований, даже если потратил на них годы. А что делают эти прохиндеи? Хватаются за любого, кто объявит себя телепатом, как утопающий – за соломинку, и позволяют шарлатанам дурачить себя. Непомерные амбиции и стремление оправдать отпущенные на исследования средства парализуют критический подход к эксперименту. И когда их, парапсихологов, проходимцы ловко обводят вокруг пальца, тут-то они начинают удивляться и восхищаться. А всякие борзописцы у них на подхвате, раздувают сенсацию.

– Ну, наверно, не так все просто, – засомневался я. – Как-то трудно поверить, что ученые ерундой занимаются.

– Не веришь? – прищурившись, переспросил Теплов. – Что ж, берись удивить парапсихологов. Экспериментально. Завтра же свяжусь с одной оч-чень засекреченной лабораторией...

Под кайфом

Эксперимент пришлось отложить. На следующий день (как всегда, некстати) у меня обострилась заработанная в Сибири язва желудка. Боли были невыносимые, и вызванный на дом врач неотложки госпитализировал меня в больницу. Я попросил медсестру позвонить в мою клинику, сообщить, что завтра на работу не выйду...

Удивительно, как быстро распространяются слухи. На следующий день объявились посетители... кто-то с работы приходил, или кузен озаботился, точно не помню... Утром какую-то таблетку и капли от боли дали, помогло не очень, а вот голова весь день дурная, будто ватой набита... Уж не помню, кто приволок в саквояже это новшество технической мысли – портативный телевизор «Электроника». От батареек работает, о, как! Можно с собой на рыбалку брать, а можно в больничную палату, на прикроватную тумбочку поставить... Что это за тип на соседней койке мне подмигивает? Еще и лыбится... Ах, да, вчера познакомились, надо бы в ответ вежливую рожу скорчить, а то ведь обидится... И вообще, чего это все на меня обижаются? На меня не обижаться надо – меня понять надо. Я ведь иногда в параллельной реальности пребываю. Нельзя меня в это время беспокоить... Ну, да, раздражаюсь, могу ответить резко... а что, имею право...

После обеда меня вроде дрема охватила, но возобновились боли в животе. И опять мне дали этот мерзкий анальгетик, очень уж по башке бьет, от него мысли трудно состыковывать... Под вечер боли усилились, и я попросил дежурного врача назначить мне что-то покрепче. При достигнутом взаимопонимании доктор (как коллега коллеге) вколол мне в ягодичу промедол с димедролом. Вот это совсем другое дело! Сейчас полегчает... Так о чем это я?... Да, да, самоизоляция – необходимое условие для проникновения в иную реальность, надо уметь отрешаться от всего окружающего. Это прекрасно получалось у Жюль Верна. Впрочем, заходам в иные пространства писателю способствовали его недуги: из-за искалеченной огнестрелом ноги и потери зрения последние двадцать лет жизни он провел вдали от Парижа, в про-

винциальном городке Амьен. Как же Жюль Верн писал свои романы? А он и не писал – диктовал.

Для исследователей творчества Жюля Верна всегда было загадкой, каким образом он предугадывал появление летающих судов тяжелее воздуха, подводных лодок, видеосвязи, компьютеров? Быть может, то были видения, навеянные богатой фантазией? То есть нафантазировал писатель? Ой, вряд ли. Столь длинный ряд «угадалок» не мог возникнуть случайно. Бесспорно, Жюль Верн был провидцем. А как бы иначе он мог предугадать полет человека на Луну? Как бы в его голове возникло представление о структуре земного ядра? Или что технический прогресс будет угрожать жизни на планете... В тиши и полумраке рабочего кабинета большому мастеру открывалось будущее – так с наступлением ночи человек начинает видеть свет далеких звезд...

О-ох, благодать-то какая... Я под кайфом! Такое же благодатное чувство, должно быть, испытывает измученный болезнью человек в предсмертную минуту, когда внезапно исчезает телесная боль, проясняется ум, улетучивается страх смерти. И выдох облегчения: «О, Боже, хорошо-то как...» И с этой благодатью – слив в иной, неведомый мир, с бульканьем, как вода в раковине...

С чего это я о булькнувшем? Сейчас о промедоле думать надо. Знающие люди говорят, что наркотики способны обострять внутреннее зрение, вплоть до видений, которые называют галлюцинациями. Я подозреваю (этой догадкой пока ни с кем не делился, засмеять могут), что глюки – это не какие-то психопатологические феномены, не «обманы восприятия», как характеризуют их учебники психиатрии, а самые что ни есть реальные объекты, существующие в параллельном пространстве. Под воздействием наркотика человек может узреть нечто, недоступное восприятию других людей. Интересно, удостоился бы английский биофизик Фрэнсис Крик Нобелевской премии за открытие структуры ДНК, если бы не баловался малыми дозами весьма крепкого наркотика? Риторический вопрос, не правда ли...

Сейчас заплыв в другую реальность. Условия сложились благоприятные: сосед по палате уже посапывает, в коридоре тихо, за окном смеркается. Только на экране телевизора что-то мелькает. Но без звука, медсестра звук на нет свела. Фильм какой-то... Изображение нечеткое... это, конечно, от наркотика... Да там, кажись, мужика на костер ведут!

По крутому спуску, как на салазках, я соскальзываю в параллельную Вселенную. Чтобы лучше видеть, надо прикрыть глаза...

Вчера

(МАГИЯ СЛОВА)

(оптимистическая драма в двух действиях)

Действующие лица:

Иероним, алхимик

Пришелец

Артузио, Главный инквизитор

Альфонсо, инквизитор, судья

Латники

Толпа

Действие первое

Жилище средневекового алхимика. В окно заглядывает полная Луна. Ее свет ложится на колченогий стол. На столе – человеческий череп, пергаментные свитки, книги в кожаных переплетах. У входа в жилище – с человеческий рост зеркало в

массивной венецианской оправе. Зеркало наполовину занавешено черной материей, с вышитыми на ней серебряными звездами. Спина к входу у камина сидит Иероним и металлическим прутом помешивает угли. На тиглях – реторта с красной бурлящей жидкостью. Вдруг внимание алхимика отвлекает шорох за спиной. Он оборачивается и порывисто встает. Зеркало заслоняет человеческий силуэт. Черная материя лежит на каменном полу.

Иероним.

Кто ты? Палач? Но почему так рано?
В полночный час... мне это, право, странно.
Ведь уговор был; только на рассвете
Перед судом предстану я в ответе.

Силуэт отделяется от зеркала и, приблизившись к Иерониму, освещается огнем камина. Это – Пришелец, в больничной пижаме, шлепанцах на босу ногу, в правой руке он держит потертый кожаный саквояж.

Пришелец.

Успокойся. Разве я похож на палача?

Иероним (удивленно рассматривая незнакомца).

Действительно, наряд твой странен,
И голова, как у шута, обрита.
Бородка и кафтан... Похоже, мусульманин...
Но как вошел ты? – дверь была закрыта.

Пришелец (усаживаясь на топчан, покрытый волчьей шкурой).

Да я из этого зеркала вышел.

Иероним.

Слова твои звучат весьма обманно.
И в них какая-то сокрыта цель...
Из зеркала вошел? Да ладно!
Должно быть, запереть забыл я дверь.

Пришелец.

И как тебя, Фому Неверующего, до сих пор не сожгли?

Иероним.

Резона нет – им золото дороже,
Чем кучка пепла от костей и кожи.
Учужали церковники, что в ней,
В науке все возможности природы.
Я злато сотворил для них в угоду.
Ты видишь, странник, золото – на дне!

Указывает на реторту, на дне которой скопился желтоватый осадок.

Пришелец.

Это не золото.

Иероним (надменно).

Откуда знать тебе? Ты кто, святой отец?
Алхимик? Али звездочет, вконец?

Пришелец.

Я?.. А я волшебник.

Иероним.

Сдается мне, что ты ошибся дверью,
С чего-то взяв, что я тебе поверю.
Иль я похож на чернь, что в балаганах
За чудо принимает трюки шарлатанов?!
Я изучал античных мудрецов,
Когда еще в послушниках ходил,
И, тяготясь пристанищем глупцов,
Без сожаления покинул монастырь.
Подался я к халдеям на восток,
Чужих не убоявшись нравов,
Науки постигал у них,
Потом был у арабов...
И вот всему итог:
Во всем, что люд за чудо принимал,
Законы были. Мне их открывал
Язык природы – суть иных моментов
Подчас сокрыта в свойствах элементов.
Сиянье звезд, и их перемещенья
На куполах небесных чистых сфер,
И таинство зеркальных отражений -
То лишь природы слаженный пример.
Я возвращался из заморских стран
(Тогда я был совсем уж зрелым мужем),
Мой путь через Венецию лежал,
Что зеркалами славится, оружием.
Купил я зеркало. Чудна природа света.
Вот свет свечи. Он здесь и там,
И снова прибегает к нам –
Ведь вижу здесь я отраженье это!
Скрыта тайна в зеркале, и я ее искал...
В нем все наоборот: что слева – то направо.
Сдается мне, что предстоят на славу
Открытья сделать с помощью зеркал.

(После небольшой паузы.)

Проведали о зеркале отцы.
Донес им кто-то (вот глупцы!),
Что в полночь черта в нем зову,
И тот приходит наяву...
До утра отпустили срок,
Чтоб грех свой искупить я смог.
Но как не вызвал у святош сомненье
Противный смыслу здравому навет –
Чтоб в зеркале возникло отраженье
Объекта, которого в природе нет.
Чтобы из зеркала наружу вылез бес...
Таких я не видал чудес!

Пришелец.

А такое чудо видел?

Насупившись, достает из саквояжа портативный телевизор «Электроника» на батареях. Ставит телевизор на стол и включает его. Тишину комнаты разрывает бравурная музыка. На экране разворачивается цирковое представление. «Дрессированные медведи», – объявляет ведущий сочным, хорошо поставленным голосом. Медведи ездят на велосипедах, танцуют на канате «Барыню». Потом тигры прыгают сквозь горящие обручи, перекачивали большие деревянные шары... Пришелец выключает телевизор и внимательно смотрит на Иеронима. Тот склонил голову на грудь. Молчание длится долго. Слышится лишь шум бурлящей в реторте жидкости да потрескивание поленьев в камине.

Иероним.

Воистину, мне явил ты чудо!..
О, странник, не томи, признайся, наконец.
Кто ты? Зачем пришел? Откуда?
Каких миров неведомых гонец?
Что золото! Что света отраженье!
Пустое все пред ящиком твоим.
Пред ним наука терпит поражение.
Повержен в прах Иероним...

Пришелец (удрученно).

Ах, я, кажется, переборщил, и вышла злая шутка. Вошел я в дверь. А этот ящик – телевизор. Работает по принципу, э-э.... эфир передает изображение. Здесь чуда никакого нет. Просто я явился из будущего и прихватил с собой кусочек нашей науки.

Иероним.

Кто б ни был ты, не я тебе судья.
Науке нет преград, и здесь не спорю я,
Но моя сущность мечется сейчас
Меж разумом и тем, что видел глаз.
Ты чудом поразить меня хотел,
И поразил. Но повернул обратно,
Достигнув цели... Это непонятно...
Не знаю, кто ты есть,
И цель прихода твоего сокрыта для меня.
Но видел чудо я.
Я видел чудо!

За окном слышится крик первого петуха, и Пришелец растворяется в полумраке комнаты.

Действие второе

Жаркий полдень. Центральная площадь средневекового города, выложенная булыжником. В круге у основания большого деревянного креста сложены поленья и хворост для костра. Недалеко от входа в церковь под матерчатым навесом скамьи и длинный стол. За столом восседают члены святейшей инквизиции. Среди них выделяется властным видом отец Артузио. На столе разложены человеческий череп, реторта, книги в кожаных переплетах. Другое «вещественное

доказательство» – с человеческий рост зеркало в венецианской оправе, прислоненное к каменной тумбе. По обе стороны стола выстроились латники с секирами. За латниками – толпа.

Толпа.

Идет! Ведут!

Толпа со стороны церкви расступается, образуя коридор, через который в сопровождении двух латников, в грубом рубище до пят медленно идет Иероним. Голова его опущена, волосы спутаны. Алхимик останавливается у торца судейского стола. На площади воцаряется тишина. Лишь где-то в толпе слышится плач ребенка, да на окраине города раздается тоскливый собачий вой.

Альфонсо (гнусавым голосом).

Иероним! Тебя мы призывали
Раскаяться в грехах,
Немалый дали срок.
Сегодня срок истек!

(К толпе.)

Мы взяли на себя нелегкий труд –
Заблудшего вернуть в христову веру.
Увы! Вершить придется суд,
Терпенье всякое имеет свою меру.

Иероним (тихим, но хорошо слышным голосом).

Я много думал в эту ночь...
И веру я принять не прочь.

Альфонсо (ухмыляясь).

Как не принять христову веру,
Когда петля стянула шею!
Однако поздно, поспеши
Молить спасение души.
Немного времени –
Грехов довольно много...
Молись, Иероним,
Коль ты поверил в Бога.
Пока же выступит от церкви обвинитель, отец Артузио.

Артузио порывисто встает и резким движением указывает на Иеронима:

Артузио.

Гляди, народ, в кругу стоит безбожник,
Отвергший лоно церкви еретик!
Вину его нам доказать несложно –
Нашли при обыске достаточно улики.

(Указывает на реторту, книги.)

По чернокнижнику давно уж плачет плаха,
А он меж тем в послушниках ходил...
Наверное, не в одного монаха
Греховные сомнения вселил.

Подобные иеронимы устраивают –
Им неведом страх,
Поскольку дьяволом хранимы –
Ученья при монастырях!

(К Иерониму, слащаво.)

Иероним, скажи-ка, правда,
Провел ты в думах эту ночь?
И слышать нам, ей-ей, отрадно,
Что веру ты принять не прочь.

Иероним.

Не прочь...

Артузио *(кричит).*

Не прочь?
А в ночь
Откуда та музыка в сто органов
Из дома твоего была слышна?
Смешенье звуков флейт и барабанов,
Как будто празднество устроил сатана.
Ты думал ночь? Но с кем ты речи вел?
Кто этой ночью гостем был твоим?
Ты речи вел? Я спрашиваю: вел?
Да отвечай же нам, Иероним!

Иероним.

Да, отрицать не стану...

Альфонсо *(шепотом).*

Как! Сам признался? Сам?
Неужто я во сне!

Иероним.

Лишь полночь подошла,
Как странный гость ко мне
Из зеркала явился...

Артузио *(грозно сдвинув брови).*

Из зеркала?

Иероним.

Ага. Лишь полночь – тут как тут.
На вид довольно странен,
Острижен будто шут,
Должно быть, мусульманин.
С ним ящик был размером с камень.
А в ящике окошко было,
В окошке том я насмотрелся дива:
Медведи бурые плясали на канатах
И ездили на странных аппаратах.

Зверье, какого я не видел прежде,
Ходило в человеческой одежде,
Затем в огонь оно входило вольно,
Не опалая шерсти...

Артузио (*махнув рукой*).
Замолчи! Довольно!
Теперь суду предельно ясно,
С кем ночью сей ты правил бал.
Из зеркала к тебе явился диавол!

Иероним, как бы защищаясь от обвинения, протягивает руки вперед.

Артузио (*кричит*).
Не отпирайся, то был диавол!
Вот с кем ты ночь коротал
И над жаровней колдовал.
И музыка лилась из ада.
Ответствуй – ада?

Иероним (*устало*).
О, Боже, я не знаю, право...

Артузио (*зловеще*).
Не знаешь ты? Так вот тебе награда
За ересь и за ложь, в чем так язык остер...
Эй, стража, взять еретика – и на костер!

Иероним.
Не торопитесь! Стойте!
Вот он, вот...
Сюда идет!

Из толпы на середину круга неторопливо выходит Пришелец. В руке у него телевизор «Электроника». Толпа ахнув, подается назад. Пришелец приветливо кивает Иерониму и подходит к судейскому столу, ставит телевизор рядом с ретортой, проводит ладонью по лысине.

Пришелец.
Однако жарко сегодня. (*к Артузио*) Тебе не жарко?

Артузио (*на лице смятение*).
Что-о?

Пришелец.
Жарко, говорю. А вы тут костер разводите собираетесь.

Альфонсо (*дрожа всем телом*).
Это диавол...

Толпа.
Ах, диавол, диавол!

Артузио (метнув на Альфонсо негодующий взгляд):
Не диавол он, вот посмотрите...

(Берет со стола бронзовое распятие и осеняет им Пришельца.)

Он не исчез –
Какой же это бес?
Нечистый же креста боится.
И где же видано, чтоб бес
В народ при солнце мог явиться,
Где церковь божий суд вершится.
Таких я не видал чудес...

Пришелец.

А такие чудеса видал?

Включает телевизор. Экран светится, на нем возникает миловидная диктор московского телевидения, заканчивающая передавать сводку погоды. «...Ветер западный, три-пять метров в секунду, облачно, во второй половине дня возможна гроза...» Шум в толпе перекрывает голос диктора. Мужик с палкой крестится, несколько женщин падают и бьются в пыли. У латников дрожат ноги. Многие причитают, слышатся возгласы: «Чудо! Чудо!»

Артузио (размышляет вслух).
Что, коль момент не упустить,
Да ящик к церкви приобщить.
Молву в округах разнесут,
Как пить дать – сборы возрастут...

(Пришельцу, тихо.)

Сними изображение, болван!
Тот молча выключил телевизор.

Артузио (к толпе).

Все ящик врет. Какая там гроза?!
Смотрите – солнце светит. Небеса
Ясны. Сплошная синь...
Накажем розгами лгуна,
А на костер – еретика.
Аминь!

Пришелец (растерянно).

Это в другом мире гроза. К погоде здешней этот прогноз не относится.

Артузио (к толпе).
Вы слышите, несчастный весь в бреду.

(Пришельцу.)

Ты, милый, отойди, и не мешай суду.

Два латника грубо берут под руки Пришельца и отводят его к краю стола. Двое других подталкивают Иеронима к деревянному распятию, у которого палач в балахоне с прорезями для глаз зажигает факел. С церковной колокольни раздается густой, леденящий душу звон.

Пришелец (тихо).

Черт побери, дикторша подвела. Дело принимает плохой оборот...

Персонажи многих сказок совершали чудеса с помощью волшебного слова. Так, Али-Баба, произнося «Сим-Сим», отворял вход в пещеру, где хранились награбленные разбойниками сокровища. Вот и сейчас надо срочно применить волшебное слово. Вспомнилась детская игра в конфетные обертки: товарищу предлагалось отгадать, четное или нечетное их количество зажато в кулаке – «чет-нечет»? Почему бы не попробовать, какая разница, если слово все равно волшебное.

«Чет-нечет», – прошептал Пришелец.

Раскатистый гром среди ясного неба перекрыл колокольный звон. На горизонте одна за другой вспыхнули зарницы. Внезапно налетевший ветер стал срывать одежду с людей. Ветер опрокинул реторту, дробно покатился по столу человеческий череп. Хлынувший дождь погасил факел в руке палача. Толпа стала редеть.

Члены инквизиции, потрясенные, но с надеждой смотрели на отца Артузио.

Лицо Главного инквизитора сосредоточено, он лихорадочно обдумывал, как бы спасти положение. Но ослепительно сверкнула молния, расщепила деревянное распятие. Сильнейший треск электрического разряда потряс средневековую площадь.

Остатки толпы стали разбегаться. Члены инквизиции, вскакивая со своих мест и опрокидывая скамьи, бросились к церкви.

Отец Артузио, опершись руками о стол, исподлобья смотрел на Пришельца.

А тот, уложив телевизор в саквояж, направился к зеркалу.

Пришелец (поравнявшись с Артузио).

Как видишь, святой отец, ящик не соврал. И не смотри на меня так, будто съесть хочешь. Ведь все по воле божьей. Покедова...

Пришелец помахал рукой Иерониму и, облокотившись о зеркало, еще раз прошептал: «чет-нечет». Зеркало тихо зазвенело и покрылось легкой дымкой.

Пришелец перенес одну ногу в зазеркалье. Так он постоял несколько секунд, любуясь выражением лица инквизитора. Потом Пришелец послал ему воздушный поцелуй и вышел в зазеркалье. Он уходил вдаль, а под ногами у него изгибалась радуга. Отец Артузио, подобрав полы рясы, пытался и торопливо осенял зеркало бронзовым распятием. У обуглившегося деревянного креста в центре площади одиноко стоял Иероним. Сложив руки на груди, он в глубокой задумчивости смотрел в свое зеркало.

Сегодня

По выписке из больницы мне продлили на неделю больничный лист. В эти дни Теплов, одержимый идеей удивить парапсихологов, взялся спешно готовить меня к эпохальному эксперименту. Встреча была назначена на пятницу, в 11.00.

Лаборатория размещалась в 9-этажном здании, вблизи станции метро «Таганская». Лифт поднял нас на последний этаж. Здесь, на единственной двери, обитой листовым железом, красовалась табличка – «Психофизиологическая лаборатория института психиатрии РСФСР».

– Не забывай, ты – феномен! – сказал Теплов, окидывая меня оценивающим взглядом. Я неуверенно кивнул. Сейчас я уже сомневался, правильно ли поступил, согласившись участвовать в эксперименте. Дверь открыл парень в рабочем халате.

– Лев Павлович? – Журналист кивнул. – Александр Васильевич, – представился молодой человек, и, засмутившись, добавил: – Можно просто – Саша. Шеф ждет вас.

Через узкий коридор Саша провел нас в небольшую комнату, в которую через настежь открытое окно били солнечные лучи. Справа от входной двери находились письменный стол и несколько стульев. На противоположной стороне, у окна, стояли громоздкий энцефалограф и глубокое кресло, над которым нависала панель с разноцветными проводами. Саша попросил нас немного подождать и вышел. Я хотел было что-то сказать Теплову, но тот приложил указательный палец к губам, – помещение могло прослушиваться. И тут я в полной мере осознал, что вовлечен в авантюру, что попытка Теплова доказать свою правоту – только повод. Журналист хотел использовать меня в каких-то личных целях. Но отступить было поздно...

В помещение порывисто вошел коренастый мужчина лет пятидесяти, в белом халате.

– Кушнарев, Дмитрий Михайлович, заведующий лабораторией, – представился он. Вслед за ним вошли Саша и белобрысый, весь в веснушках, сотрудник. Кушнарев уселся в кресло у энцефалографа. Свисающие с панели провода почти касались его серебристого ежика. На вопросительный взгляд завлаба Теплов ответил:

– Вот, хочу представить вам врача Бориса Березина. Похоже, он мысли читает».

– Ага... – Дмитрий Михайлович закусил нижнюю губу и принялся бесцеремонно меня разглядывать.

...Парапсихология в ту пору трещала по всем швам. Сначала основали несколько ведомственных лабораторий, спустили средства: давайте, доказывайте телепатию, догоняйте Запад. Но успехов не было, ни у нас в стране, ни на Западе.

– Как же так, Лев Павлович, – обратился Кушнарев к журналисту, – вы же в телепатию не верите, в газетах всяко нас ругаете.

– Я и сейчас не очень-то верю, но... – Теплов развел руками. – Но у парня что-то получается, я сам был свидетелем. Потому и обратился к вам. Испытайте Бориса, и, если окажется, что он действительно обладает телепатическими способностями, я публично отрекусь от своих критических заявлений.

Заведующий лабораторией обернулся ко мне:

– Ну, а вы зачем пришли?

– Лев Павлович попросил...

– Что вы можете?

– Как Вольф Мессинг...

– При чем здесь Мессинг? – сморщился Кушнарев. – Уж вы-то должны знать, что он не мысли читает, а распознает идеомоторные акты.

– Мессинг считает...

– Да что вы, в самом деле! – в сердцах оборвал меня Кушнарев. – Мессинг – артист.

В 1939 году, спасаясь от немцев, польский еврей Вольф Мессинг перешел белорусскую границу и удивил эмиграционные службы своими психологическими опытами. Его включили в концертную бригаду при Минском театре оперы и балета, а позже перевели в Москонцерт. Так, гастролируя по городам и весям Советского Союза, Мессинг, не без помощи своих антрепренеров и падких на сенсации журналистов, завоевывал известность. Его выступления сопровождалось комментариями, в строгом соответствии с материалистическим воззрением на природу психических

явлений. В период хрущевской оттепели Мессинг стал позволять себе вольности: доверительно сообщал аудитории, что обладает и некоторыми другими способностями, которые «там» – он многозначительно поднимал указательный палец – демонстрировать категорически не советуют. Однако никаких документальных подтверждений «других способностей» Мессинга в природе не существует. Но тогда, в лаборатории Кушнарера, я ответил заранее заготовленной фразой: «Мессинг считает, что тренинг по распознаванию идеомоторных актов способствует развитию телепатических способностей». Кушнарер продолжал морщиться. Теплов, невозмутимо листавший какой-то журнал, бросил:

– А вы попробуйте...

– Гриша! – Кушнарер поманил белобрысого пальцем и что-то шепнул ему на ухо. По тому, как Гриша ухмыльнулся, стало ясно, что он прекрасно знает эти штучки, «чтение мыслей» по мышцам. Я вполне допускал провал. Но главный козырь был впереди, и я не сбобел. Я сказал Грише:

– Пожалуйста, соберитесь с мыслями, сами понимаете – не фокус.

Гриша посерьезнел и крепко взял меня за запястье. Я долго крутился по комнате и про себя ругал Гришу последними словами. Моя рука будто была охвачена железной скобой – Гриша контролировал себя, чтобы невольно не подсказать.

Иногда, проводя опыты с хитрыми скептиками, случалось то, что я называю «переключением на автопилот». Вот и сейчас, решимость во что бы то ни стало выполнить задание, включила «автопилот»: я снял с себя пиджак и набросил его на плечи стоящего у письменного стола Теплова.

– Верно! – воскликнул Гриша, не в силах скрыть восхищения. Эффект, кажется, был достигнут. – Все равно... здесь тоже идеомоторика, – неуверенно произнес Гриша. – Ведь так?

– Возможно.

Гриша поймал вопросительный взгляд Кушнарера и, как бы оправдываясь, развел руками:

– Идеомоторика...

Саша, сидя у письменного стола, загадочно улыбался и тасовал колоду карт со знакомыми мне рисунками. Я перехватил взгляд Кушнарера, брошенный на Сашу, и понял: сейчас начнется! Что ж, птичка сама идет в клетку.

– Э-э, – Саша обернулся ко мне, – вы что-то знаете о картах Зенера? – он принался объяснять мне суть эксперимента. (Я знал об этих картах не хуже их, парапсихологов).

В колоде 25 карт; изображения пяти фигур – звезда, крест, круг квадрат, волнистая линия – повторяются пять раз. Тест, предложенный американским психологом Карлом Зенером, проводится следующим образом. «Индуктор» мысленно внушает испытуемому («перципиенту») изображение на снятой с колоды карте. Оба участника эксперимента ведут протоколы: «индуктор» заносит в соответствующую графу фигуру, которую он фиксирует взглядом, испытуемый – фигуру, которая «пришла в голову». В одном эксперименте проводят 25 проб, соответственно количеству карт в колоде. Потом протоколы сверяют. Если отгадано свыше пяти фигур, можно предполагать телепатический контакт. Обычно проводится серия таких тестов, и результаты подвергают математической обработке.

Так вот, мне объяснили, как проводится эксперимент, а я согласился «попробовать». Но вначале нужно поискать оптимальное для «ментального трансфера» место... Пришлось пояснить: «Видите ли, эксперименты, которые я проводил с друзьями, показали, что положительные результаты достигаются при определенных условиях. И сейчас я хотел бы придерживаться тех же условий. «Индуктор» займет позицию позади меня, будет фиксировать взглядом мой затылок, ну, вы знаете... там, где находится «третий глаз».

Психологи, наблюдавшие, как я кружу по комнате, будто принимаю то к одному, то к другому месту, не скрывали иронической усмешки. Они, конечно, думают, что я разыгрываю спектакль. А черт с ними, пусть думают...

Несколько мгновений я постоял у письменного стола, затем, обернувшись к сопровождавшему меня Григорию, неуверенно произнес:

– Пожалуй, здесь.

– О, разумеется, – воскликнул Гриша и протянул мне разграфленный лист протокола. Затем он услужливо подвинул ко мне стул и сделал приглашающий жест. – Пожалуйста, располагайтесь.

Я уселся за письменный стол, лицом к висящей на стене школьной доске, исписанной математическими символами.

«Индуктором» вызвался быть Саша. Продолжая тасовать карты, он занял позицию в нескольких метрах позади меня, рядом с двумя его коллегами. Теплов высказал желание контролировать заносимые в протокол фигуры – «чтобы все было чисто».

Развалившийся в кресле Кушнарев снисходительно кивнул, и журналист стал по правую руку от Саши.

И здесь произошло непредвиденное: по другую сторону письменного стола, буквально в двух метрах от меня, уселся Григорий. Я был у него, как на ладони. Детально разработанный план вдруг оказался под угрозой: Гриша наверняка заметит, куда нацелен мой скошенный взгляд, и тогда...

Также неожиданно мелькнула спасительная идея.

– Лев Павлович, – громко обратился я к журналисту. – Передайте мне солнцезащитные очки. Я свои дома забыл. – Судорожным движением я нацепил на нос очки, и встретил недоуменный взгляд Григория. Пришлось пояснить: – Темные очки помогают мне сосредоточиться.

Пусть они думают, что хотят, о моей экстравагантности, пижонстве, не это сейчас главное... Но вот незадача: сквозь темно-коричневые стекла весьма затруднительно различать тени на стене. Мысленно чертыхаясь, я снял очки и в отчаянии охватил лицо ладонями. Оп-па!.. А ведь я могу видеть сквозь пальцы...

Теплов был прав, говоря о возможностях бокового зрения. В этом я убедился, когда мы накануне готовились к эксперименту. Теперь вряд ли хитроумный Гриша догадается, что я, склонившись над протоколом, различаю на белой стене, между дверью и углом комнаты, тень стоявшего позади меня Теплова.

– Начали! – командовал Саша.

В комнате воцарилась напряженная тишина, нарушаемая шорохом снимаемых с колоды карт. Я заносил в протокол очередную фигуру, и взмахом руки просил перейти к следующей карте. Два раза я оборачивался к Саше:

– Пожалуйста, концентрируйтесь лучше...

После проведенных 25 проб протоколы сверили. Фигуры совпали только в двух пробах. Провал! Даже намек на телепатию нет. Я машинально посмотрел на часы (эксперимент длился 28 минут). Казалось, всем было за меня неловко. К тому же, мой убитый вид...

– Бывает, – выдавил из себя журналист. – Э-э... может, попробуем еще раз? Пусть Борис отдохнет.

Кушнарев что-то пробурчал себе под нос и покинул помещение. За шефом потянулись его сотрудники. Я вопросительно смотрел на Теплова. Тот прикрыл глаза, мол, не волнуйся, все нормально. Как же «нормально», когда провал. Казалось, эксперимент был продуман до мельчайших деталей. Ситуация в общем сложилась такой, как мы ее планировали, и – провал...

Минут через пять в помещение вошел Саша.

– Ну, как? – игриво обратился он ко мне. – Повторим?

– Повторим, – вяло согласился я.

Через приоткрытую дверь было слышно, как Гриша с кем-то торопливо договаривался по телефону о встрече.

В комнату вошел Кушнарев.

– Не будем терять времени, – произнес он, вновь усаживаясь в кресло.

А я вновь обхватил лицо ладонями...

На сей раз я отгадал 21 фигуру. Это из 25 проб! Невероятно! Неужели телепатия?..

Первая реакция была адекватной: все выпучили глаза, и Теплов тоже. Потом началось непонятное.

– Вот видите! – воскликнул журналист, указывая на меня обеими руками. – Я же говорил...

Кушнарев рывком поднялся с кресла, и, как мне показалось, с ненавистью посмотрел на меня. Потом, обернувшись к Теплову, грубо спросил:

– Что – «видите»? – и жестом приказав сотрудникам следовать за ним, выбежал из помещения. Только Гриша задержался, подозрительно глядя на лежащие на столе солнцезащитные очки.

– Я могу их осмотреть?

– О, пожалуйста, – улыбнулся я.

Парапсихолог вертел очки так и эдак, давил на заушники, свозь стекла осмотрел помещение. Потом, осторожно положив очки на стол, тихо спросил:

– Как же это у вас получается?

– Как-как, – пожал плечами Теплов. – Телепатия...

Меня душил смех. Меня переполняло чувство, подобное тому, какое, должно быть, испытывал янки при солнечном затмении, которое он предсказал королю Артуру.

– Н-да, – задумчиво процедил Гриша и направился к двери.

– Здорово! – воскликнул Теплов, когда мы остались одни. – Просто поразительно! – слух резанула ханжеская нотка, и я стал прозревать.

Надо отдать должное фантазии Теплова, трюк он придумал отменный.

– Микропередатчик в заднице, зеркала, дырочки в стене – все это не пройдет, – просвещал меня Лев Павлович за несколько дней до эксперимента. – Мы будем иметь дело с людьми битыми, они на подобных фокусах собаку съели. Надо применить нечто столь простое, чтобы, по крайней мере, в первых двух пробах они не догадались. А больше нам и не надо.

И Теплов сказал мне о картах Зенера. Я засомневался: «Если эксперимент предложите вы, то парапсихологи решат, что мы к нему подготовились».

– А нам не надо ничего предлагать, – потирая руки, радостно воскликнул Теплов. – Вот увидишь, они сами предложат. В том-то и штука: карты Зенера – классический тест, с помощью которого пытаются ухватить за хвост телепатию. Других тестов пока не придумали. Тебе наверняка предложат карты Зенера. Только не делай вид, будто ничего о картах не знаешь. Так, мол, читал... Я займу позицию, с которой буду видеть карты в руках «индуктора», а ты сможешь воспринимать мои сигналы.

– Но они могут выставить вас из комнаты, – сказал я.

– Не выставлят, – отмахнулся Теплов. – Ну, посуди сам. Зачем я пришел к ним, парапсихологам? Чтобы они убедили меня, скептика, в существовании телепатии. Логично рассуждая, они должны думать, что я заинтересован в отрицательном результате...

– Логично рассуждая, – перебил я журналиста, – они подумают, что вы хотите их обмануть.

– А зачем мне их обманывать?

Я многозначительно промолчал. Теплов поморщился:

– Да, так они тоже могут подумать.

– Подумают, – убежденно сказал я. – И вас выставят из комнаты.

– Все может случиться, но думаю, сразу парапсихологи не допрут. Даже заподозрив подвох, они сразу не скажут об этом. Побоятся обидеть. Сминдальничают... А ты, Боря, сразу должен взять инициативу в свои руки, навязать свои условия...

Оказывается, пока я валялся на больничной койке, журналист провел разведку «в тылу врага». В воскресный день. И, конечно, за бутылку водки любой дежурный сантехник найдет с десяток причин открыть дверь в любое помещение. Обычно исследования на добровольцах проводят в комнате, в которой стоит энцефалограф. Окно в комнате выходит на восток. Значит, лучшее время для эксперимента – где-то ближе к полудню.

– Тебе, Боря, – наставлял меня журналист, – надо будет занять место, с которого сможешь видеть на стене тень «индуктора». Это главное...

– Но, Лев Павлович, – перебил я журналиста, – сигнализировать мне будете вы, а не «индуктор».

– А я же займу место рядом с ним.

Сомнения, однако, не оставляли меня. Конечно, Лев Павлович придумал красивый трюк. Но где гарантия, что все пойдет по задуманному? Ведь может случиться, что парапсихологи, в свою очередь, выдвинут какое-то свое условие, например, чтобы журналист занял другое место, и тогда его задумка потерпит фиаско. Почему же мой друг был так преисполнен верой в успех предприятия?..

Теплов продемонстрировал мне, как будет «кодировать» сигналы. Для каждой фигуры на карте – определенное положение головы. Так, «звезда» означает звездное небо. И журналист, увидев в руках «индуктора» карту с изображением звезды, слегка поднимает голову к потолку или поправляет прическу. Волнистая линия – это плещущая у ног вода, – и Теплов опускает голову или захватывает в кулак подбородок. Аналогичным образом обозначены другие фигуры: легкий поворот головы влево, вправо, или голова «обездвижена». Всего пять положений, соответственно количеству фигур в колоде.

Казалось, все шло по задуманному плану: мне предложили «попробовать» карты Зенера, Теплов занял позицию около Саши, что позволяло мне воспринимать сигналы, и – провал. И тут только до меня дошло, в чем дело. Теплов хотел действовать наверняка. Если парапсихологи и допускали подвох, то отрицательный результат развеет их подозрения, понизит бдительность, что увеличит шансы на успех во втором эксперименте. Да и разочарование на моем лице выглядело натурально. Должно быть, и это учитывал Теплов, планируя провал. Потому и меня держал в неведении. А во втором эксперименте подсказал все правильно. Ну и хитрюга!..

Мы сидели вдвоем и перебрасывались короткими фразами на отвлеченные темы. В комнату вошел Саша с озабоченным лицом. Потом вошел Гриша, следом за ним Кушнарев. У Гриши тоже был какой-то потерянный вид.

– Вот что, – сказал Кушнарев, остановившись посреди комнаты и глядя в пол. – У нас пока нет четкого мнения. Мы подумаем. С вашего позволения, вам позвонят. Оставьте номер телефона.

Тон был безапелляционный, и я понял: парапсихологи ни в какую не согласятся обсуждать сейчас результат теста, тем более – экспериментировать еще раз. В лаборатории витал дух недовольства и взаимного недоверия. Распрошавшись, мы покинули лабораторию.

– Ну, что? – спросил я на улице Теплова. – Где обещанные удивление и восхищение? Почему сегодняшний день, 20 июля, не объявлен всенародным Днем теплоты?

– М-м, – промычал журналист. – Не могли же они сказать: «Ребята, мы, конечно, понимаем, что вы нас надули, а теперь скажите, как вы это сделали».

– Выходит, в дураках остались мы?

– Что-то в этом роде, – усмехнулся Теплов. – Держу пари: они нам не позволяют.

– Значит, человечество действительно постарело?! – полуутвердительно спросил я. – Ну, признайте же этот факт, Лев Павлович.

– Да, да... совсем одряхлело...

Здесь уж я прозрел окончательно: журналист наварил материал для очередной хлесткой статьи. В тот же вечер он подарил мне свою книгу «Очерки о кибернетике».

Завтра

27 ноября 2030 г. «Black Friday»

Жители Нью-Йорка давно ждали этого дня.

Завтра 27 ноября, Черная пятница. «Black Friday».

Завтра – день рождественской распродажи, покупателям будут предложены серьезные скидки. Вот почему в четверг, 26 ноября, многие граждане (уж в который раз!) перепроверяют списки предназначенных к покупке вещей. Все, конечно, пораньше лягут спать, чтобы завтра не проспять открытия магазинов.

Как сообщали американские СМИ, завтра торговые сети выбросят в продажу первую партию телевизоров новой модели. Вместо картинок на плоских экранах люди будут видеть – буквально в воздухе своих салонов – объемные голографические изображения. Тем, кто купит первые три голо-телевизора, обещана особая скидка – 60%. Завтра мужчины расставят по комнатам выгодно приобретенные вещи, а женщины подадут к обеду капустно-бобовый суп и картофельный пирог...

Как назло, стрелки часов будто замедлили свой ход – уже 19.45, и солнце будто зависло над горизонтом.

21. 30. Детей надо укладывать спать, да и самим пора на боковую. Правда, солнечные лучи по-прежнему бьют в окна. Черт знает что! Так, пожалуй, не уснуть. Впрочем, окна можно зашторить. Вот так... спите, спите, дети. Родители долго не могут уснуть, вновь просматривают списки предназначенных к покупке вещей. Сегодня – Черная пятница...

МАРК БЕРКОЛАЙКО

ГУБЕРНАТОР

Повесть

I

*И не веря ни сердцу, ни разуму,
Для надежности спрятав глаза,
Сколько раз мы молчали по-разному,
Но не против, конечно, а за!
Александр Галич «Старательский вальсок»*

– Виктор Алексеевич, в Ивандамарынке пол-улицы Радостной снесло! – голос в трубке звучал хоть и траурно, но с глубокой верой в будущее; так в прошлом веке сообщалось о кончине очередного генсека.

Позвонивший среди ночи вице-губернатор по чрезвычайным ситуациям тучнел синхронно с двухлетним нагнетанием чрезвычайности, а лицо его приобретало цвет уровня максимальной опасности. Но служакой при этом оставался отменным и на вскрик: «Как это снесло?!» оттарабанил бы, не запинаясь: «Беспилотники, нацеленные на областной центр, уничтожены, а их обломки упали на улицу Радостную населенного пункта Ивандамарынка!»

Поэтому Губернатор выдохнул только:

– Жертвы?..

– Большая часть домов на этой улице...

– Я вас про людей спрашиваю!!!

– Так и я про то ж: люди оказались под завалами, а дома на этой улице старые, деревянные, поэтому у пострадавших только черепно-мозговые травмы, переломы, ушибы и порезы. Правда, один человек в крайне тяжелом состоянии... к сожалению, это ваша тетя Октябрина Федотовна. Она уже в центральной районной больнице, в коме. Специалисты медицины катастроф выехали.

Все слова были Губернатору, естественно, понятны, но складывались они в явную нелепицу:

– Я эту улицу знаю, она длинная, сколько ж обломков с неба должно было упасть, чтобы половине домов – уяк?!

– Разрушения вызваны не обломками, а взрывной волной: с подвески набравшего высоту бомбардировщика СУ-34 сорвалась бомба ФАБ-250 – это называется нештатный сход боеприпаса. Оттого и уяк!

От автора. Слово «партия» известный поэт назвал «величественнейшим» и заставил сиять заново¹, но до словца «уяк» поэты еще не добрались – поэтому оно не величественно и не сияет. Однако и Губернатор, долгое время бывший директором завода синтетического каучука, и – в угоду ему – сотрудники областной администрации «в минуту жизни трудную» произносили в сердцах именно это. В отличие от коллег из органов управления иных регионов, которые в схожих ситуациях используют всероссийски признанное «здец!».

¹«Хочу сиять заставить заново величественнейшее слово «Партия» – В.Маяковский.

Поясним: уяк – это когда вместо ожидаемого результата хорошо изученной химической реакции случается «нежданчик»; тем не менее, повторный запуск процесса вполне возможен и тогда, при соблюдении всех регламентов, результат нам явится чаемый – ибо «Широко простирает химия руки свои в дела человеческие!» (Д.И. Менделеев), так что никакой случайный уяк простираение это не отменит!

И прав был багроволицый вице-премьер: уяк в Ивандамарынке случился, но непоправимый здец не наступил: свалившиеся с родного неба четверть тонны тротила лишь ввергли в кому девяностотрехлетнюю тетушку Губернатора, зато землю не разверзли, апокалипсис не отрететировали... снесли, правда, старые дома, но их, авось, когда-нибудь возьмут, да и отстроят. И придет тогда Ренессанс на улицу Радостную, и позавидуют ей десятки тысяч других улиц – радостных и не очень.

А после здеца Ренессанс не наступает – это доказано всем ходом мировой истории!

«Лексус» трясло гораздо меньше гениально воспетой Гоголем русской тройки, водитель Иван, возивший на своем веку уже пятого главу области, был, в отличие от чичиковского кучера Селифана, трезв, однако вопрос: «... куда ж несешься ты?» мучил Губернатора так, словно мятущийся гений требовал ответа именно от него. И может, оттого это было, что протокольные выезды Губернатора в районы области хоть какую-то радость всегда сулили: там, глядишь, школу со стадионом и бассейном построили, там новый животноводческий комплекс запустили...

Но в этот раз не будет речей, церемониальных преподнесений «хлеба-соли», перерезания ленточек... и не будут репортеры тянуть к его рту укутанные в шумозащитный мех микрофоны, похожие на щенят, увлеченных поисками заветного материнского соска.

Нет, этот неохотный декабрьский рассвет не предвещал Губернатору ничего, кроме вида обезображенной улицы Радостной – вот чему навстречу неся «Лексус» по дорогам куда-то несущейся Руси.

... А ведь это к тете Окте присылали его родители на все летние каникулы. Не столько набираться ума-разума, сколько отъедаться после десяти месяцев учебы в замученной дефицитами Кинешме – черноземные приусадебные участки и сытно зеленющие заливные луга даже в тяжкие годы были для ивандамарынцев «землей обетованной», и не оскудевали их дома овощами, фруктами, коровьим или козьим молоком, домашней птицей и яйцами, свежееотжатым медом и много еще чем...

А ведь улица Радостная была когда-то так мила Виктору Алексеевичу, тогда еще просто Витьке! – и непритязательностью домов, и ухоженными садами и огородами, и тем, что его старенький велосипед катил по ее кочкам так сноровисто, будто сговорился с ними заранее: они и сегодня его не доконают, а он и в этот раз развлет их ворчливыми скрипами во всех своих измученных сочленениях.

Такое вот трогательное слияние дураков с дорогами и дорог с дураками!

Губернатор не сомневался, что около девяти утра последует звонок его советника по PR, а примерно через час – куратора из администрации Представителя президента в федеральном округе. И каково же было его удивление, когда первым позвонил куратор, да не около девяти, а в самом начале девятого. Заговорил негромко и вкрадчиво – ныне у молодых вождишек в почете те особые интонации уса-того вождя, от которых цепенели виноватые и падали в обморок безвинные:

– Соцсети гудят об упавшей бомбе, а в вашем блоге – до сих пор ни слова. В это злосчастное село вы поехали на автомобиле, а не полетели на вертолете – почему? Ведь давно уже могли бы разбираться в ситуации на месте...

И тут же «сменил жанр»:

– Молчите?! Может быть, вы меня не услышали?!

Голос обрел напор и властность Жукова, еще чуть-чуть – и прозвучит: «Отстраняю вас от командования областью!!!»

Не исключено, что молчащий Губернатор хотел услышать именно это – но разве подарит ему судьба свободу в то подлое утро, когда умирает тетя Октя?!

И не услышал – более того, в голосе куратора, отработавшего все предписанные выучкой интонации, вдруг зазвучало что-то человеческое:

– Виктор Алексеевич, сочувствую, пострадала, если не ошибаюсь, ваша... родня, но держитесь, мы в вас верим, справитесь.

«Не просто родня, а тетя Октя, слепившая из меня хорошего химика-технолога, – хотел было возразить Виктор Алексеевич. – Что же до веры в меня, – хотелось добавить, – так помогите выбить в Минфине средства на восстановление улицы Радостной, в бюджете области денег на это уже нет. Но столько средств выбить, чтобы в новых домах появился, наконец, водопровод, чтобы в них были туалеты, ванные и водонагреватели; чтобы асфальт уложили прочно, а тротуары сделали на совесть!»

Но ничего такого не сказал и не добавил – что толку? Чей-то сынок или родственник, этот молодой человек обладает навыками быстрого чтения и системного анализа, он знает толк в рейтингах, пиаре и выборных технологиях, однако никогда не почувствует ни сердцем, ни печенкой, ни даже тестикулами, что жители сметенной взрывной волной улицы, привыкшие, что страна не заботится о них на этом свете – теперь еще должны привыкнуть к тому, что она способна беззлбно и невзначай отправить их на тот свет...

– Во-первых, здравствуйте, – заговорил он наконец. – Во-вторых, по вашей рекомендации у меня среди советников появился тип, которому поручено заполнять мой блог соответствующими вашим требованиям обтекаемыми фразами. В-третьих, небо над областью для всех видов гражданской авиации давно уже закрыто, так что прилет в Ивандамарьинку на вертолете пришлось бы согласовывать полдня. В-четвертых, мне жаль, что сегодня я вас больше не услышу.

И дал отбой, удивляясь своей отчаянностью – ведь разговоры по аппарату спецсвязи записывались и внимательно «где надо» изучались...

Но тишина длилась недолго и прервалась еще более погано – вызовом от того самого типа...

От автора. *Одиннадцать лет назад Виктор Алексеевич, директор крупного завода, стал, совсем о том не мечтая, человеком Системы – именно так, подчеркивая интонацией заглавность буквы «С», называют те, кто сотворял, то, что сотворили.*

Он долго, стараясь ничему не удивляться, приравнивался к уставу этого явно чужого монастыря, однако лет шесть назад удивился сильно: на должность советника по «Созданию позитивного имиджа администрации области» Москва настойчиво рекомендовала ему профессора политологии N.

Удивился и услышал от куратора исчерпывающее: «Он, по нашему мнению, – человек системный»; то есть ему, Губернатору, «человеку системному», предписывалось забыть все дурное, что он узнал об N., тоже оказавшимся «человеком системным».

Забыть, например, как тот попался на взятках, но так надрывно каялся на суде, что отделался годом условно; как бесхитростно и откровенно называлась его докторская диссертация: «Методология формирования политической реальности с помощью провокаций»; многое другое забыть... Даже то забыть, что именно этого шельму Бог пометил особенно изощренно – не оспинами, шрамами, заячьей губой или родимыми пятнами, но гениально слепленной на месте лица целлюлитной жопочкой.

Как положено лицу, глазёнки-точечки на нем имелись, и выплескивалась из них наглость пополам с опасением, что вот-вот врежут. Конечно, прорезь ротика также имелась – и лилось из нее вкрадчивое мяуканье оскопленного кота... но главное, – черт, до чего же ранило душу Губернатора это главное! – носик на «лице-жопочке», одновременно курносенький и с горбинкой, был точной копией носика заварочного чайника тети Окты, если только представить тот повернутым на сто во семьдесят градусов!

И словно бы в отместку за то, что эта рожа так цинично покусилась на светлые воспоминания о чаёвничаньях с тетей Октей, Губернатор стал – и мысленно, и среди приближенных – называть новообретенного советника по PR «Жопочкой с носиком».

Разумеется, приближенные не без удовольствия сообщили об этом прозвище советнику, и тот, разобиженный, нашел возможность «стучать» на Губернатора не только своему покровителю, куратору области, но и напрямую на Старую площадь, в Администрацию президента. А Губернатор, довольно скоро почувствовав, что Система в отношении него несколько насторожилась, вспомнил: «... полетит весть от меня, да не наместнику в Антиохию и не в Рим, а прямо на Капрею, самому императору»¹.

Что да, то да: грешил наш герой частыми обращениями к шедеврам классики – и это, в свою очередь, Систему тоже настораживало.

– Что тебе?

– Виктор Алексеевич, – замыкал «Жопочка с носиком», – я разместил в вашем блоге комментарий о произошедшем в Ивандамарьинке.

И зачитал, как говорят воспитательницы в детских садах, «с выражением»: «Администрация ситуацию контролирует...», «Пострадавшим оказывается медицинская и психологическая помощь...», «Вопрос о возмещении ущерба изучается»...

И все в том же роде, и все никакое, как овсянка на воде...

– А почему ни слова о том, что моя тетушка при смерти? О том, что я среди ночи выехал в Ивандамарьинку? Боишься, как бы не подумали, что я не только функция, но и человек?! Понимаю тебя, если губернатор – человек, то ты в мое кресло никогда не сядешь. А если функция, то шансы твои повыше, чем у многих других.

– Ви-и-иктор Алекс-е-е-вич, – теперь «мяу» выходило прерывистым, как будто кота мучает икота. – Я сле-е-дую л-и-и-нии...

– Следуй, Жопочка, следуй! И ты ведь знаешь, от какого слова произошел термин «уяк»? – так последуй заодно по образуемому им адресу. А также сообщи тем СМИ, которые платят тебе за инсайд: губернатор собирается попросить у Президента отставки по состоянию здоровья, которое пошатнулось от необходимости общаться с такой мерзотиной, как ты.

Положив трубку, засмеялся, представив, как заметался в сомнениях советник: не слить «инфу»? – бабло упустишь; слить? – а вдруг губернатор его провоцировал, формируя новую политическую реальность?!

Долго смеялся, сознавая (пожалуй, все же с некоторым страхом), что с момента разбудившего его ночного звонка ведет себя не как «системный человек».

II

Не повезло дальтоникам – действительность видится им не настолько яркой, как она того заслуживает.

Однако же те, кто видит человечество плоским, в двух всего координатах: «мужчины-женщины», «богатые-бедные», «интроверты-экстраверты», «романтики-

¹М.Булгаков, «Мастер и Маргарита», глава 2.

прагматики», – счастливы и покойны, ибо не угнетает их многомерность типов и характеров, желаний и устремлений, неврозов и психозов.

Октя, Октябрина Федотовна, тетка Губернатора, была покойна, хотя сад ее не плодоносил ни золотым ранетом, ни сочными грушами, ни малиною-смородиной, а огород, безвозмездно уступленный ею соседям, их же и благодетельствовал; хотя ни пасеку, ни корову, ни даже курочек она не держала. Однако голодна – заботами благодарных родителей учеников своих – не бывала, а уж пищи, укрепляющей духовно, ей хватало с избытком.

Была счастлива, ибо, выбрав химико-биологический факультет областного пединститута, быстро почувствовала, как родственна душа ее химическим реакциям и превращениям; насколько сложные углеродные цепи проще перепутанных цепочек «дружба-вражда-любовь-ненависть-верность-измена» – и, задыхаясь в тесноте перенаселенного студенческого общежития, вольно дышала в многоэтажном и многокомнатном доме, зовущемся таблицей Менделеева!

По нему она часто бродила во снах, когда за окном стихали лязги трамваев – и похрапывания пятерых соседок ничуть не мешали ее дружеским беседам с жильцами «менделеевского» дома, химическими элементами, именуемыми по-латински звучно. И коль скоро даже сны ее заполняла химия, а никакие не девичьи глупости, человечество делилось ею на две всего категории: немногие, кто «царице реакций» предан до донышка, и тьмы иных, к «королеве веществ» безразличных.

...Круглая отличница, сталинской стипендиаткой она не стала – недоставало ей того, что на языке партийно-комсомольских характеристик звалось «общественной активностью». Например, наотрез отказалась от чести выступить на общеинститутском митинге с обличением антинародной сущности генетики; отговорила: обожаю-де химию, вот бы еще курсы математики и физики посOLIDнее были... а по биологии, мол, у меня хоть и пятерка, но это от усидчивости...

Что ж, выступила, путаясь в терминах, но надлежало гневно, отличница с истфака – и как же такую, огневую и безотказную, именной стипендией вождя на дальнейшие успехи не нацелить?

...По той же причине недостаточной активности Окте, первой зашедшей на распределение, не предложили ни аспирантуру, ни место на кафедре, ни учительской ставки где-то в городах или райцентрах области... нет, вместо всего этого – наспех восстановленная школа в довольно, впрочем, крупном селе Ивандамарынка, сильно пострадавшей от венгерской оккупации.

Октя не горевала: район, в котором уместилось это пока неведомое ей село, сокурсницы описали как хлебный и садово-огородный – не чета, стало быть, вечно полуголодным приволжским местам, где она выросла. Морозы там, рассказывали они, не очень трескучи, а лето ласковое, но не иссушающе жаркое – чем не жизнь!

Вот только женихов много меньше, чем в областном центре, но Октя на них и не рассчитывала: в славящихся красавицами здешних краях хорошие мужья таким, как она, лицом неярким и фигурой не влекущим, не попадают... да и попался бы, что ему за радость в жене – жрице богини Химии?

... Стало быть, поехала с двумя чемоданами из толстого картона: в одном – учебники и конспекты; в другом – то, что в начале пятидесятых звалось в провинции шмотьем, ибо претендовать на титул «туалеты» не могло.

В последние годы жизни Сталина, готовящегося к следующей мировой войне и железной рукою тащившего в социализм теперь уже и Прибалтику, и Восточную Европу, колхозы обдирались люто – и потому в Ивандамарынке многие еще жили в землянках. Большинство же потемневших от старости, однако перед Пасхой непременно белых домов сохранилось на окраинной улице Радостной, от которой –

вплоть до самого берега Дона – простиралась роща. Именно в них, домах-домишках этих, летом и в сентябре сорок второго года квартировали державшие Ивандамарьинский участок фронта мадьяры: в жару река под боком, а лишь похолодало – рядом роща, источник дров. Впрочем, уже в январе захватчики улепетнули, прихватив все, чем можно было утеплиться, – а недолгие свои пристанища спалить не успели. Хотя, может, и не захотели...

В одном из таких домишек жили вместе с Октей еще две девушки-училки; всего же безмужних в школе, где директорствовал холостой, потерявший на войне ногу математик, работало пятеро. Небойкая, неуклюжая химичка в битве за мужика и его двухкомнатную, – прямо при школе, – квартиру не участвовала, а вот соседки ее оказались боевитыми. Обе «женами султана» временно побывали; он же, меняя одну на другую (а потом другую еще и на третью), был душой широк: своим «разведенкам», покидавшим заветную двухкомнатную, отдельное жилье у сельсовета все же выбивал.

В райкоме партии за этим «бытовым разложением» наблюдали хмуро, любвеобильного фронтовика-инвалида пытались приструнить, но наказывать со всей коммунистической строгостью не решались. А когда – уже в самом цветении «хрущевской весны» – совсем было собрались, директор взял, да и помер.

Хоронили его, перешептываясь: «Да, пил, да, гулял, зато жизни успел порадоваться!» – но горько плакала оказавшаяся единственной хозяйкой дома на улице Радостной вечная девушка Октя, для которой у «султана», кроме «здрасте-до свиданья», и слов-то никогда не находилось... И казалось ей, что вцепись она, как все прочие, в лихого директора, попади она в гарем хоть на годочек, успела бы Властелина от пьянства отвадить, ребеночка ему родить, – и гуляли бы они втроем в этот погожий осенний день по роще, далекой от ивандамарьинского кладбища, где заведующий районо¹ произносит сейчас казенную траурную речь.

От автора. Семь считается небесным числом, но небеса непредсказуемы: семерка, на которую поставил Германн, подарила ему последний миг торжества, однако седьмое покушение на Александра Второго принесло конец его наполненной драматизмом жизни.

Седьмой же год пребывания Окти в Ивандамарьинке стал памятен для нее тем, что она перестала быть только химичкой.

В плохо протапливаемом и заполненном едва ль на четверть актовом зале она, беспрерывно перемещавшаяся от одной группы парт к другой, становилась то «ботаничкой», толкующей восьми шестиклассникам о пестиках и тычинках; то «физичкой», рассказывающей пяти восьмиклассникам о центростремительных и центробежных силах... Но истинно загоралась лишь тогда, когда водила трех девятиклассников по чертогам химии.

На четырнадцатый же год ее работы районный отдел образования приписал к Ивандамарьинской школе ребятешек из нескольких сравнительно близких деревень, и Октябрина Федотовна стала вести уроки биологии, физики и химии (а иногда, заменяя кого-то, – и математики) в почти полноценных (человек по десять) классах.

Через двадцать один год, в 73-м, школа зажила богато: появились кабинеты, и Октя царила аж в трех из них.

Надо ли говорить, что пропадала она на работе с раннего утра до глубокого вечера, что весной и осенью ходила в одном и том же ватнике, а зимою – в тулупчике; что пальто председатель сельсовета заставила ее купить только на тридцать пятый год работы – и то по случаю присвоения звания «Заслуженный учитель школы РСФСР». Да и к званию «Народный учитель школы СССР» ее непременно, следуя при-

¹Районный отдел народного образования.

вязанности небес к кратным числу семь периодам Октиной деятельности, наверняка представили бы в 1994-м, на сорок втором году работы... да не повезло ей – уже в 92-м СССР не стало... Впрочем, «Народным учителем Российской Федерации» побывать она успела – в точности на шестьдесят третий год своего подвижничества, в 2015-м. Тогда же ей фактически запретили работать – сочли позором, что восьмидесятипятилетняя старуха, по которой давно уже маразм скучает, все еще талдычит детям о таблице Менделеева.

«Сам-то Дмитрий Иванович, – рассуждало начальство, – куда более великий человек был, но так и он с шестидесяти пяти не преподавал. К тому же, без слез не глянешь, как эта упрямица каждый день ковыляет в школу и из школы. А ведь, уважая губернатора, подвозили бы ее и туда, и обратно за милую душу – так слышать о таких привилегиях не желают! Ни она, ни он».

... Губернатора в районах области действительно уважали: незлобив, мозговит и вроде бы под себя не гребет, – а потому решительный разрыв отношений между ним и Октябриной Федотовной отнесли к путям неисповедимым.

Что с того, что собственных детей у нее не было – зато у младшей сестры, оставшейся в Кинешме, родился Витек, на редкость симпатичный мальчишка.

Полное имя сестры было Лени́на – не в честь каких-то там невиданно Прекрасных и неслыханно Премудрых Елен, а именно что Лени́на!

Не Прекрасного, не Премудрого, зато своего, волжского!

Только ведь русские-то мозги пропагандой забить легко, а вот русский язык неподатлив – и «паспортное» имя младшенькой никто не вспоминал: так и осталась она для всех Ленкой, Леной, в редких случаях – Леной Федотовной.

А Федот, отец их, – энтузиаст Советской власти, наградивший дочерей идеологически «правильными» именами, в сороковом году был арестован: в курилке, убеждая рабочих родного химзавода, производившего мины и нужные для авиастроения растворители, сказал, что, нечего, мол, ворчать по поводу Указа Верховного Совета о переходе на восьмичасовой рабочий день и семидневную рабочую неделю: «Война, мужики, скоро, готовиться надо!»

Не взял в толк Федот, что это он для безотказной работы – самый тот, а для разговоров о политике вождя – вовсе нет. Вот и поплатился за предчувствие того, что два режима, стиснув друг друга в объятьях, ожидают удобного момента, чтобы под «Броня крепка, и танки наши быстры!» или под «Wenn die Soldaten durch die Stadt marschieren»¹ один другого придушить.

... Октябина, будучи старше сестры на девять лет, не рискнула в 47-м поступать в вузы Иваново, а уехала подальше, надеясь, что там в несчастной судьбе отца копаться не станут.

И правда, не копались – в послевоенном безлюдье рады были серебряной медалистке, поверили, что ее просто потянуло в более теплые края. А сестра Лена, о высшем образовании не мечтая, довольствовалась «ремеслухой»², после которой пошла на тот же химзавод, где ее невезучего провидца отца, к тому времени по-смертно реабилитированного, все еще поминали добрым словом.

Там же, на заводе, встретила осиротевшего во время войны Алексея –тихого паренька, простого работягу – вот у них-то, на пятом году брака об этом счастье уже не мечтавших, в 1963-м наш герой и появился на свет.

¹ «Когда солдаты маршируют по городу» (нем.) – популярный в гитлеровской Германии марш.

² Так называли ремесленные училища, организованные в 1940 году для начальной профессиональной подготовки рабочих кадров. В 1959 году преобразованы в производственно-технические училища (ПТУ).

Благословенны были годы жизни Октябрины Федотовны, в которые случались два с половиною месяца гарантированного счастья!

... Впервые Витьку, тощенького, росточком не вышедшего, Лена привезла к сестре на каникулах перед пятым его классом. Сестры обнялись, всплакнули, как водится, а потом младшая спросила у старшей, кивнув на робко жавшегося у порога мальчишку: «Откормишь?»

– Откормлю, – пообещала Октябина.

И взялась за дело тут же, поскольку продукты ей уже нанесли благодарные родители учеников, в их числе, что немаловажно, продавщица сельпо. Но не подумайте чего, Октя со всеми расплатилась копейка в копейку, просто цены ей назначали божеские.

Заранее предупрежденная о приезде племянника, «на раз-два» отставила хозяйские свои привычки – и так же истово, как учила детей химии-биологии-физике-математике, сама училась варить борщи на курином бульоне, жарить котлеты – говяжьи, свиные и опять же, куриные... ну, а картошку, русскую выручалочку, – особенно ту молоденькую, что жеманно ускользает от льющего к ней ножа, – готовить умеет любой.

А яишенку на сале из двух крупных яиц – не хотите ли? да под парное молочко... только вот надо еще было племяша весь день травяным чаем поить, чтобы желудок его непривычно калорийную еду принимал радостно.

И в те каникулы – только еда, велосипед, купания, футбол на поляне и Пушкин перед сном. Но когда Алексей заехал за сыном в начале сентября, то ахнул, увидев подростка и окрепшего пацана с той куражливостью во взгляде, что свойственна деревенским, умеющим за себя постоять.

Такими же были Витькины каникулы и перед шестым классом, но уже следующие... о! с таким расписанием каникулярного дня согласились бы славящиеся казарменной строгостью закрытые частные школы Англии.

Подъем – 6-30.

Бегом в дощатый туалет, бегом на речку, где с полчаса вытворяется все, что взбредает в голову выросшему на Волге пацану, а ровно в восемь завтрак.

После такого сытного кормления опять поспать бы, но черта лысого: четыре часа занятий: два на химию («Тетя Октя, мы ее в школе еще не проходим!» – «Я – лучшая для тебя школа!»), стакан молока и два часа на математику («Тетя Октя, мы это еще не проходили!» – «Так проходи! Химик без математики – золотарь¹!»).

Полчаса на обильный обед, после которого (так уж и быть!) часок жарись на солнце, переворачиваемый по командам тетушки со спины на живот и обратно... точь-точь, как отбивная на сковородке.

Или подремать в тени, если солнце жарит так, что и отбивная может обуглиться.

Но в три – опять за стол, и два часа физики («Тетя Октя, я узнавал: закон Кулона в восьмом классе проходят, а я только в седьмой перешел!» – «Дураки в восьмом проходят, а умные – в старшей группе детского сада!»). И лишь потом, после восьми школьных уроков, два часа свободы: речка, футбол, велосипед.

Телевизора в доме нет, зато хлопотами все той же продавщицы сельпо на все «послеужины» тетей Октей припасены для племянника Дюма, Майн Рид, Стивенсон, Вальтер Скотт; все это влечет, манит, и поди определись, с кого начать и кем продолжить...

¹Золотари – так до начала XX века называли ассенизаторов – имеют, мол, дело с «ночным золотом», то есть с нечистотами. В небольших приволжских городах типа Кинешмы название было в ходу и в годы юности Октябрины.

В половине же десятого начиналось священнодействие: он укладывался на покрытый ватным одеялом, специально для него сбитый топчан, – жутко жестко, зато сколиоза не будет! – она садится у изголовья и читает вслух «Вечера на хуторе близ Диканьки»...

Откуда в голосе сухой училки-естественницы столько чувственности? – и гоголевский текст льется то янтарным липовым медом, то каштанового цвета тягучим гречишным... минут через сорок веки слипаются – но что это?

А это умник Кулон, удалец Левко и силач Вакула выделяются друг перед другом кто в гопаке, кто в менузете; это кокетка Оксана преподносит себя в кадрили; это бледная панночка вальсирует, клоня гибкий стан свой то ли к водам Днепра близ Диканьки, то ли Дона близ Ивандамарьинки – но есть ли разница, где та вода, одинаково темная и сонная?

А следующим летом к ним присоединился сын школьной уборщицы, перешедший, как и Витя, в восьмой – мальчишка, являвший собою идеальный прообраз всех снеговиков мира.

Два шара.

Тот, что побольше, – туловище, а короткие ножки, быстро-быстро его перемещающие, подразумеваются, как пропеллеры самолета, образующие в полете сверкающие круги, но взглядом неразличимые.

На этот шар-тулово водружен шар-голова, шея под которым – не более чем бугорок на покатых плечах...

Это нелепое создание звалось Вовкой Макеевым (короче – «Мокием»), и до четвертой четверти седьмого класса он считался умственно отсталым: говорил неохотно, писал сикось-накось, правда, считал, как двигался, неординарно быстро... но... не назовешь же умницей микрокалькулятор!

А в памятный день, когда весна открылась дружно и нараспах, случилось чудо: на последнем уроке зоологии Макеев поднял руку.

– Тебе в туалет? – спросила Октябрина Федотовна.

– Не-а... Отвечать хочу, тройку на пятерку исправить.

– Что отвечать?

– Все. С амёб обыкновенных.

Полчаса затаивший дыхание класс слушал ответы по всему учебнику зоологии, а потом еще немного – по предстоящей в восьмом классе физиологии...

– Вова, а почему же ты раньше никогда не отвечал? – спросила Октябрина Федотовна на перемене,

Ожидала услышать что-то эзотерическое, например: «А в меня сегодня дух Менделеева вселился. Смотрел я на его портрет, вдруг дух из него вышел и прыг – прямиком в меня»... только знал ли Д.И. зоологию за седьмой класс так досконально?

Однако услышала еще более удивительное:

– Неохота было.

– А сегодня что вдруг разохотился?

– Мамка рассказала, как вы летом с племяншом вашим все вперед учить будете. И я тоже так хочу... Продукты носить не буду, их нам самим едва хватает: при папке было вдоволь, да спился он и помер, а мамка к хозяйству не способная. Но зато я вам каждый день полы в доме мыть стану.

От того, что скоро к ее смышленому племяннику, которого она учит, любит без памяти и им любима, присоединится объявившийся в Ивандамарьинке гений, Октя заплакала не сразу.

Сначала вспомнила повесть «Мексиканец» Джека Лондона: Ривера, нокаутировавший на ринге чемпиона Соединенных Штатов, начал свой звездный путь в боксе с мытья полов «ради освобождения Мексики». Вспомнила, что не успевала утирать слезы, читая, как было Ривере страшно и больно – одному против ненавидящего зала, подлого соперника и нечестного рефери... а вспомнив, заплакала от всего сразу, но более все же от того, что жизнь ее так чудно удалась.

От автора. То были странные занятия, и странность эта нарастала от года к году, от класса к классу. Иногда Октябрьине Федотовне казалось, будто весь школьный (а может, и университетский, а может, и еще какой неведомый) курс физики, химии и математики был заложен в белокочанную башку Макеева давным-давно; словно уже в первые минуты жизни он вырвался из цепких рук повитухи – и унесся в вольницу познания.

И теперь, живя поневоле в Ивандамарьинке и вынужденно помогая бестолковой матери по хозяйству, приходит в дом Октябрьины Федотовны, как на стартовую площадку, где, угрюмо выслушав выверенное вековой методикой изложение новой темы, какое-то время кряхтит, ковыряет в носу – и вдруг он уже не здесь, а там, где нет никаких методик, но есть прорывы за горизонт.

Где разность потенциалов в электростатическом поле и вихри в магнитном – это иллюстрации общих утверждений векторного анализа.

Где валентность элемента не равна его степени окисления, то бишь номеру группы таблицы Менделеева, в которой элемент расположен... тетя Октя понимала это с трудом, а Вовка Макеев – так, словно усвоил в те краткие промежутки времени, когда мокрая пеленка уже не раздражала, а сменная, сухая, еще не стесняла.

Где формула куба суммы – это простой частный случай формулы бинома Ньютона, которая вытекает из разложения степенной функции в ряд Тейлора... о чем Октябрьина Федотовна и не подозревала (на биохимфаке высшую математику преподавали куцо), а Вовке будто бы четырнадцать лет назад напели вместо колыбельной.

Поначалу Октя побаивалась, что бросающееся в глаза лидерство Макеева племянника будет раздражать, но в какого же разумного и славного мужичка выростал любимый ее мальчишка! – «Мокию» даже «вот на столечко» не завидовал.

Да и как может нормальный пацан завидовать ненормальному, которого он «мотает, как девчонку», не позволяя коснуться мяча?

Который в реку боится войти даже по щиколотку, а если тащить его побултыхаться, то пищит, как приговоренный к утоплению котенок.

Который на велике «без рук» наяривать не способен, а вцепившись в руль, летит через него на первой же кочке!

Причем всегда лбом об землю – и здоровенные шишаки на этом сократовско-ленинском лбине выглядят потом, как попытки белого кочана размножиться лиловым почкованием.

Но – спасибо и на том! – не хнычет, а бубнит: «Морда-то любая сойдет, лишь бы пальцы не переломать, а то ведь как потом учебник листать и решения задачек записывать?»

А учебники в старших классах «листал» уже вузовские (но Октябрьину Федотовну все равно почитал, как высший авторитет), а задачки щелкал такие, что, будучи в десятом классе, последовательно прошел районные, областные, всероссийские и всесоюзные олимпиады по математике и физике – и везде дипломы первой степени.

Был принят без экзаменов в физтех. Уговаривал поступать туда же и Витьку, но тот, его аргументы выслушав, отрезал: «Нет, Мокий, это тебе, с твоими мозгами, нужен журавль в небе. А мне, с моими, хватит синицы в руках».

И поступил, – слегка назло Мокию, – в Ярославский политехнический, на специальность «Химическая технология синтетического каучука».

Зато Октя взлетела, да не журавлем в небеса, а тем спутником в космос, которому предстоит зафиксировать все ступени роста ее ребяток: Мокия – до академика и Нобелевского лауреата, а Вити – до директора завода СК не где-то у черта на куличках, а в городе, где сама выучилась, в трех всего часах езды от Ивандамарьинки.

III

Провидицей оказалась сельская учительница: Мокий уже в 1985-м защитил дипломную работу как кандидатскую диссертацию, а в 1987-м последовала докторская. И академические корифеи заговорили о том, что следует с симпатией относиться к «мальчишке», «молокососу» из черт знает какой глубинки родом. Новый Ломоносов? Может, еще и оды слагает?

Виктор же в своем Ярославском политехническом первые три года учился старательно, но не упоенно – с удовольствием тратя время на девиц, футбол, кино, чтение...

А впервые оно, упоение, возникло во время месячной практики на Воронежском заводе СК, где он был, если уж честно, мальчишкой на побегушках в цехе эмульсионной полимеризации. Но когда его там отшивали: «Студент, не до тебя», он не сбегал на пляж, а ходил по другим цехам, по котельной и даже по складам. От него отмахивались и там, но иногда, в добрую минуту, давали кое-какие пояснения...

И был уверен (тетя Октя неустанно, как атомный реактор воду, в нем это разогревала), что придет пора, когда он пройдет по огромной территории завода как тот, кто в секунду подмечает, где у него в хозяйстве хорошо, а где не очень; кто дает четкие указания, как «не очень» превратить в «очень»; чьи вопросы и комментарии воспринимают, как шквал, смерч, цунами – и лишь изредка, как ласку солнечных лучей.

И в такие минуты чувство зависти (все же зависти!) к Мокию, начавшему восхождение с первого же курса физтеха, сменялось убежденностью в том, что и ему, Виктору, доведется стоять на своем Эвересте!

От автора. *Лето 1989-го в стране, раздираемой на части низкими ценами на нефть в мире и глупостью властей внутри, для тети Окти, Виктора и Мокия выпало особенно тяжким: в июне умерла упорно не желавшая «сидеть на шее сына» бесшумная уборщица ивандамарьинской школы, а в июле и августе, словно бы гуськом, ушли в иные миры ранние пенсионеры Лена и Алексей, чье здоровье, от природы вполне крепкое, было подорвано работой на вредном производстве растворителей.*

Поминали и мать Мокия, и родителей Виктора одинаковой едкости самогоном – борьба за трезвость народа в шатающейся, как забулдыга, стране, привела к тому, что водка стала выдаваться по «нравственно обоснованным» нормам. Следом за нею исчез из свободной торговли сахар – традиционное сырье для домашнего производства «первача»... да и вообще, катастрофически быстро множился перечень того, что в дефиците – а потому судорожность буден и натужность праздников все более смахивали на пляску смерти... И приходившие на поминки уже, похоже, немного завидовали поминаемым.

Однако Октябрина Федотовна, Виктор и Мокий, теряя родных, срастались друг с другом все неразрывнее и в этом обретали остойчивость – редкую по тем временам способность выпрямляться из почти любого крена.

Так им, во всяком случае, тогда, летом 89-го, казалось; в это им тогда, летом 89-го, безумно хотелось верить...

Но когда утром 23 декабря того же 89-го Мокий ввалился в комнату заводского общежития, в которой Виктор, за четыре года выросший до начальника смены цеха, только-только собрался завалиться в постель после нелегкой ночной работы, сразу стало ясно, что гениальный физик в том крене, из которого редко выходят самостоятельно.

Поставив на стол две бутылки «Столичной», вывалив из авоськи пять банок «Кильки в томате», батон вареной колбасы «Отдельная», три огромные луковицы и две буханки серого хлеба, Мокий сказал:

– Сахарова поминать будем, сегодня девять дней. У тебя другие планы? потерпи, мне больше не с кем...

Этот более обычного странный Мокий, который удивлялся рассказам Виктора о жизни, далекой от теоретической физики так же, как остров, родина Пятницы, был далек от острова, родины Робинзона Крузо, сегодня явно собирался говорить сам – много и долго.

О чем?! Об инфляционной теории расширения Вселенной?! О суперструнах? О бренности и Вечности? О жизни и смерти Иисуса Христа? – да нет же, о чужом ему и чуждом мире, где «sapiens-ы» читают вместо Набокова, Владимова и Нагибина газеты – а потом делятся прочитанным; где они впитывают не божественные мелодии Верди, а слухи – и распространяют их с дьявольской частотой излучения; где спорят о том, кого именно следует избрать депутатами на говорливый и высокоэнтропийный Съезд.

– Я ж, Вить, голова профессора Доуэля¹ – у меня все конечности и органы, включая пипиську, – это описанные Беляевым шланги и сосуды с жидкостями, обеспечивающими работу мозга... помнишь эту книжку, в ней еще один роман был, «Человек-амфибия»? Как жаль, что я – голова Доуэля, а не тот плавучий Ихтиандр – нырнул бы сейчас в глубину и думал о своем. Давай выпьем...

– Мокий, остановись. Ты же пить-то не умеешь.

– Зато напиваться могу... А я, Вить, знаешь, о чем сейчас размышляю? о физико-математической сущности Бога! Несколько забугорных космологов выдвинули гипотезу, что Творец, он же Высший Разум, он же всевременной и всепространственный Замысел – это некая система нелинейных уравнений. И в точках ветвления решений этой системы рождаются множества Вселенных – либо похожих на нашу по совокупности значений мировых констант, либо резко отличных от нее. Похоже на бред, но безумно интересный, поверь мне, бред! Однако наши титаны: Сахаров, Зельдович, Линде – за вероятностный подход к процессам в Мультивселенной...

– Мокий, я и так бы хрен что понял, а уж после ночной смены...

– А ты вставляй время от времени: «У, бля!» или «Ах, ё твою мать!» – это всеобъемлюще. И давай выпьем.

Зря Виктор сомневался в способности Мокия вливать в себя водку – тот не пьянел, и только на лбу его, ставшем еще более сократовско-ленинским, с каждой стопкой все явственнее лиловели пятна, напоминая об обретенных когда-то на этих же местах шишках. Зато другие, никогда не битые части лица его с каждой стопкой обретали все более снежную белизну.

– Хрена ль я поперся на тот митинг? – ведь энергии протеста во мне на один электронвольт не наберется! Никакой для меня разницы, какие мудаки страной уже правят или только собираются – лишь бы не мешали размышлять, статьи публиковать, с коллегами общаться.

¹«Голова профессора Доуэля» – первый роман замечательного советского писателя Александра Беляева.

Однако пошел посмотреть, как Сахаров, великий физик, будет пытаться укротить энтропию, избыточно производимую Горбачевым, Ельциным и прочими ничтожествами. Полтора часа меня, безразличного ко всему и ко всем, толпа тискала и пинала, как инертную молекулу, и вынесла, в полном согласии с кинетической теорией, туда, куда стремились десятки тысяч динамичных молекул, – то есть в первые ряды, перед центром помоста, откуда ораторы вещали...

Сахаров вроде бы меня даже увидел, узнал и кивнул... хотя нет, показалось, наверное, ведь рядом с ним, как конвой, стояла жена его – и долго б ему потом пришлось перед нею оправдываться, кому кивал и зачем...

А когда он, Вить, заговорил, я понял: да это же Христос, которого все – все, а не один! – апостолы готовы продать за то или иное количество сребреников. И больше всех получит вечно поддатый прораб, ненамного меньше – юрист из Питера; остальные – возьмут, сколько дадут, а двое-трое будут вообще согласны получить «ёбчественным» признанием...

И что они, Вить, несли! «СССР – это не архипелаг, а континент Гулаг!», «Сталин – злодей хуже Гитлера!», «Россия кормит остальные республики!»... Я, Вить, Советскую власть, которая мою мать на нищенской зарплате гноила, а твоих родителей в цехе травила, не жалую, а Сталина – так очень не люблю! Но, слушая их, вспоминал: «Послушай! ври, да знай же меру; есть от чего в отчаянье придти»¹ – и приходил, Вить, приходил! Ведь никто, кроме Андрея Дмитриевича, ни слова не сказал о том, как разумно реформировать экономику, как постепенно вводить частную собственность, как финансировать науку, образование, медицину, культуру – нет, лишь лозунги и проклятия, проклятия и лозунги – Троцкие, бля, недоделанные! Но тот хоть сумел Временное правительство отхерачить, а потом Красную армию создать, а эти только ртами пердеть умеют.

От автора. Начальник смены цеха полимеризации бутадиен-стирольного каучука старался Мокию не верить.

Он знал, что завтра ему с утра на работу.

Еще знал, что нравится Оксане, инженеру заводской лаборатории, похожей на дивчину из «Ночи перед Рождеством», тоже Оксану; что она вполне ясно, как это умеют умные красотики, дает ему понять, что ее вполне устроит будущее с таким, как он, мужем.

Что она не потребует у него совершить подвиг, например, подобно гоголевской Оксане, раздобыть ей черевички, то бишь туфельки Раисы Горбачевой – к чему эти чрезмерности? – вполне хватит трехкомнатной квартиры, растущей зарплаты, семерки «Жигули», садового участка в шесть соток, как у всех, кирпичного домика на нем, как у всех... и чтобы за платья, юбки, блузки, брючные костюмы, пальто-деми, дубленки и сапоги не стыдно было, и чтобы раз в месяц – в драмтеатр или филармонию... в общем, «жизнь прожить – не поле перейти», однако пусть все будет максимум похоже именно на прохождение поля, а не так, чтобы с горы в пропасть, с волны на волну или (не приведи Господь!) из огня – да в полымя. И Виктор, которому она была приятна или даже более, верил в обоснованность ее ожиданий: ведь через немного лет он – начальник цеха, а там – вперед и вверх без долгих передышек.

... Он изо всех сил старался Мокию не верить, ему впервые за столько лет не хотелось видеть и слышать друга, вынырнувшего из физико-математического моделирования Творца и уверившегося в том, что всё нынешнее скоро рухнет, а все заново возводимое получится еще более уродливым.

¹ Александр Грибоедов «Горе от ума», действие 4.

IV

Кто мог представить, что в Моики когда-нибудь проснется борец?! – однако ж проснулся, когда власть вцепилась в самое для него дорогое...

В 1993-м, в возрасте тридцати лет, он стал членом-корреспондентом Академии наук, а скоро стало ясно, что полноценным академиком ему не стать никогда – забаллотировали.

Нет, он не был с коллегами злоязычен, как, например, Ландау, просто бесхитростность его высказываний наживала ему врагов успешнее сколь угодно злых шуточек, на которые можно попробовать отшутиться, а если уж соревноваться в остроумии мочи нет, то ответить классическим: «Сам дурак!»

Мокий же, подойдя к уважаемому ученому, вполне мог сказать с подкупающей искренностью: «Хорошую работу, NN, вы в «Успехах физических наук» опубликовали – по-настоящему хорошую, не в пример предыдущей блевотине!»...

Но он и не рвался в академики: поглощен был астрофизикой, космологией и художественной литературой, «проглатывая» которую, снабжал свой неуемный мозг отличными стимуляторами. «Оплодотворяю его, – как сам говорил, – бредом о «чувствах-с» и буйством фантазии».

Но при этом Мокия нельзя было назвать «человеком не от мира сего», поскольку его исключенность из мира имела характер гораздо более сущностный, нежели «не от сего»!

Ибо пресловутый «сей мир», создав несколько странный, но, в общем-то, обычный организм Мокия, безжалостно бросил его в гегелевское «единство и борьбу» с невероятной мощью мокиевским же интеллектом; с сознанием-океаном, в котором все текуче, все вихрится и бурлит – и существует в нем лишь один прочный коралловый грот, где живет привязанность к Октябрине Федотовне и Виктору.

Он, Мокий, был жутким собственником: учительница и друг, за которых он готов был умереть не раздумывая, обязаны были принадлежать ему и только ему – а потому Виктор друга на свою свадьбу не позвал, дабы тот, вынырнув во Дворце бракосочетаний из размышлений о Боге в виде фундаментальной системы уравнений, не спросил бы громко, указав на Оксану: «А кто эта фифа в белом платье, на что она претендует, и какова ее роль в происходящей здесь хреновине?»

Впрочем, тетю Октю не позвал тоже – она к избраннице его отнеслась так опасно, словно та, воровка, покусится на самое в племяннике дорогое – нет не на место в сердце, которое занимает она, тетя Октя, но на любовь к технологии производства синтетического каучука.

Или даже – страшно сказать! – на любовь к самому синтетическому каучуку!

Но мало того, а вдруг она замахнется на тройственное согласие Окти, Виктора и Мокия в их любви к хорошей литературе?! – и перестанут слетаться в Ивандамарынку, в дом на улице Радостной, Октины птенцы; не будут они спорить, чуть ли не заклеывая друг друга, что в повести «Шинель» главнее: несчастья «маленького человека», третируемого чиновной сволочью, или упоение художника-каллиграфа, вырисовывающего любимые свои букочки...

Оксана беременности избегала: зачем портить фигуру и разминивать на кого-то себя любимую?

Но хозяйкой при этом была отменной, а женой – удобной, характером ровной, в постели поворотливой.

Мужа, рослого, стройного, привлекательного, ревновала разве что к тетке его и другу. Как-то сказала – улыбаясь не как обычно, любезно и холодно, а зло:

– Лучше бы ты вместо них еще двух баб, помимо меня, имел. Это бы я поняла:

трахаться с тремя попеременно интереснее, чем с одной неизменно. Но когда ты не засыпаешь, как положено нормальному мужику после нормального секса, а идешь на кухню поговорить полчаса по мобильному с кем-нибудь из «близких своих» – убить готова и их, посланцев звезд, и тебя, незаурядно неземного.

Но карьера Виктора складывалась как надо, и рос он, не сильно отставая от друга. В тридцать лет – начальник цеха, в тридцать пять – технический директор завода, в сорок два – генеральный.

А завод-то – крупнейший в России и заметный в мире, а материнская компания у всех на слуху, а стать в сорок пять лет членом Совета директоров такого холдинга – генеральские погоны видны за версту.

А дальше... модернизировать завод, сделав его технологически совершенным и чарующе автоматизированным – чем вам не «дальше»?!

Институт физики (назовем его так), в котором работал Мокий, был создан в 1945-м волевым решением Берии и Ванникова, и сотрудниками его стали такие светила, как Алиханов, Владимирский, Галанин, Ландау, Померанчук, Рудик, Шолкович... Задачи же, решением которых они занялись, ставились им в строгом соответствии с принципом «не класть все яйца в одну корзину».

Например, первым достижением Института стал реактор, работа которого базировалась на иных принципах, нежели те, которых придерживалась группа Курчатова. Этот ТЭР, тяжеловодный энергетический реактор¹, позволил Советскому Союзу еще раз догнать Соединенные Штаты; многие же другие достижения Института вообще были прорывными – достаточно вспомнить открытие слабого нуклон-нуклонного взаимодействия в атомных ядрах...

Трудился Мокий в Институте более чем «присутственно», проводя в нем неизменно по десять-двенадцать часов: то в своем кабинетике, то вышагивая километры по аллеям и дорожкам знаменитого парка, на части которого к концу сороковых ээки возвели комплекс зданий.

С удовольствием ночевал бы в Институте, но режим секретности не позволял.

С удовольствием «начинал бы понедельник в субботу», но опять же чертов режим!

Его ни на что не претендующая одежда стараниями соседки по лестничной клетке, почти такой же мученицы, как миссис Хадсон², была относительно цела и чиста. То же относилось к постельному белью, да и ко всей «однушке» на Вернадского в целом... институтский же буфет кормил вечно голодных экспериментаторов и вечно уверяющих, будто они сыты, теоретиков с девяти утра до девяти вечера.

Столовая же баловала их, «яйцеголовых наших», дешевыми, сытными обедами и в дефицитное советское время, и в воровское российское.

В кабинетике Мокий часами смотрел в одну точку, а по малолюдному парку почти бежал, приветствуя редких встречных быстрыми кивками белокочанной головы. Проносился мимо них настолько стремительно, чтобы те не успели вытащить его в «сей мир» своими идиотскими: «Как здоровье?», «Как дела?», «Рад (рада) вас видеть!»

В общем, как сказали бы современные психологи, хреново Мокий был социализирован!

¹Ядерные реакторы, в которых в качестве теплоносителя и замедлителя используется тяжелая вода. Это отличает их от традиционных реакторов, в которых используются обычная вода и графит. Кроме того, ТЭР работают на природном, а не на обогащенном уране; они хорошо приспособлены для выработки плутония, трития и полезных для медицинских целей изотопов.

²Литературный персонаж – хозяйка квартиры по адресу 221b Baker street, в которой жили Шерлок Холмс и доктор Ватсон.

Но мы-то с вами знаем, что на улице Радостная, в компании любимой учительницы и единственного друга, он был социализирован отменно!

Посмотрели бы на него современные психологи в те минуты, когда он, размахивая руками и суча короткими ножками, доказывал Окте и Виктору, будто роман Уэльбека «Элементарные частицы» – это плевок в лицо физике... неужто не признали бы они, современные психологи, такую социализацию вполне очевидной?

А что бы сказали, если б увидели, какими спорыми и ловкими становятся руки «снеговика», когда тот помогает кровельщикам перекидывать крышу дома Октябрины Федотовны и распевает лихо: «Крыша едет не спеша, громко шифером шурша!»¹... о, будь эти современные психологи честными людьми, то согласились бы, что все их теории социализации не стоят яиц, выведенных за завтраками Зигмундом Фрейдом и Эрихом Фроммом.

От автора. А Система тем временем наукой занималась.

Неспешно, в неколебимой уверенности, будто все, что ей понравится, станет ее, а что не понравится – исчезнет.

Под привычные разговоры об оптимизации и с привычным желанием хапнуть...

Институт погубило его расположение на территории шедевра садово-парковой архитектуры: она, по мнению столпов Системы, не призвана быть источником вдохновения для полусумасшедших академиков, но должна приносить бабло.

Непосредственно и бесхитростно, как место для коммерческой застройки.

Или, на худой конец, как символ чьего-то надуваемого величия: почему бы, например, не выстроить в этом парке офисный небоскреб одной из госкорпораций? или не провести с подобающим размахом ее корпоративный праздник?

Эти дивные планы привели Мокия в особую ярость, большую даже, чем спешная замена заслуженного директора Института на какого-то кандидата технических наук; чем увольнение имеющих мировое признание ученых; чем поглощение выдающегося научного центра другим, не конкурентоспособным, но заблаговременно прибранным к цепким рукам людей, известных среди физиков разве что успешными банковскими операциями и хлестаковской болтовней...

Он забыл о поиске Бога в виде системы уравнений, он вдохновенно сочинял подписываемые сотнями достойных людей письма во все значимые госорганы и в известные международные научные организации; он создал популярный сайт «Спаси Институт»; при этом начал одеваться почти щегольски... и – а это уже полная смена приоритетов, – стал интересоваться женщинами!

Спрашивая их в несколько уже устаревшей манере:

– Простите, что занимаю ваше время, но ответьте, пожалуйста: я успею соблазнить вас в те несколько недель, что мне здесь остались?

И был при этом так мил, что некоторые, говоря «нет», этого даже стеснялись.

Но одна, красавица младше него на двадцать три года, сказала: «Попробуйте».

И он попробовал, ухаживая за нею изобретательно и утонченно.

И любовником оказался нежным...

Только вот борьба за Институт постепенно становилась похожа на судорожные движения упавшего на рельсы Берлиоза, пытавшегося как-то иначе, а не отрезанной трамваем головой ответить на вопрос «Неужели?»... И немногие оставшиеся в русской науке пассионарии все яснее понимали: сопротивление бесполезно, лучше торговаться.

¹Автор известен под псевдонимом «Черная Горячка» и в 2007 году жил, по-видимому, в Гомеле.

Но Мокий, нелепый Мокий, которому две недели блаженства с той, что разрешила ему попробовать, должны были бы внушить, что «Париж явно стоит мессы» – внушен не был, поскольку торговаться не умел, а учиться этому не хотел.

На столе в его однушке на Вернадского остались три письма.

Той самой – с пылкой благодарностью за пятнадцатидневное счастье, даже и о крохе которого 99.99% людей не подозревают во всю их жизнь.

Октябрине Федотовне и Виктору – с пылкой благодарностью за поддержку, крохотной доли которой 99.99% человечества не ощущает за всю свою жизнь.

Всем, кого это заинтересует – что он кончает жизнь самоубийством в знак протеста против уничтожения Института; здесь же выражалось глубокое сочувствие России по поводу того, что с вероятностью 0.9999 даже крошечной доли былой великой физики, математики и вообще науки у нее не останется.

Странно, как настойчиво «мозг профессора Доуэля», астрофизика и космолога, кружил в последние часы своего существования вокруг «крохотных долей» и вариаций на тему четырех девяток... но более того удивительно, каким астрофизик и космолог оказался везунчиком: тело его в Пестовском водохранилище нашли поразительно быстро.

Так что в крематории он был очень похож на себя живого... «Но как это может быть, – размышлял Виктор Алексеевич, – чтобы у человека в гробу ноги были нормальной длины, а при жизни, когда он ходил, стоял, сидел, казались такими короткими, что хотелось называть их ножками. Неужели только смерть являет истинную меру всего, а жизнь ее постоянно искажает?»

Он размышлял об этом до тех пор, пока гроб не опустился и створки не сомкнулись; размышлял, чтобы не представлять, как заходит в воду панически ее боящийся Мокий, – и не завывать от ужаса и горя, представив это.

А тетя Октя казалась в крематории каменной. К ней, облаченной во все черное, похожей на Родину-мать, только не с мечом валькирии, но сгорбившуюся от потери половины детей своих, подходили с соболезнованиями – но она не благодарила ответно, а спрашивала одно и то же: «Что ж вы у моего золотого ученика смысл жизни украли?!»

Не оправдывались, торопливо отходили – и только заплаканная и поразительно красивая девушка стояла перед Октей долго, ничего не говоря... и старуха все няня:

– Надо было, милая, ни на шаг его от себя не отпускать!

– Не отпустила бы... но он, когда стало известно, что Институт уничтожают, четыре приглашения на работу получил: из Института космологии в Массачусетсе, из Института перспективных исследований в Принстоне, а еще из Шанхая и Парижа – и я уверена была, что, говоря об оставшихся здесь нескольких неделях, он под «здесь» имел в виду Россию... Спросила его как-то, куда все же он собрался – отшутился: все решат орел-решка. Не могла же я напрашиваться...

– Могла, доченька, обязана была. Вцепиться в него надо было, боевито, по-бабьи... Я вот в молодости побоялась вцепиться, некрасивая была, но ты-то! А вышло так, что за могилкой того человека только я и ухаживаю... Туда же и урну подхороню – родился наш Мокий в Ивандамарьинке, пусть в ней и упокоится...

А уже в декабре того же 2009-го случился в жизни Виктора Алексеевича разговор с тетей Октей, выматывающий душу еще сильнее, чем тот, двадцатилетней давности, когда Мокий ввалился к нему поминать Сахарова.

... Он приехал в Ивандамарьинку и, не дав тетушке порадоваться его появлению, сообщил сухо и необсуждаемо, что решил принять предложение оставить завод и стать первым вице-премьером правительства области. Более того: стать не просто «правой рукой» губернатора, но и наиболее вероятным его преемником, когда тот вернется в столицу.

Октябрина Федотовна была огорошена этим сообщением так, будто племяш, фактически сыночек ее, решил сменить пол, дабы стать «племяшкой и доченькой».

Даже не так: словно бы, потрясенный уходом Мокия, он вознамерился спрятаться от нескладной и неладной жизни – но где спрятаться? Там, где она еще более выморочна?!

– Помнишь, – говорила она, надеясь хотя бы воспоминаниями его отрезвить, – как ты директором стал, а я уговорила привезти меня на завод. Мы же полдня по нему ходили, ты все боялся, что устану, а я не уставала, Витя, я такой сильной и в молодости-то не бывала. Мы ж на самую верхотуру с тобой забирались, я каждый аппарат, каждую установку, каждую трубу погладила... ты еще сказал: «Тетя Октя, ты их, как детей детдомовских гладишь, будто утешаешь: «Все, вы больше не сироты!» А я тогда их упрашивала тебя не подводить... я ж тогда впервые себя корить перестала, что Мокия не уберегла... но у него хоть деток не было, а у тебя-то на заводе их сотни – и людей, и установок!

– Признайся, – говорила она тем горячее, чем острее чувствовала бесполезность говоримого, – кто тебя заставляет завод бросить? Кого мне окоротить? Оксану твою? Ей что, мало одного шкафа со шмотками, срочно пять понадобилось?.. Или это теперь у нее называется не шкаф, а гардеробная? Так ей их сразу три подавай? Признайся, Витя!

– Я сам решение принял, – упорствовал Виктор Алексеевич. – Зачем мне ограничиваться развитием завода, если могу всю область развивать? Я что, инженером стал, чтобы исключительно химии служить? Аппаратам-установкам? Бутадиенстирольному каучуку, а заодно всем полимерам? Или все же людям?

– Насчет людей-то громких слов не надо, – ответила Октябрина Федотовна после долгого молчания, – ты во власть идешь, а власть – это не соли кальция, железа или магния, которые здоровье укрепляют; не щелочь, которая человеку опять же помогает, а концентрированная серная кислота: в малых дозах она душу изъязвляет, а в больших – всю ее без остатка выжигает. В последний раз спрашиваю: кто заставляет? Оксана?

Ах, как ему хотелось сказать в ответ: «Если б Оксана! Я б на ее стоны по поводу еще одной необходимой ей гардеробной, как и на желание нынешнего губернатора ввести в администрацию классного хозяйственника, чтобы потом ему область передать, ответил бы категорическим «Нет!» Но предложение мне сделали через правление корпорации, в которую завод входит. И так умело это было оформлено, что ясно стало: корпорация очень хочет в недалеком будущем видеть губернатором области «своего человечка» – и если «человечек» этого не захочет, то и «своим» быть перестанет. А чтобы «человечек» совсем-совсем захотел, следует сопроводить это триумфальное перемещение вручением ему пакетика акций, который приплюсует к законным доходам губернатора еще одну законную сумму. И мог ли я сказать «нет»? мог ли швырнуть псу под хвост этот пакетик, а заодно всю прошедшую жизнь? И что после этого броска мне оставалось бы делать? Куда было бежать – прочь от завода, Ивандамарьинки и тебя, тетя Октя? А как же Панночка... хотя ты ж не знаешь про Панночку. Впрочем, она и сама про себя такую не знает...».

Сказал совсем другое:

– Никто не заставляет. Все сам.

– С-а-а-м, – протянула Октябрина Федотовна, помолодев в своей тихой ярости. – С-а-а-м, значит... Д-а-а, хорош у меня итог жизни: а ведь судьба меня двумя зо-

лотыми учениками одарила. Мокий самым молодым член-корром стал, а потом власть, эта серная кислота треклятая, все вокруг него выжгла... А второй ученик захотел память о нем предать, той же власти способствовать, чтобы она еще концентрированнее стала... Что ж, ступай, способствуй, только в этот дом дорогу забудь. Нет больше у тебя этой дороги!

И он пошел, а память, привыкшая реагировать на все происходящее врезавшимися в нее когда-то строчками, тут же подсуежилась:

*Губернатор едет к тете.
Нежны кремовые брюки.
Присяжная на отлете
Вытанцовывает штуки.¹*

И он понял, – так же провидчески, как когда-то Мокий на демократическом митинге, – что какие бы штуки и на каком бы отлете ни вытанцовывали присяжные, движение птицы-тройки неизменно будет невесть откуда и неведомо куда. А он, будущий Губернатор, к тете никогда не поедет.

Какого бы цвета брюки не надел...

Спустя некоторое время, когда Виктор Алексеевич уже работал первым вице-премьером и с трудом свыкался с тем, что не осталось у него ни друга, ни тети Окти (а семьи вроде как и раньше не было), самый престижный в мире физический журнал опубликовал работу Мокия, которую тот успел сделать в последний год жизни. В ней он выдвинул и обосновал гипотезу о связи вспышек сверхновых с появлением иных Вселенных...

Заговорили о том, что Россия в очередной раз угробила гения... но что Системе до этих разговоров? – и процесс исчезновения Института завершился появлением даже не пульсара, а черной дыры.

V

*Когда я вернусь,
Засвистят в феврале соловьи –
Тот старый мотив – тот давнишний, забытый,
запетый.
И я упаду,
Пораженный своею победой,
И ткнусь головою, как в пристань, в колени
твои!*

Александр Галич «Когда я вернусь»

От автора. В конце января Виктор Алексеевич, уже не Губернатор, после короткого и достаточно сухого прощания с замами и правительством области пошел к Вокзалу-два.

Пешком пошел, хотя в машине – не в прежнем «Лексусе», конечно, но в какой-нибудь другой, типа «щи пожиже, бриллианты помельче» – ему не отказали бы: ведь «падающего толкни!» – это у них, а у нас, по скрепам нашим – «упавшему подсоби!»

Тем паче, если это обойдется недорого – всего лишь подбросить до поезда на Москву, проходящего через окраинный «Вокзал-два».

¹Саша Черный «Провинция».

Про стремительное обретение Губернатором приставки «экс» увлеченно, брызжа слюной и чернилами, говорили и писали лишь «Жопочка с носиком» и паратройка нанятых им. Элита области вяло обсуждала варианты: потому ли Губернатор уходит, что Сам им недоволен? или линяет, на всякий случай, от греха подальше, ибо Сам им донельзя доволен? Ну, а народу в его пока тихой глубине эти уходы-приходы были еще безразличнее, нежели тем, кто вынужден кружить, как известный продукт жизнедеятельности в водоворотах жизни.

Он, народ наш, фаталист, – но не в почтительно-исламском, а в залихватски-авось-небосьевском изводе, а потому понимал: любая ФАБ-250 под крылом любого бомбардировщика куда судьбоноснее любого губернатора. А уж кого судьбоноснее ФАБ-500 – страшно вымолвить!

Вызывать такси Виктор Алексеевич не умел – не было нужды учиться, попросить помочь бывших подчиненных не захотел, пришлось называть бы адреса: проходная завода, потом Вокзал-2...

Отправился, понадеявшись, что сил у него по-прежнему много, «на своих двоих», но шел непредставимо медленно, боясь упасть на скользких тротуарах. Ноги его в тонких носках и дорогих полуботинках мерзли нещадно, а пока одна рука отогревалась в кармане дубленки, другую леденила кожаная ручка старомодного, еще директорского портфеля, в котором теперь находились не бумаги, а банковская карта, смена белья, умывально-бритвенные принадлежности и запасной свитер.

... Раздражала дурная книжность ситуации: персонаж, оторвавший задницу от начальственного кресла, окунулся морозным днем в жизнь, какая она есть, семенит по льду, как китаянка на восьмом месяце беременности, и ему решительно не нравятся все то, «хозяином» чего он числился еще вчера.

Почему так скользко, а между тротуарами и проезжей частью лежат случайных форм горы несвежего снега? – ведь мэр на еженедельных планерках вещал о денно и ночью работающей снегоуборочной технике!

Ладно, допустим, у него недостает денег на реагенты, которые надежно очищают улицы от снега и наледи... но банальным песком посыпать-то можно, его-то в городе, буквально окруженном карьерами, доставать не должно!

Почему вот уже три подряд светофора не работают, создав на перекрестках заторы из машин и людей?!

Почему, наконец, с русских бомбардировщиков над русскими селами нештатно сходят ФАБы? а зачем им, собственно, сходить штатно над нерусскими?

Почему тетя Октя умерла в больнице, потеряв последнее – дом?!

К тротуару притерся не первой молодости «Рено»:

– Садитесь, Виктор Алексеич! Чай, замерзли совсем?

– Иван?! – с восклицанием «экс», с превеликой радостью усаживаясь – впервые рядом – с бывшим своим водителем. – Откуда вы и почему не на «Лексусе»? Что это за машина?

– Моя машина, Виктор Алексеевич. Я как вас на работу привез, «Лексус» в бокс поставил, а сам на месяц в отпуск ушел, возить-то некого.

– А Юрия Артемовича? – о бывшем своем зама, назначенном «исполнять обязанности» до сентябрьских выборов.

– Пусть пока на своей «Камри» катается. Вы же помните, губернаторская машина и я вместе с нею появились у вас только после первого избрания.

Виктор Алексеевич, к стыду своему, не помнил – ему вообще хотелось поскорее забыть об этих пятнадцати годах.

Когда доехали до завода, Виктор Алексеевич так до конца и не согрелся, хотя «Рено» словно бы сосредоточил все свои воспоминания о молодости в печке – и та поджаривала воздух с юношеским азартом.

... Потоптался у центральной проходной, прощаясь мысленно со всеми цехами, складами и площадками и говоря им «Прощайте!» И было ощущение, будто все, что там, за проходной, поняло: теперь бывший директор навсегда – бывший. И ведь имело право так думать: он недостаточно настойчиво просил правление холдинга позволить ему вернуться хотя бы начальником цеха; он удовлетворился первым же «Нет»... точно, впрочем, так же, как и Система, не отговаривая и не уговаривая, удовлетворила его прошение об отставке...

А когда подъехали к зданию Вокзала-два, Иван неожиданно сказал:

– Полгода вас повозил, все ждал, когда же вы мне, как прежние, тыкать начнете. Потом понял, что не начнете, и сказал жене: «Случайный он во власти человек, слишком людей уважает. А уйдет не сенатором, не послом, и без ордена...». Так и случилось?

– Так и случилось. Но на брудершафт все же когда-нибудь выпьем.

... Но когда мимо него и Ивана прокатил ведущий состав электровоз, Виктор Алексеевич неожиданно для самого себя зачистил, словно пытаясь успеть сказать что-то, его оправдывающее:

– Химики-технологи, чтобы получать классные материалы, превращают мономеры в полимеры, а полимеры – в сополимеры¹, вот и я, когда пришел в администрацию, надеялся, что...

Нет, не желал вагон «люкс» ничего слышать про его надежды: остановился строго напротив, готовый доставить, куда обещано билетом.

А проводник без шапки, в наброшенном на плечи форменном пальто, всем своим не соответствующим крепости мороза видом словно бы говорил, что он-то, в отличие от Виктора Алексеевича, замерзнуть не успеет – стоянка всего две минуты!

От автора. «Она звалась Татьяна» – та отчаянно горящая красавица, подошедшая в крематории к Октябрине Федотовне и Виктору не для того, чтобы сказать что-то приличествующее и банальное, а потому, что ей необходимо было побыть рядом с кем-то, горящим столь же отчаянно.

Она звалась Татьяна – и если б Виктор увидел ее в любом другом месте, то тут же бы выпалил как рвущееся из той своей глубины, о существовании которой раньше не подозревал:

*Нет, поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вам долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Пред вами в муках замирать,
Бледнеть и гаснуть... вот блаженство!*

Александр Пушкин «Евгений Онегин», глава 8

¹ Полимеры – вещества, чьи макромолекулы есть длинные цепочки мономерных звеньев, соединенных химическими связями; сополимеры же образуются цепочками разных мономеров или химически связанными цепочками полимеров и приобретают дополнительные свойства (например, сополимер полистирол-полибутадиен становится ударопрочным).

... Смеяться на похоронах единственного друга невозможно, но Виктор наверняка улыбнулся бы, если б Мокий смог ему тогда поведать, что, медля встать с массажного стола медсанчасти Института физики, прочитал это же пушкинское.

... Он пришел туда, уже отчаявшись, что хоть одна привлекательная женщина откликнется согласием на предложение соблазнить ее в оставшиеся две недели до того, как директор, заслуженный академик, будет изгнан окончательно, а в его кабинет вселится вдавленный госкорпорацией в еще живое тело Института какой-то кандидат технических наук.

Нет, ни одна прелестница не захотела стать его Первой и Единственной Женщиной... «И это справедливо, – думал Мокий, – это совершенно справедливо: ведь каждая понимает, что станет моей Первой и Единственной не потому, что я в нее до смерти влюблен, но лишь поскольку она согласилась на это раньше всех прочих».

Он уже смирился с тем, что «Последнее лето Клингзора»¹ у него выйдет куцым – телесного упоения не случится. Хорошо хоть создать свой вершинный «клингзоровский шедевр», работу о влиянии вспышек сверхновых на зарождение иных Вселенных, он все же успел...

Как вдруг встреченный им на дорожке парка коллега сказал:

– Мокий, ты плохо выглядишь, перестань же себя поедом есть! Институт не спасти, русскую физику вроде бы тоже, но утешься, например, тем, что в медсанчасти появилась двадцатидвухлетняя красotka, массажистка Таня. Лично я в Шанхае, куда отбываю через неделю, душою, конечно, буду тосковать по Лобному месту и зданию на Лубянке, но телом – по Таниным рукам. С наслаждением тосковал бы и по всему ее остальному, прекрасному и совершенному, но это остальное – наверняка в реальном или виртуальном поле тяготения какого-нибудь молодого Алена Делона... Сходи, получи пару сеансов такого... не могу описать, какого, но ТАКОГО! А ты, кстати, куда, в конце концов, намылился? В Принстон?»

«К е-матери!» – ответил Мокий и, в общем, не врал, ибо твердо решил в первый же день воцарения пройдохи кандидатишки утопиться в Пестовском водохранилище.

В знак протеста.

И с надеждой (силою едва ли в один микроньютон), что потрясенная этим Система опомнится и Институт не проглотит...

– Все, для первого раза достаточно, одевайтесь и посидите в коридоре, отдохните минут двадцать, – привычно сказала Таня.

Но он, словно бы в ответ, – все так же лежа на животе и уткнув в валик-подушку белокочанную голову, о гениальности которой она уже была слышана, – вдруг заговорил глухо: «Нет, поминутно видеть вас...».

Она не удивилась, почему-то решив, будто Александр Сергеевич написал эти строки специально для того, чтобы через двести лет их произнесли другой Татьяне.

А когда снеговик в трусах, поднявшись все же с массажного стола, выпалил: «Я успею соблазнить вас за те две недели, что мне здесь остались?», она не поморщилась от гусарской пошлости вопроса, а ответила спокойно:

– Попробуйте.

Выйдя из крематория, Таня наотрез отказалась быть на поминках, зато предложила обменяться номерами мобильных – и ровно через год Виктор не удержался, позвонил. Повспоминали Мокия, но в плену прошлого пробыли недолго. Зато более часа говорили о настоящем.

¹ Повесть Германа Гессе.

Она рассказала, что работает теперь в модном фитнес-клубе, попутно изучает восточные, целительные практики массажа, но спортивный, которым начала овладевать еще в бытность занятий волейболом, пока кормит лучше... («Да, много играла, стала мастером спорта, но потом травма колена – и все» – и он вспомнил со сладко защемившим сердцем, что она всего чуть ниже него... и вновь поразился тому, что перед обаянием ума «профессора Доуэля» даже эта рослая красавица устоять не смогла). Спасибо, денег хватает, помощь не нужна, даже откладывать получается, так что собирается года через два, продав свою «однушку» в Отрадном – награду за былые спортивные подвиги, купить пусть крохотную, но «двушку» где-нибудь вблизи Савеловского... нет, еще раз спасибо, но и здесь помощь не нужна, все ею задуманное, с учетом того, что досталось от Мокия, вполне реально... («Как, вы не знаете?! Он же оставил квартиру Октябрине Федотовне и мне, а она еще заставила меня взять половину от своей половины... Я же через нее приветы вам передавала, почему же, почему вы ничего не знаете?!»).

Пришлось рассказать о ссоре... и о причине ее, разумеется, тоже...

И в звучании ее голоса появились умоляющие нотки тети Окти («Зачем, зачем вы согласились, неужели нельзя было отказаться?!»)... слава Богу, что хоть в яростные не перешли... но как же болезненно почувствовал он тогда, что уход с завода стал причиной еще одной чудовищной утраты. И, будто это могло хоть как-то боль уменьшить, Таня из пушкинской Татьяны – избранницы Мокия, словно бы оставленной ему, Виктору, в наследство, – превратилась в его собственную мечту, гоголевскую панночку. И, словно пытаясь закрепить перед Высшим Нотариатом права на нее, часто повторял потом мысленно слова Левко: «Моя ясная Панночка»... И снилась она ему часто – только не вальсирующей, как в давние ивандамарьинские ночи, а взлетающей над разделившей их сеткой. Она высоко взлетала, эта красавица волейболистка, но не для удара по мячу, а чтобы разглядеть, как ему, хорошему директору завода, ставшему заурядным губернатором, играет за чуждую ей и тете Окте команду; не уносит ли его, как Мокия, течение, все более похожее на реку забвения.

От автора. После этих снов, едва войдя в кабинет, звонил ей.

Она охотно рассказывала, какие интересные сейчас у нее пациенты (уже не клиенты, ибо перешла из фитнес-клуба в частную медицинскую клинику), как оформляются сделки купли-продажи квартир, как идет ремонт в «двушке», как новое «гнездышко» обставляется (тут уж он сумел настоять, что оплатит, в качестве подарка на новоселье, всю кухонную мебель, холодильник и плиту), и оба они знали, что не встретиться им ни в этой квартире, ни в Ивандамарьинке, пока он играет за чужую ей и тете Окте команду.

А о чем ему было рассказывать?

О том, что чем громче звучали разговоры о растущей эффективности Системы, тем судорожнее она становилась?

О том, что никто не понимает, как выпутаться из закономерности: «Чем больше стараний, тем меньше толку»; никто не знает, есть ли предел вранью, суете кураторов и доносам «Жопочек с носиками»?

А еще, но как бы между делом, поведать, что, проживая в одном коттедже, они с женой почти не видятся, зато на благотворительных балах – благообразно рядом?

... Вот потому-то на все ее просьбы: «Расскажите же что-нибудь о себе» он рассказывал о прочитанных или перечитанных книгах.

А когда на его нарочито безразличное «новости в личной жизни есть?» следовало нарочито беззаботное «лучшая новость – это отсутствие новостей», радовался.

Хотя следовало бы огорчаться, что «так говорит не Заратустра», а красивая молодая женщина, которой крутить бы романы, сходиться, расходиться – и главное, рожать!

Но – нет, радовался!

Две недели назад он сообщил ей, что скоро перестанет быть Губернатором, а также числиться мужем, владельцем коттеджа, земельного участка, автомобиля и гаража на два машино-места – и итог подвел трубно:

– Свободен наконец!

Не сговариваясь, минуту молчали, вспоминая Мокия, тетю Октя, прошедшие (потерянные?) пятнадцать лет, потом он спросил:

– Я с вокзала к вам?

– А куда ж еще!

После единственного горестного свидания-знакомства и последующих пятнадцати лет телефонных разговоров следовало бы явиться к ней, – как минимум, сообразно штампам телевизионных сериалов, – с букетом роз и бутылкой дорогого вина. Как максимум – с чем-нибудь ювелирным.

Но он не хотел тратить время на атрибутику, он не хотел отвлекаться ни на что, а лишь пытался представить, как распахивается дверь – и они лицом к лицу...

Но почему нельзя было хоть раз попробовать связаться по скайпу, зуму, FaceTime?

Да вот почему-то нельзя... нельзя было заменять суррогатами то, что зовется встречей – без уточнений: оп или off line; просто встречей – глаза в глаза, с трудом друг друга узнавая. Себя-то самого, ставшего «во всем экс», ему представлять не надо было: не очень пузатый, почти не лысый, совсем седой: своею белой краской война за два года успела поделиться с ним щедро¹.

Но какова она, его Панночка, созданная автором по имени Судьба, сплетавшим сюжет то ли проще гоголевского, то ли прихотливее? Сюжет, в котором никаких ведьм, ничего inferнального – все земное, нашенское, тутошное: Система, Су-24, ФАБ-250.

Нет утопленницы, есть утопленник – гениальный «снеговик» Мокий, истаявший так рано и сожженный так надежно. Он не льет слез ни майскими, ни январскими ночами; он не бродит по селам, где не слышны песни – только взрывы.

А Таня, не удержавшая Мокия в нашем чудовищно не волшебном мире, стала Панночкой и удержала в нем его друга – не вымышленного Голову (поначалу Николай Васильевич в более заметные мишени не целился), а всамделишного Губернатора (впрочем, уже в «Мертвых душах» прицелился и попал)...

Так вечная же память тете Окте, которая в уже не реанимирующей реанимационной сумела на мгновение вырваться из готового ее принять небытия и прошептала: «Витька... к Тане, к Тане, беги скорее...!»

И вот он, так нескоро и так стремительно убежавший в спасительное «экс», у этой двери.

Которая распахнулась еще до того, как он нажал на кнопку звонка – а значит, Панночка в последние минуты не инспектировала у зеркала облик свой, а прижавшись к двери изнутри, слушала звуки остановившегося лифта и приближающихся шагов... Вот же и прическа потому слегка примялась... впрочем, никакой особой прически, волосы не рассыпались по плечам – как должно бы Панночке, – а строго завязаны в узел у затылка. И в одежде – все положенное среднему медперсоналу в очень дорогих клиниках, и приветствие – без восклицаний, почти деловое:

¹Песню «Баллада о красках» о двух братьях, рыжем и черноволосом, и их матери (стихи Роберта Рождественского, музыка Оскара Фельцмана) те, кто познал Великую Отечественную – неважно, на фронте или в тылу, – слушать без слез не могли. Ее финальная строфа: «У обоих изменился цвет волос. / Стали волосы – смертельной белизны! / Видно, много белой краски у войны».

- С приездом! В последние три часа ничего не ели?
- Конечно! Все согласно вашим утренним распоряжениям.
- Отлично! Тогда мойте руки, сполосните лицо после поезда...
- И за стол?

– На стол. Массажный. Он в большой комнате. Разденьтесь до трусов, укладывайтесь и зовите меня. Буду знакомиться с вашим позвоночником.

Покряхтывая под ее сильными руками, Виктор развивал пришедшую ему утром в голову метафору «мономер-полимер-сополимер»:

– ... то есть, новые полезные свойства можно получить лишь удлинением цепочек и усложнением связей – так природа диктует! Ничего, ничего, не обращайтесь внимания, что ойкаю... так вот, получать новые, полезные свойства материалов в технике, а людей – в обществе, это же и есть развитие, правда? И я согласился быть губернатором, надеясь, что научусь объединять самых лучших, самых работающих и толковых жителей области в классные сополимеры – ведь добился же, что завод стал выпускать не просто хороший, а лучший в мире каучук! Конечно, и деньги привлекали, и льготы, и большая пенсия, но о чем-то же все равно надо было мечтать! Однако не то что сополимеры создать не удалось, так даже полимеры стали распадаться на момеры... Конечно, не только в области, но и в стране, и в мире даже – но что толку, делая что-то плохо, ссылаться на худшее? За это тетя Октя нас с Мокием чуть ли в угол не ставила... Идеалист я, понимаю, и Мокий был таким же – но если тетя Октя, которую мы обожали... родителей любили, а ее обожали... так вот, если тетя Октя была идеалисткой, то такими же, естественно, стали мы! А вы, Панночка, разве совсем другая?.. Нет, сейчас не от боли ойкнул, а от неожиданности. Честное слово, в этом месте ничуть не больно, просто сам не ожидал, что проговорюсь и вас так назову...

Ему, уткнувшемуся лбом в валик, трудно было понять, отчего она надолго замолчала: осмысливает услышанное? Пытается понять, что творится в том отделе позвоночника, в районе которого ее руки трудятся уже минуты три? Но ведь МРТ, как она велела, он успел сделать и флешку ей передали – вот они, снимки, на светящейся панели...

– Ох, как же мне этот ваш диск не нравится! – сообщила она. – Слишком уж благодатное место для будущей грыжи... И вообще, не радует меня такая спина, не радует. У первого лица богатой области могла бы быть получше. Вам массаж когда-нибудь делали? В бассейне вас гоняли?

– Конечно, массаж делали, но кто ж губернатору – в поликлинике, которую он же и финансирует – боль причинит?.. Так, больше гладили... И в бассейн не гоняли, а всеподданнейше просили посетить, и я иногда всемилостивейше посещал.

– Понятно... Панночка – это из раннего Гоголя? Но я его «Вечера...» не очень люблю, хотя оперы по ним, особенно Римского-Корсакова, хороши¹. Я ведь на четверть украинка, на четверть – украинская еврейка, вы не знали? Обе ветви Черниговские, но еврейская была уничтожена, выжил только мой дедушка, он еще до войны был лейтенантом инженерных войск, а в сорок пятом – полковником...

– Так каково же вам сейчас?

– Не спрашивайте: разревусь. Безумно мне тяжело сейчас, веду себя, как страуса, стараюсь ничего не слышать и не читать.

– Но что-нибудь у Гоголя нравится?

– От «Старосветских помещиков» – без ума!

– Вот уж странно!

– И Мокий так сказал, но я объяснила – и он призадумался. Я вам позже скажу, во время моего массажа призадумываться редко у кого получается...

¹ «Майская ночь», «Ночь перед Рождеством» – Н.А. Римский-Корсаков; «Черевички» – П.И. Чайковский; «Сорочинская ярмарка» – М.П. Мусоргский.

– Пожалуйста, пожалуйста, скажите прямо сейчас, получится!

– Ладно, все равно к шейно-грудному отделу перехожу – вам под объяснения дремать будет слаще... Понимаете, почти все герои Гоголя нелепы и никчемушны, а значит – несчастны. Один только Акакий Акакиевич счастлив был, своим чистописанием занимаясь, а в тот единственный день, когда новую шинель успел поносить, вообще блаженствовал. Зато старосветские помещики счастливы, даже если слова этого не употребляют. Друг другом счастливы, изобилием своим... они ведь понимают, что их обворовывают, но не противятся этому, скорее наоборот – рады тому, что челядь рада, воруя. Они – Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна – понимают, что на их век всего хватит, а наследников им Бог, по высшей мудрости своей, не дал, тогда зачем богатство, если есть достаток? Кладовые полны, кухня работает, как заведенная, перины мягки, воздух в саду волшебен – о, как же полна их жизнь покоем и заботой друг о друге! И едой! А она для них не питание-пропитание, она благословение Божье, она дается им и днесь, и завтра, и всегда!

Дремать, слушая такое?! Какими идиотами были они с Мокием, что прошли мимо этой повести Гоголя – не интересны им были обожающие друг друга старичок и старушка, умиравшие безропотно, лишь только что-то звало их ТУДА...

– Ох, шея, шея, никто о тебе по-настоящему не заботился. Голова болит часто?

– Часто, ясная моя Панночка, часто. Но вы же теперь займетесь? И шейей, и головой?

– Виктор, я расскажу, почему на похороны Октябрины Федотовны не приехала.

– Не хотели видеть толпу якобы соблезнующих моих подчиненных? – но ее хоронили только ивандамарьинцы, все было очень искренне, а чиновникам я просто запретил быть. Первый раз в жизни повел себя, как самодур, запретил – и не раскаиваюсь.

– Я не приехала потому, что, погостив у нее немного накануне...

– Вы были в Ивандамарьинке и ничего мне не сказали?!

– Она так просила меня приехать, что я взяла неделю скопившихся отгулов, прыгнула в машину – и примчалась. Вы позвонили, когда я была у нее. Говорили мы с вами, как обычно, долго, я включила громкую связь... Господи, как же она слушала ваш голос, ваши жалобы на пустую, бессмысленную суету! А потом вдруг стала уговаривать меня уехать поскорее. Я хотела переночевать, чтобы ехать засветло – но она так настаивала, чуть ли не гнала прочь... словно предчувствовала, что не будет у нас с нею спокойной ночи, словно видела, как крепят уже под крылом бомбардировщика эту проклятую бомбу. А когда я собралась впопыхах, села за руль, она в мое стекло постучала и сказала будто бы уже ОТТУДА: «Танечка, спаси его, дурака, вцепись и не отпускай, чтобы как с Мокием не вышло»... Но понимаете, вцепиться в женатого губернатора я никогда не смогла бы... Зато теперь все хорошо, теперь после ваших безумных решений и поступков одиноко не будет ни вам, ни мне, ни шее вашей. Куда вы?! Я же еще...

В одну реку **можно** войти дважды, особенно, если во второй разходишь через пятнадцать лет – ведь сколько круговоротов успела пройти та, давняя, вода! И понятие «дежавю» не годится, ибо *deja*, уже, намекает на охающее *опять*, а не вопит радостно о будоражащем душу *снова*. Но Таня проживала и переживала все не *снова*, а *заново*: мужчина в трусах, внезапно вскочивший с ее массажного стола и убеждающий, как им будет хорошо... но долгие годы будет хорошо, а не две недели – и как же это было ей *нове*!

Он говорил, что они с нею, два мономера, непременно образуют не полимер даже, а вопреки законам химической физики или физической химии – сразу сополимер, сложный и прочный! Что надо работать и верить: перемены придут – и в страну, и в мир, а значит, прекратится распад во имя упрощений, значит, скукожится бог ложных целей, фальшивых ценностей и войн за них; значит, превыше всех священных книг вознесется мудрость Елены Рерих: «Добро – это все то, что объединяет, а Зло – все то, что разъединяет!» – и наступит, наконец, торжество сложных и долговечных сополимеров не только в технике, но и в человечестве.

А она думала о том, как же мучительно ему было – с такими-то мечтами! – казаться «системным человеком»... что на сегодня массаж побоку – нельзя прерывать выговаривающегося человека... вот только не остыл бы он и не простудился. И чуть ли не на цыпочках пошла к креслу, где лежал купленный вчера для него теплый халат...

А он, как привязанный, шел за нею, не переставая, впрочем, говорить. О том, что сейчас делают сравнительно недорогие одноэтажные деревянные дома – вместе с верандой, кухней и ванной сто квадратных метров, а зачем ему больше, да и вдвоем, когда она будет к нему приезжать, им тесно не станет. Конечно, построит он его на участке тети Окты, от компенсаций откажется – не хочет подачек от Системы! И от всех надбавок к пенсии по той же причине откажется, но от пакета акций холдинга – нет, и причина тому проста: на госслужбе он служил, а не работал, а холдингу создал лучший в мире завод синтетического каучука. Что станет в ивандамарьинской школе преподавать, а она фактически заново выстроена, и кабинет химии в ней – уникальный, нет больше такого ни в стране, ни в мире... не совсем же зря он столько лет губернатором пробыл!.. Кстати, есть и двадцатипятиметровый бассейн, и отличный физкультурный зал, и великолепная – в честь не отпускавших его снов о ней, о Панночки, – волейбольная площадка.

А она, укутав его в халат, поздравила себя с угаданным размером. И еще подумала, что мужики все же глупы. Даже гениальный Мокий был глуп, все бросил ради протеста, даже физику; а уж про всяких других, кто пытался ее то ли завоевать, то ли приручить, – и говорить нечего. Ну, а Виктор разве не глуп? – толкует о сополимерах, и тут же про то, как она станет к нему приезжать. Дудки! Вцепится она в него, как тетя Октя учила! И ни на шаг не отпустит! И жить с ним будет на тех же ста метрах, и преподавать в той же школе – хорошо, что диплом инфизкульты догадалась получить! И тренировать волейбольные команды будет – юношескую и девчачью! А массаж делать и брать за сеансы свежайшими продуктами – это плюсом!

А он, – впервые за день – блаженно согретый халатом и ею, к нему прижавшейся, все говорил и говорил со всей тою же страстью... но, может, все же не совсем с тою же, ибо чувствовал с некоторым недоумением, что в нем, – как-то очень боевито, – пробуждается мужское.

А она, почти не слушая о будущем Ивандамарьинки, страны и мира, решила никогда больше не предохраняться – а вдруг повезет! И подумала, что двадцать три года разницы в возрасте на самом-то деле ерунда, что она будет бороться за каждый день его жизни, а когда случится то, что когда-то должно случиться, вернется с ивандамарьинского кладбища в их дом и, если все же не повезет, то спросит у Бога и у портрета тети Окты, должна ли она, переставшая быть Панночкой, быть дальше, терпеливо ожидая конца...

АДИЛЯ ЭФЕНДИ

**Однажды в Клайпедском кафе
Ты вспомнил обо мне весною,
Как отблеск солнечный в строфе
Кемера дальнего. Не скрою**

**Был безграничен твой звонок,
Блеск глаз твоих звучал в эфире.
Биенье чувств, как ритмы строк,
Не помещающихся в мире.**

**Я ясно видела лицо
Твоё, что звуки передали.
Забыв наследье праотцов
О тёмной стороне медали,**

**Я просто счастлива была.
И солнце на щеках играло.
Кемера светлого чела,
Нам подарившего начало,**

**Рефлекс как будто отражал
Другой весны перерожденье,
И звал началом всех начал
Двух голосов переплетенья.**

**Но смерть пришла к тебе с зимой
Сакральной чашею испитой.
Так, слева был простор морской,
А справа склон скалы гранитной,**

**Когда дороги серпантин
Нас вёл на райские вершины.
И как же долго ты один
Спешил сквозь снежные равнины,**

**Как руки мёрзли на руле,
Как спал к окошку прикорнувший,
И фарами в кромешной мгле
Искал меня. Но лес уснувший**

**Молчал, и думал: «Стрекоза
По муравью тоскует где-то»...
Лесные Боги были за,
И плакала в полях гроза,
И чтоб взглянуть в твои глаза
Теперь смотрюсь я прямо в небо.**

Баку 31. 01.2022

Недалеко от Кемера

**В том мандариновом саду,
Грядую горной окружённом,
Ошибкой правил всех табу,
Нежданным раем для влюблённых,**

**Где над зелёной вышиной
Усопшей кельей дремлют камни,
Где за сиреновой горой
В века приоткрывают ставни**

**Аркадою зависший неф,
Далёких римских терм громады,
Где всё застыло, не посмев
Упасть, где отзвуки тирады**

**Простое ухо ловит вслух,
Где относительное «Есть ли?»
Родит цивилизаций дух,
Которые давно исчезли,**

**Где – о, святая простота! –
Домишки из одних дощечек,
Где скал застывшие уста
Ласкают устья горных речек,**

**А в тех домишках – окна в сад,
Подушки, словно щёки солнца,
И сладкой неги перепад
Томит от кадмия до стронца,**

**Где белый мрамор проступил
Мощёных улиц древним слоём,
Где сам себя опередил
Тот, кто считается героем**

**Мифическим, где ночи тишь
Разбудит эхом клич химеры,
Где трепет ранний объяснишь
Преддуновеньем стратосферы,**

**Где родником журчит елей,
Запрудой зелено играя,
Где оттоманских крепостей
Вода короны отражает,**

**Где всё стремится и течёт
В бескрайнее пространство Моря,
Где Солнце в блесках восстаёт
Вне времени и вне повтора.**

И слово ловит на лету
Акцент малинового платья,
В том мандариновом саду
Мечтавшая в твоих объятьях

Проснуться.

Баку 07. 08. 2024

Кемер

Тридцатое июня. Ночь над пляжем,
И мостики, что превратились в тень,
И белым платьем в темноте, в кремень
Зажатым болью внутренней куражем.

Не плакала. Смотрела на маяк.
За тенью рук в движеньи наблюдала.
И музыку порывами вдыхала,
Несомую, как неизбежный знак.

Затем вошла в открытое кафе,
Где он играл на сцене в красной блузе.
И боль ей показалась данью Музе
И жертвою рифмованной строфе.

В его руках рыдал аккордеон.
«Инсенсатез» сменялся быстрой румбой.
И дети танцевали между клумбой
И сценой, и в бассейне плыл неон

Искрящийся. Ей что-то говорил
С косичкой парень за столом. Константа.
Она смотрела лишь на музыканта,
А тот играл о том, что полюбил.

И люди веселились, и вокруг
Светился взгляд прожекторов в бокалах.
И то, что так блаженно обнимало,
Казалось ускользающим из рук.

Казалось – не восполнить никогда.
Казалось, это было смыслом жизни.
Не всхлипнет голос, и слеза не брызнет,
Когда суть сути вынужден отдать.

Так вот в чём хрупкость крыльев, стрекоза!
Горами над душой склонились Боги,
Когда зенит зияющий дороги
Ночной разлукой нам смотрел в глаза.

Баку 25. 08. 2024

Я хотела б жить с тобой в Кемере,
В том изгибе радужных лагун.
В простоте, подобно птичьей паре,
В отраженьи сна балтийских дюн.

Я хотела б жить с тобой в согласьи,
В пониманьи, в просто тишине,
В голубом цветастом летнем платьи,
В голубом распахнутом окне.

В блеске дня под ласковой жарою,
В многолюдьи у морской гряды.
Пальмы пальцы веером раскроют,
Трепеща над зеркалом воды.

Улицы помчатся побережьем,
Серпантинном в горы заведут,
И на повороте:

– Вот он прежний,
Наш давно начертанный маршрут.

Мы вернёмся в праздничное лоно.
Вечер проведёт прохлады нить.
И за фиолетовые склоны
Солнце будет молча заходить.

Эта сладость в привкусе солёном –
Моря ровно дышащая грудь.
В голосе твоём аккордеонном
Я могу растаять иль уснуть.

Мир прозрачен, бесконечен, ясен.
Зоркое прозреньё за окном.
Если знал бы, как же ты прекрасен
Под луны сакральным сна крылом.

Баку 23. 01. 2023

А помнишь, мы как-то застряли в снегу
В той серой машине, средь леса, средь ночи.
Как эта планета в Сансары кругу,
Как общий сценарий, что снег напрозорчил.

Растерянно фары смотрели в сугроб,
В зависшие наши с тобой отношенья.
И сжатые чувства пружинили, чтоб
К рассвету хоть как-то продолжить движенье.

**Нас вытащил мимо проехавший. Так
Застрявшие чувства лишь смерть разрулила.
И всё, что ты спрятать хотел за «пустяк»,
Сразило тебя с нарастающей силой.**

Баку 16. 02. 2022

**Записаны слова,
Цепляя факт в повторе.
Я чёрная вдова
От моря и до моря.**

**Как звёзды свет окон
Меж горного укрытья.
Анталия, Афьон,
Как вас могу забыть я?!**

**Ночной дороги бег,
Луна глядит в страницу.
Мой бедный человек
С кладбищенской станицы.**

**И вновь встаёт гора
Как прошлого порука.
Словесная игра
Не замкнутого круга.**

**Кинжалы тополей
И пики минаретов.
Воспой сие, воспей
Из вод ушедших Леты.**

**И снова россыпь искр
За тенью кипарисов.
А сверху лунный диск
Читает. Стих написан.**

**И стих вернёт туда,
Где на ночной дороге
Нас ждали города
И охраняли Боги.**

**Афьон – Адалья
09. 09. 2023**

АЛЕКСАНДР ХАКИМОВ СЫН СВОЕГО ОТЦА

Это мой отец, Шамиль Салахатдинович Хакимов.

Бакинский татарин, родившийся незадолго до Великой Отечественной, перенесший все тяготы голодного военного детства и хорошо знавший, что такое **«ЖМЫХ»** (семена подсолнуха или льна, из которых выжали все масло; дети, да и взрослые, грызли их с голодухи). Подрастком отец носил кепарь, азартно гонял в футбол и всегда имел при себе нож.

Кем он только не побыл в короткой жизни своей! И моряком, и рыбаком, и шахтером, и водителем, и строителем, и докером, и лесорубом. В поисках лучшей доли он оставил отчий дом и изъездил весь Советский Союз – от Украины и Прибалтики до Камчатки и Курил... Он очень хотел быть независимым. Он зарабатывал большие деньги в море, на шахте, в тайге, но, вернувшись в Баку – широкая, хлебосольная натура! – тратил все на других, накрыва

вая фантастические **«поляны»** и помогая тем, у кого беда. Большею частью это были его друзья детства, – **«дворовые»** товарищи. А потом он вновь уезжал куда-нибудь к черту на кулички, на сезон или на **«путину»**, чтобы тяжким трудом заработать большие деньги и потом, вернувшись в Баку, вновь спустить их за пару недель. О таких, как мой отец, перелетных работягах, часто пел Высоцкий.

Отец мог быть веселым и добрым, а мог быть и суровым и жестким. Характер имел вспыльчивый.

Мы очень мало были вместе. Я рос и воспитывался в Баку, у бабушки, дядей и тети, то есть у матери моего отца и его братьев и сестры.

С моей мамой... С мамой у него не ладилось. Они чаще жили врозь, чем вместе, пока не развелись. Впрочем, это отдельная история.

Жизнь моего отца трагически оборвалась в 1978 году, на далеком острове Сахалин, где он и похоронен. Он ушел, как Джек Лондон, сорокалетним. Упокой, Аллах, его душу!

Отец не оставил мне в наследство ничего – ничего, кроме неистощимого оптимизма, чувства юмора и умения ярко и образно высказывать свои мысли на бумаге; нет, он не сочинял рассказов, но зато какие писал письма! Хотя сам он читал мало и неохотно, презирая книжную мудрость и предпочитая ей мудрость житейскую.

И еще я, как и отец, никогда не ношу шарфа и галстука, никогда не застегиваю куртку, летом пью ледяную воду прямо из морозилки, люблю животных и тянусь к дальним странствиям.

СЫН СВОЕГО ОТЦА (монолог в семи частях)

I. Родитель мой в недолгой жизни своей повидал многое, пережил многое; но был один эпизод, о котором он предпочитал вспоминать как можно реже. Однако

все-таки вспоминал.

Более полувека назад он нанялся на «зверобойку» – сезонный промысел тюленей в Белом море. Работа заключалась в следующем: в компании с полусотней мужиков, вооруженных дубинами, отец должен был ходить по льду и убивать тюленей-«бельков», которым была всего неделя от роду. Затем тушки запихивали в сетчатые мешки, и за ними прилетал вертолет. Теперь это были уже не морские зверята с горячей кровью, а сырье для отечественной меховой промышленности – весьма доходной статьи государственного дохода...

Несложная работа, как видите. Правда, она требовала определенного навыка. У мужиков навык имелся. У моего отца – нет, он впервые вышел на подобный промысел, соблазненный приличными деньгами.

Он проработал всего один день. Потом ушел из артели, отказавшись от денег и разругавшись с начальством. И дело тут было не в отсутствии навыка, а кое в чем другом.

После возвращения с неудавшегося промысла отец запил – тяжело, страшно. Тогда я не был тому свидетелем, знал с маминых слов, зато видел это потом, когда отец нет-нет да и вспоминал «зверобойку» и вновь начинал пить. В такие дни он становился злым и раздражительным. Он ругался самыми черными словами, не щадя ни моих мальчишеских ушей, ни ушей моей мамы.

Отец глушил водку, но никак не мог изгнать из памяти забрызганных кровью артельных мужиков, которые деловито разбивали бошки тюленятам (это для того, чтобы не повредить драгоценные шкуры), не мог изгнать из памяти хруста черепов, которые он пытался неумело размозжить сам, тонкого плача звериных малышей и взгляда их больших глаз. Все это я улавливал из его бессвязных восклицаний и путаных монологов. Как-то раз он сказал, что чувствовал себя тогда эсэсовцем. А в другой раз признался, что не все тюленята в сетках были мертвыми, и тогда их дорезали финкой...

Мой отец отнюдь не был слюнтяем или излишне сентиментальным человеком. Он рос в голодные военные и послевоенные годы, в семье без кормильца, юность его прошла в не самом благополучном районе Баку (что придало его характеру дополнительную суровость), рано пошел работать. Он умел жестоко драться и терпеть невероятные лишения, стойко переносил зной, морозы, качку. Любая работа «горела» в его руках.

Но разбивать головы белькам он все же не смог. Не сдюжил.

Зол ли он был на людей, которые со спокойной душой нанимались на этот жестокий промысел, зол ли он был на себя за то, что раз в жизни дрогнул духом и распливился – этого я так и не сумел понять, до самой его смерти.

Что ж, бывают у отцов такие вещи, которые даже сын не всегда поймет.

II. Я во многом сын своего отца. В меру сентиментален, доброта и жесткость у меня в нужной пропорции. Тоже помотался по великой стране, перепробовал несколько профессий, от мусорщика и санитара до змеелова и матроса. **Той** войны не застал, зато застал **эту**, да и вообще довелось хлебнуть горячего до слез. Видел много смертей, естественных и насильственных, наблюдал множество агоний. Правда, так и не растерял сочувствия к животным, особенно к бездомным или брошенным хозяевами.

Но, должен признаться, крушить черепа тюленьим детям не сумел бы.

В «святые девьяностые», мать их за ногу, чем только я не занимался, чтобы прокормиться... но убивать бельков из-за их шкур не смог бы определенно. Тем более так, дубьем по головке. Хотя знаю очень многих, которым такая работа была бы и по плечу, и даже по сердцу...

Но я – пас. И дело тут отнюдь не в слабых характерности.

Дело в том, что я, как человек, люблю Жизнь, а как биолог и философ – безмерно уважаю Жизнь, понимая ее ценность и уникальность во Вселенной. Мы можем сколько угодно убеждать себя в наличии Жизни на Марсе, на спутниках Сатурна, у других звезд... но, строго говоря, пока что это твердо не доказано. Уже только поэтому мы, люди, должны бережно относиться ко всему живому на нашей планете, чего мы, конечно же, не делаем.

И мне претит убийство не только зверей с горячей кровью, ради их шкур, – но и убийство, например, крокодилов и питонов, ради их кожи, которая идет на изготовление обуви, сумочек, бумажников и прочего.

Анекдот: маленький крокодильчик спрашивает у мамы: **«А где наш папа?»** **«Наш папа в посольстве, работает «дипломатом»**, – отвечает крокодилиха. Подразумевается, что из папиной кожи сделали атташе-кейс...

III. На своем веку мне довелось повидать множество разнообразных орудий охоты и промысла, созданных человеком. Но больше всего меня впечатлила гарпунная пушка, которую я видел в одном музее; к гарпуну была приделана граната, которая должна была сработать в теле кита и разворотить его плоть, и, по возможности, убить зверя сразу. Убить ради его жира, мяса, уса; а кашалота еще и ради амбры и спермацета.

IV. Охота? К охоте у меня отношение сложное. Разумеется, когда отстреливают олков с вертолета или валят сайгаков с джипа – это не охота. Когда охотник и зверь находятся примерно на равных (хотя полное равенство в наше время невозможно, уж больно человек оснащен технически), – еще туда-сюда. Надо же человеку потешить свои охотничьи инстинкты, доставшиеся от предков.

V. Я не до такой степени глуп, чтобы осуждать промысловиков и промысел рыбы, птицы, зверя.

Без этого никак. Суда набивают тралы рыбой, на птицефермах сноровисто умерщвляют кур, на бойнях столь же сноровисто забивают свиней, телят, коров... Ну, и все такое прочее. Без этого, повторяю, никак. Человечество расплодилось по планете, миллиарды людей громоздятся на миллиарды, беспрестанно размножаясь, и все они хотят есть. Порой мороз по коже продирает, когда представишь себе Землю в виде такого колоссального гнезда, до отказа набитого людьми, которые жадно разевают рты, подобно миллиардам голодных птенцов.

Чего только не пихают в эти рты, включая мясо убитых животных. А теперь, говорят, научились печатать мясо на 3D-принтерах, да и некий шведский профессор прозрачно намекнул, что бесхозяйственно-де хоронить покойников просто так, не перерабатывая их в пищу...

Все это я отлично понимаю. Между прочим, сам я – отнюдь не вегетарианец.

Осуждать тех, кто, например, промышляет пушного зверя в тайге или выращивает в специальных хозяйствах песцов, черно-бурых лис и им подобных полезных тварей, – тоже бессмысленно: там, где есть спрос, есть и предложение. У многих северных или сибирских народностей добыча пушнины испокон веку была немаловажной составляющей частью жизни. Это все понять можно.

VI. Но вот чего я не могу понять...

Хорошо, без еды не прожить было никогда, что в далекие пещерные времена, что сейчас.

Но мех! Шкуры!

Химия подарила нам массу разновидностей искусственных материалов, из которых можно сшить всевозможную одежду и обувь. Носи на здоровье. Но нет же –

обязательно надо разбивать тюленятам головы, сдирать шкуру с других зверей... для чего? Вы что – так мерзнете, леди и джентльмены? У нас на дворе что – ледниковый период? Или средневековье, не ведающее синтетики? Так ли уж сегодня необходимы горностаевые мантии или сибирские соболя? Шуба из шиншиллы, для изготовления которой убьют полтораста забавных маленьких зверьков?

Да нет же. Все дело в престиже. А проще говоря – в **понтах**.

Но стоят ли понты того?

Дикие звери, убивая людей, хотя бы наедаются сами или кормят своих детенышей. А вы, надевши содранную с живого, может быть, зверя шкуру, – насытились?..

VII. Сам я не ношу одежд из натурального меха или кожи. Почему – наверное, вы поняли из того, что я выше наговорил. А если не поняли – значит, я плохо объяснил. Я отличаюсь редким здравомыслием и прагматизмом: конечно, живи я в ледниковый период – и не подумал бы морозить свой голый зад, быстренько содрал бы с убитого мамонта или там пещерного медведя шкуру и завернулся в нее. Но теперь, когда я могу вполне обойтись без смерти животного, на свою беду имеющего ценный мех или шкуру, – на кой мне его смерть? Да пусть живет!

Я дружу со многими замечательными дамами. И мне хочется обратиться и к ним, и к тем, кого я не знаю: если мое слово хоть что-то для вас значит, откажитесь от одежды, сшитой из множества смертей, порой мучительных смертей разных существ, которым выпало дополнительное несчастье обитать с нами на одной планете! В конце концов, им их шкура ближе к телу, нежели нам!

Но что-то мне подсказывает, что мой призыв останется без должного отклика. Не найдет понимания.

Очень жаль. Выходит, что сейчас я трачу слова впустую, защищая животных перед вами, люди.

Но вот что меня тревожит, вот что меня тяготит.

Когда придет такое время, что животные станут разумными и возобладают над человеком, и примутся сдирать с людей, в том числе и с детей, кожу, чтобы сшить себе модную одежду или изготовить всякие аксессуары, а меня Высшие Силы назначат адвокатом человечества – боюсь, мне нечего будет сказать разумным животным в защиту людей.

Впрочем, это когда-то где-то уже было – поделки из человеческой кожи...

Поразительно, что это проделывали над людьми другие люди – правда, тех, с кого сдирали кожу на бумажники или абажуры, уговорились не считать людьми (их обозвали **«недочеловеками»**, понимай – животными)... а те, кто сдирал, – мнили себя людьми, причем высшей расы, хотя на поверку оказались намного хуже зверей...

Попробуйте подумать над тем, что я сказал.

ДВАДЦАТЬ ТРИ ТЫСЯЧИ ВИТКОВ

Светлой памяти Нигяр

Нигяр была мне неродная дочь, приемная, но это ровным счетом ничего не значило. Мы дружили так крепко, как это только возможно между взрослым и ребенком, мужчиной и девочкой, которые по крови друг другу хоть и не родные, но духовно максимально близки.

Когда Нигяр исполнилось двенадцать, я, имеющий уже приличный опыт в литературе и журналистике, стал понемногу заниматься с ней в этом направлении. Так,

например, я ставил перед ней на стол морскую раковину и предлагал девочке написать короткий, в абзац-другой, рассказ, вернее, впечатление об этой раковине. Причем на трех языках: на азербайджанском, русском и английском. Впрочем, это могла быть и не раковина, это могла быть причудливая коряга, живая бабочка или вообще старая калоша. Главное – впечатление, **impression**, как я это называл, и непременно на трех языках. С некоторыми из таких заданий Нигяр справлялась просто блестяще.

Она недурно играла на шестиструнной гитаре и пела, к чему я тоже некоторым образом приложил руку, и мы даже как-то выступали дуэтом, исполняли для ветеранов Великой Отечественной песню «Журавли». Сочетание взрослого мужского и детского девичьего голосов оказало на слушателей неизгладимое впечатление...

Еще я учил Нигяр работать с диктофоном. Мы брали друг у друга интервью на разные темы, чаще всего дурачились; но однажды я спросил, как бы она поступила, свались на нее сказочное богатство, скажем, миллиард долларов. Нигяр ответила, что разделила бы деньги на три части и учредила три приюта: для одиноких стариков, для детей-сирот и для бездомных животных. «А для себя? – спросил я. – Что бы ты сделала на эти деньги для себя?». Оказалось, что о себе девочка даже не подумала...

Еще она любила тархтеть на моей портативной пишущей машинке «Любава». Нигяр говорила, что это круче, чем набивать текст на компьютере; ей нравилось ощущать работу пальцев, передающих усилие на клавиши, с клавиш на рычаги, а с рычагов – на бумагу. Тоже дурачились, в основном, но как-то раз она отстучала на машинке своеобразное письмо мне, в котором было очень много хороших, теплых слов, попросила, чтобы я берег себя ради нее, и добавила, что это письмо – мне на память.

Самое интересное, что эти наши интеллектуальные занятия перемежались с физическим трудом. Жили мы все тогда ужасающе бедно, и приходилось подрабатывать всеми доступными способами. В частности, разгрузкой ящиков в мини-маркетах. Хозяева, понимающие люди, давали Нигяр таскать что-нибудь легкое; как она гордилась заработанными деньгами! Помощница!

...Нигяр умерла, чуть-чуть не дотянув до своего пятнадцатилетия. Рак лимфатических желез, вовремя не распознанный. Думали, проблемы с легкими, лечились у пульмонологов, а оказалось... Сгорела она быстро, и Аллах избавил ее от чрезмерных мучений.

...Я укладывал ее в гроб собственными руками. На ней были любимые ею черные брючки и белая водолазка. Какие были туфельки – не помню.

Это было ужасно. Только устойчивая нервная система, закаленная множеством бед и смертей, позволила мне тогда не спать. Больше всего меня мучило дикое несоответствие. Так не должно быть. Смерть старика воспринимается хоть и с болью, но она ожидаема и потому естественна. Смерть взрослого человека воспринимается с болью, но и она психологически как-то приемлема: мало ли что в этом мире случается со взрослыми! Смерть же ребенка или подростка не лезет ни в какие ворота. Это – самое неестественное, что только можно себе вообразить. И еще угнетает осознание нереализованных возможностей. Все время думаешь, сколько всего могла бы сделать девочка, если бы не смерть.

...То письмо я храню в прозрачном чехле. Иногда перечитываю. Теперь оно воспринимается как своеобразное прощание. И завещание.

Кроме того, в нем Нигяр признавалась мне в любви. И просила, чтобы я берег себя ради нее.

Сейчас Нигяр было бы уже сорок лет. Представляю ее взрослой тетенькой с мужем и детьми-балбесами. Но – не судьба. Так что буду вспоминать ее малышкой, которую катал на шее, и крепенькой подвижной девчушкой с двумя победно торчащими косичками (я называл ее – «**Гусенок**», а она меня – «**Черный Плащ**», тогда

этот диснеевский мультик был весьма популярен), и удлинившимся подростком, постоянно сутулившимся (она стеснялась появившихся грудишек и наивно рассчитывала их так замаскировать, а я полушутя-полусерьезно говорил, что это надо на прятать, а наоборот, носить выпятив, как ордена...).

Я пришел к выводу, что родная кровь – не всегда основополагающий фактор. Порой «чужие» бывают друг другу родней, чем «свои».

Желаю всем счастья для ваших детей, как родных, так и неродных, как маленьких, так и больших, и чтобы их обошли две самые страшные беды – болезнь и ранняя смерть. Пусть дети растут в радости и живут интересной жизнью.

Покойся с миром, Нигяр. Я знаю, ты не обидишься на такое простое словосочетание; от писателя можно было ожидать чего-нибудь поцветистей, но мне не надо поцветистей. И тебе это не надо. Покойся с миром, и все тут.

К сожалению, у меня не сохранилось ни одной фотографии Нигяр; из-за какого-то странного суеверия она никогда не давала себя снимать. Внешне она очень походила на грузинскую актрису Юю Нинидзе в ее детские годы.

Нигяр вот-вот должно было исполниться двенадцать.

Она была сильна в математике, но и к биологии проявляла живой интерес – точнее говоря, к зоологии. И дело тут не только и не столько в моем влиянии – от природы в ней это было заложено. На ипподроме Нигяр ловко ездил верхом и с любовью ухаживала за лошадьми; в зоопарке, где я подрабатывал и брал ее иногда с собой, сноровисто чистила вольеры, бассейн для водоплавающих птиц и кормила их, а также всю копытную и рогатую живность (я уверен, что она поладила бы и с хищниками, но к ним мы девочку благоразумно не подпускали); обожала кошек и собак и умела при случае подлечить их... Кроме того, в доме нашими общими стараниями постоянно присутствовала какая-нибудь фауна, и не только банальные песики-котики. В стеклянной банке с водой плавали рыбки гуппи и меченосцы, и мы с Нигяр наблюдали за процессом живорождения; в небольшом аквариуме жили головастики, и мы отслеживали, как они постепенно превращаются в лягушат, теряя хвостики и отращивая лапки; в клетках скакали по жердочкам и заливались щеглы и верещали попугайчики; я заставлял улитку ползти по стеклу, и мы наблюдали за мерной волнообразной игрой мышц ее плоской «ноги»; перебивали у нас дома ящерка стенной геккон с отломанным хвостиком, небольшой, но пахучий уж, обжора богомол, засранец ежик и скворец со сломанным крылом...

Несмотря на все это, Нигяр склонялась все-таки к математике; она на удивление легко щелкала всякие задачки и решала уравнения из учебника алгебры для старших классов. И очень редко прибегала к помощи калькулятора – все больше на бумаге, «**в столбик**»..

Я пытался приучить девочку вести дневник, заносить в него всякие наблюдения за Природой, свои планы и просто мысли; я сам еще в школе вел такой дневник, в котором отмечал все, включая погоду; но Нигяр к этой идее отнеслась довольно прохладно, дневник завела, но очень скоро забросила.

Да, так вот: в июле скончался хомячок по имени Бусик. Мы похоронили его в ближайшем сквере, закопав под кустом. Два дня Нигяр точила слезу по Бусику, и мне захотелось отвлечь девочку чем-нибудь таким, чего она раньше не видела. В ту пору одна из лабораторий нашего института занималась шелковичными червями, и я выпросил и принес домой молочного-белую гусеницу длиной с палец, уже четырежды перелинявшую и готовящуюся стать матерью (*зачеркнуто*) **куколкой**. Весь образ ее жизни сводился к одному: жрать! Не зная ни сна, ни отдыха, гусеница грызла листья тутового дерева, и мы с Нигяр замучились обрывать листья со всех близлежащих деревьев, чтобы накормить это ненасытное создание. Мне даже стало казаться, будто тутовые деревья при нашем приближении принимались мелко дрожать от страха...

Но пришел, наконец, такой день, когда гусеница перестала жрать, поползала немного, истекая густой жидкостью, замерла и вроде как призадумалась.

– Так, начинается, – пробормотал я.

– Что – начинается? – не поняла Нигяр.

– Увидишь, – уклонился я от ответа.

Тем временем гусеница вскарабкалась на пучок прутиков и принялась сооружать своеобразную «рамочку» из выпускаемой паутины. Вернее, это не паутина вовсе. Паук добывает паутину прямо из себя; из специальных желез на конце брюшка он задними ногами вытягивает полужидкую нить, которая на воздухе моментально затвердевает, оставаясь, впрочем, эластичной. Гусеница тутового шелкопряда также выделяет нить из себя самой, но выпускает не из заднего конца, а, наоборот, из переднего. Из нижней губы. И эта нить – самый настоящий шелк!

Внутри «рамочки» гусеница сплела что-то вроде гамака; устроившись в нем, принялась «вертеть шеей», окутывая всю себя выделяемой нитью. Очень скоро она окружила себя оболочкой – поначалу едва видимой, прозрачной; но гусеница, неустанно крутя головой, наматывала петлю за петлей, и постепенно овальный кокон стал приобретать более ясные очертания. Хотя еще какое-то время было видно, как внутри него трудится гусеница.

Она не останавливалась ни на мгновение. И весь вечер, и всю последующую ночь мы с Нигяр голова к голове провели над коробочкой и смотрели на то, как червь одевается в шелка!

Под утро Нигяр, зевнув, сонно спросила:

– Долго еще?..

– Иди спать, Гусенок, – ответил я. – Это будет продолжаться три дня.

Нигяр сделала «страшные» глаза и поплелась в детскую. Хорошо еще, что дело было на каникулах.

Да, процесс длился три дня и две ночи; мы с Нигяр периодически подходили к коробке; но, когда бы мы ни подошли, мы видели одну и ту же картину: гусеница неустанно трудилась, кокон становился все более плотным. Повинуясь древнему инстинкту, гусеница непрерывно выпускала из парных желез, тянущихся вдоль всего ее тела, тончайшую двойную нить, выпускала через нижнюю губу и, крутя башкой и шеей, обматывала нить вокруг себя, укрепляя кокон. Ученые подсчитали, что в этом процессе гусеница способна выделить аж километр нити, то есть тысячу метров. И в среднем она наматывает 23 тысячи петель этой нити.

Услыхав про столь большие числа, Нигяр оживилась, и я увидел, как ее карие глаза превратились в окошечки, и в них, как на табло, начали быстро проскакивать светящиеся цифирьки.

Все это время я служил Шахерезадой и рассказывал девочке все, что помнил о шелке и шелководстве. О Китае, в котором шелк получать стали 5 тысяч лет назад, и который долгое время оставался монополистом шелка. Любому, кто посмел бы вынести за пределы страны яйца шелкопряда, гусениц или коконы, грозила жестокая казнь. Но как-то раз китайская принцесса, помолвленная с уйгурским принцем, решила сделать ему ценный подарок и вывезла семена тутового дерева и личинок шелкопряда в своей высокой пышной прическе... А в другой раз два монаха-несторианца пронесли из Китая в Византию такие же семена и яйца, спрятав их в полых бамбуковых посохах... Но что до этого, что после – шелк долгое время ценился очень дорого, на вес золота, и служил твердой валютой.

И о знаменитом Великом Шелковом пути я рассказывал... Пока секрет производства шелка принадлежал лишь Китаю, вся остальная Азия и Европа вынуждены были покупать готовую шелковую ткань и изделия из шелка у китайцев; вот для того-то во II веке нашей эры и была проложена караванная дорога от Тихого океана до Средиземного моря, по которой шествовали, звеня колокольцами, тяжело гружен-

ные дорогостоящим товаром верблюды... Это вначале; потом по Великому Шелковому пути стали возить и разные другие грузы – дорога-то удобная, вон через сколько царств-государств пролегает... И хаживали по Великому Шелковому пути целых 17 столетий, пока не открыли Америку и не появились новые товары и новые, морские пути...

Нигяр внимательно слушала, иной раз ее лицо выражало некоторое сомнение и даже недоверие: вправду ли, мол, такие историко-экономические страсти-мордасти крутились вокруг белого червяка, бесконечно выплевывающего нить? Я подтверждал: да, это так. В былые времена страсти-мордасти возникали и вокруг шелка, и вокруг обыкновенного перца, который мы сейчас бестрепетно добавляем в блюда, и вокруг имбиря, корицы, гвоздики, которые сейчас продаются в маркетах, и вокруг коры хинного дерева, которую сейчас продают в аптеках, и вокруг каучуковых деревьев, дававших натуральную резину... а уж как люди массово сходили с ума из-за тюльпанов и орхидей!..

Но самое интересное, продолжал я вдохновенно, что Великий Шелковый путь проходил через Баку. В Ичери-Шехер, Старом городе, до сих пор сохранились караван-сарай, постоянные дворы, где останавливались купцы, погонщики, охрана, прикнущие к ним бродячие аскеты-дервиши...

То были славные вечера – своеобразные уроки истории, биологии, экономики, политики у коробки с шелковичным червем, в мягком свете торшера, с ароматным чаем, постоянно подливаемым в кружки... чай, кстати, тоже долгое время доставлялся из Китая и тем же Великим Шелковым путем! – не преминул заметить я... Мы беседовали под жужжание допотопного вентилятора «подхалим», разгонявшего летнюю бакинскую духоту, и под хруст вафель, которые мы с Нигяр грызли не хуже, чем гусеница – листья тутовника...

В конце концов, вырабатывающие шелк железы иссякли, кокон был полностью готов, и гусеница утихомирилась. Укрывшись в плотном футляре, она готовилась к одному из великих таинств Живой Природы – превращению сначала в куколку, а затем в бабочку.

Через 18 дней из кокона выберется, предварительно проделав дыру с помощью едкой слюны, взрослая бабочка тутового шелкопряда – мокрая, грязно-белая, с коротковатыми крыльями и толстым брюшком (Нигяр назовет ее «толстопопой»). Обсохнув, она взвьется в воздух, трепеща крылышками, я направлю ее полет в открытую форточку, и она исчезнет насовсем из нашей жизни и заживет своею собственной. Но это все потом.

...Дневниковые записи, повторяю, Нигяр не уважала; зато очень любила играть «в журналиста». Пользуясь моим диктофоном, мы то и дело «брали друг у друга интервью» по самым разным поводам, а потом прослушивали и анализировали записи, и я убеждался при этом, что выражать свои мысли словесно у Нигяр получалось намного лучше, чем излагать их на бумаге.

На следующий день после того, как гусеница заключила себя в кокон, я поднес к лицу Нигяр брусок диктофона, нажал на клавишу **REC** и спросил, какой самый главный вывод она сделала из увиденного.

– Я думаю... – Нигяр уперла мне в грудь свой крепкий палец, как она часто делала, что-то спрашивая или на что-то отвечая. – Я думаю... Я думаю, – сказала она наконец, – что эти гусеницы никогда не страдают шейным остеохондрозом!

ПАМЯТЬ

МАРАТ ШАФИЕВ

«И я потерять всё готова во имя ненайденных строк!»

В 2004-м году в Баку был издан сборник стихов русских и советских поэтов, посвящённых Баку – «Если ты Баку не видел» (составитель и комментатор – профессор Агиль Гаджиев). От Брюсова до Рождественского – десятки крупных поэтов, но жаль, что выпала из строя Светлана Львовна Соложенкина. Между тем человек этот для Баку не чужой, в 60-е годы прошлого века здесь она трудилась сначала литсотрудником, а потом и заведующим отделом критики в журнале «Литературный Азербайджан».

Это будет потом: премия «Смены» в 1972-м году и премия «Работницы» в 1974-м году – публикация в журналах с многомиллионным тиражом («Работница» – 12 миллионов!) в одночасье делала поэта всесоюзно известным. Это будет потом: переезд в Москву и работа в только созданном «Литературном обозрении», и новые стихи в толстых журналах и альманахах, и 18 персональных книг. Но первая её тоненькая книжица «Мой отчий дом» (стоимость 5 копеек, но известно: без копейки рубля нет) обнародована в Баку в 1966-м году (издательство «Азернешр», редактор Сиявуш Мамедзаде, тираж 3570).

Как раз оттуда сегодняшняя публикация «Литературного Азербайджана», и она заполняет ещё один пробел в истории русскоязычной бакинской поэзии.

Позволим себе ещё такое дополнение.

Детство и юность нашей героини (родившейся в 1940-м и умершей в 2022-м году) протекали в городе Златоусте: «Я не помню войны. Но и детство я не помню – из-за войны». 15-летнюю девочку приняли в литературное объединение «Мартен» при газете «Златоустовский рабочий». В тот самый «Мартен», в деятельности которого в 30-е годы участвовал Сергей Иванов – поэт, чья жизнь также сплелась с Баку, где он переводил Насими, откуда в 1941-м году ушёл на войну в составе 317-й Бакинской стрелковой дивизии и погиб смертью храбрых в полях под Ростовом.

А когда Светлана в 1962-м году окончила с отличием Литературный институт (куда конкурс: 25 человек на одно место) (обитала в общежитии в Переделкино и видела Пастернака, копающего в огороде картошку; а в самом институте слушала Светлова, Сельвинского, Маргариту Алигер!) и была рекомендована в аспирантуру, то темой её исследования стали «Персидские мотивы». В её стихах она отчётлива – есенинская «нота». А ведь «персидский» цикл родился в Баку. Так исподволь и настойчиво судьба подталкивала юную Светлану из суровых уральских гор и лесов в по-настоящему мягкий морской город.

Чудаковатое это занятие – спрягать слова; размышляя о загадке творчества («И я потерять всё готова во имя ненайденных строк!»), Соложенкина своим началом, несомненно, назвала Златоуст, «где я росла под щебет ласточек и паровозные гудки», где отец-железнодорожник играет на гитаре, а мать вышивает и варит сказочную кашу, и где была откована «для Пегаса первая подкова». Но Пегасу мало одной подковы. И другая «подкова счастья» – это Баку.

А теперь, собственно, сами стихи.

СВЕТЛАНА СОЛОЖЕНКИНА

Мои вьюги

Северянка, живу я на юге,
но, свернувшись калачиком, вьюги
на пороге моём лежат
и ревниво мой дом сторожат.

Потревожил их кто-то нечаянно –
или жизнь кому не дорога?! –
и три дня и три ночи отчаянно
бушевала в Баку пурга!

Поутихло – гости явились,
снег стряхнули с воротников:
– Ну, погодка! Скажи на милость!
– Наш Урал, – говорю, – таков!

Пожимают они плечами:
дескать, где – Урал, где – Баку?
...Я пою их горячим чаем.
Вьюги мирно спят на боку.

Степное озеро

О чём напомнило ты, озеро степное,
и что навеяли вы, белые пески?
Есть что-то в вас мне до того родное –
так и места родные не близки.

А что мне эта степь и это озеро?
Не в них – мечта, не в них – судьба моя:
меня лишь волей случая забросило
с Уральских гор в ковыльные края!

Так отчего негаданно, непрошенно
в чужой для сердца, странной стороне
степная чайка хрипло и встревоженно
кричит о чём-то, очень близком мне?

Я описывать долго Баку вам не буду:
этих вышек леса – уместишь ли в строку?
«Ночь черна, словно сажа», – так скажут повсюду.
«Ночь черна, словно нефть», – скажут только в Баку.

Признание

Я не могу тебе сказать,
как я люблю тебя, Баку;
как ствол берёзы, осязать
тебя, закрыв глаза, могу.

Твоих огней дрожащих гроздь,
когда над морем виснет тьма,
могу зажать с восторгом в горсть,
вся – изнутри – светясь сама.

Здесь ветви ив – как невода,
а звёзды – словно стаи рыб,
от нефти так липка вода,
что даже месяц к ней прилип.

Здесь улицы – сама судьба:
всегда внезапен поворот...
Не убирай руки со лба,
когда последний час придёт,

когда я крикнуть не смогу,
и кровь отхлынет от лица –
не уходи тогда, Баку,
побудь со мною до конца!

И я в глаза твои гляжу
и глажу, словно ствол, щеку...
Но и тогда я не скажу,
как я люблю тебя, Баку.

Вечер

В вечерней синеве густой
толпятся звёзды у причала,
и город – улей золотой –
гудит спокойно и устало.

И только Каспий без труда,
не нарабоавшись за сутки,
качает грузные суда,
как легковесные скорлупки.

Да там ещё, на буровых,
идёт привычная работа –
и месяц, поглядев на них,
со лба стирает капли пота.

Жара в Баку

1

**Баку – бокал мой золотой!
Пью – за глотком глоток – Восток...
Непобедимой красотой
сияет розы лепесток.**

**А дни – всё жарче, горячей,
и в тягость – собственная тень,
и в клетке солнечных лучей,
как птица, бьюсь я целый день.**

**По жилам зной густой бежит,
и сердце – как комок огня,
и моря голубой магнит
притягивает вновь меня...**

**Я знаю: этот зной пройдёт,
но длится он так много лет –
и у мороженника лёд
мне кажется, – с других планет.**

2

**Июль, как захватчик, вторгается грубо –
и город сдаётся, дымясь,
и розы раскрыли пунцовые губы
у моря – от жажды томясь.**

**А морю – так душно, а морю – так тесно,
тяжёл голубой его взгляд,
напрягшись, рубашку рванёт оно с треском –
и белые клочья летят.**

**Иссякнув, бессильно поникли фонтаны,
как осенью, ивы желты...
Весь город – жаровня, а люди – каштаны,
обугленные до черноты.**

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Н О В Е Л Л Ы

Рекламные страсти

Затмение солнца предполагалось в субботу, 15 апреля. Множество туристов со всего света захотели приехать в маленькую африканскую забытую богом деревушку, чтобы понаблюдать за редким явлением природы. Власти заранее раздали населению специальные очки для наблюдения за затмением солнца. Стар и млад получили очки, которые нужно было беречь, совсем, как ту самую зеницу ока, для чьей защиты они и были предназначены. Раньше, до того, как правительство озаботилось здоровьем своих граждан, в удаленной от шумных городов деревеньке затмение солнца воспринималось, как божья кара. В такой страшный день маленьких детей не выпускали из хижин, а женщины с подростками выходили на главную площадь деревни и стучали в каленасы¹, чтобы отогнать злых духов. Когда обиженное на людей светило вновь показывалось на небосклоне, люди шумно выражали свой восторг, уверенные в том, что и они смогли помочь солнцу воцариться на своем законном месте.

Старики еще помнили тот день, когда один из жителей деревни, ставший местной знаменитостью, потому что сумел получить образование во Франции, в очередной раз приехав в родную деревушку, попал на затмение солнца и попытался объяснить своим сородичам научную природу этого явления. Тогда его высмеяли, никто не поверил его сказкам. Но это было давно. С тех пор в деревне кое-что изменилось. И некоторые, особенно любознательные, стали разделять точку зрения их выдающегося сородича. И потому, когда одна из гуманитарных организаций, чьей прямой обязанностью являлась защита «самых обездоленных и бедных», решила осчастливить местное население, многие из бывших противников согласились надеть очки, чтобы наблюдать за редким явлением- затмением солнца.

Очки были произведены западной фирмой и розданы населению бесплатно с одним малюсеньким условием. Эти же очки должен был надеть известнейший европейский актер, чтобы полюбоваться природным явлением, так же, как и тысячи европейских туристов.

Фирма, подарившая очки, собиралась «одним выстрелом убить двух зайцев»: поведать всему миру о своей благотворительности и заодно прорекламирровать, затратив символическую сумму, свою продукцию, до сегодняшнего дня не пользующуюся особенной популярностью. Провести акцию с ювелирной точностью – такую непростую задачу поставила перед собой фирма. Переговоры с известным европейским актером велись не напрямую, а заботами все той же гуманитарной организации. Чтобы заинтересовать бескорыстных благотворителей, оптическая фирма пообещала им грант в случае успеха предприятия. По этому случаю гуманитарии написали развернутый доклад на тему «Вероятностные опции в процессе интеграции неразвитых регионов планеты». Под опциями в докладе подробно расписывалось, каким образом можно соединить «коня и трепетную лань», а именно кристальную, прозрачную благотворительность с неизбежным злом современного мира – рекламой. Европейской знаменитости согласились заплатить, но, как подчеркнул представитель фирмы, «в пределах разумного». Для того, чтобы вдохновить его на небольшой гонорар, актеру рассказали, скольких африканских детей он может спасти от возможной слепоты, лишь согласившись одеть те же самые очки в час X.

¹Сосуд из высушенной тыквы.

Знаменитость погрузился в раздумья. Не то, чтобы ему совсем были безразличны африканские дети, просто он с юных лет убедился в том, что никакие благотворители, самые прекраснодушные, не пошевелят мизинцем, если только не будут уверены в выгоде. В отличие от откровенных коммерческих фирм, благотворителям необходим красивый антураж, более искусная упаковка. Каким образом можно выбить из рациональных граждан западной страны наибольшее количество денежных знаков? Только одним! Напомнить самым сентиментальным и слезливым из них, живущим в комфорте и неге, о том, что где-то там, далеко-далеко, есть маленькие африканские дети, остро нуждающиеся в их помощи. Тем, кого сложно пронять страданиями людей, живущих за тридевять земель, можно ненароком намекнуть, что если этим несчастным не помочь сейчас, то через некоторое время они заявятся к ним, в их благополучный мир, чтобы напомнить о своем существовании и нарушить благословенное равновесие счастливого бытия.

Актер размышлял над ценой. Во сколько оценить собственные усилия? Назвать свою обычную цену невозможно после замысловатых маневров благотворителей. Еще чего доброго раструют на весь мир, какой он черствый, жадный и ненасытный. Назвать символическую сумму также казалось неразумным. Впоследствии, когда речь пойдет о каком-нибудь настоящем контракте, ему обязательно напомнят эту смешную цифру. Никто ведь всерьез не поверит, что им двигали благородные мотивы. Правильнее всего вовсе отказаться от гонорара. То же самое после зрелых размышлений ему посоветовал его агент. Чтобы не чувствовать себя полным идиотом, способным потерять уйму времени, а значит, кучу денег, актер решил обставить как можно комфортнее свое пребывание в африканском бледе¹. Он потребовал самую малость: отдельный коттедж с джакузи, где циркулирует минеральная вода, желательна европейская. Одна из комнат должна быть оборудована спортивными снарядами. И еще одна зеркальная зала для танцев. Еда самая непривередливая: морепродукты, побольше устриц. Фрукты разные, но проверенные. Вина лучше французские. Немного травки. Совсем чуть-чуть, для тонуса. Вот, пожалуй, и все. Естественно, он предполагает прибыть туда в сопровождении своих обычных помощников: парикмахера, массажиста, визажиста, стилиста, учителя танцев, тренера по фитнесу и подружки. У каждого из них должно быть отдельное помещение, желательно рядом с ним. Когда эти незамысловатые требования передали оптической фирме, главный менеджер, отвечающий за акцию, схватился за голову. Он пригласил в свой кабинет группу из трех человек, ударного отряда рекламной кампании. Не теряя времени на объяснения, темпераментный менеджер сразу перешел к главному:

– Вы только послушайте, что этот кретин, не умеющий двух слов сказать без готового текста, потребовал!!! Джакузи ему подавай с минеральной водой, подружку, видите ли! А почему не гарем? Сейчас это модно, мусульманская тема, тем более в Африке! Целый батальон obsługi! Устриц ему, вина французского! Ему плевать, что мы даром, совершенно бесплатно собираемся раздать сто тысяч очков!!!

Сидящий в неудобной позе рядом с менеджером худой человек со страдальческой миной на морщинистом лице не удержался:

– Не совсем так, уважаемый Филипп. Не сто тысяч, а двести очков. Это маленькая деревенька. Потому мы ее и выбрали, там немного жителей. А Реносерос – звезда первой величины. Мы остановились на его кандидатуре, потому что искали настоящего актера. Что вы хотите? Чтобы он вел себя так же, как какой-нибудь третьеразрядный кумирша из провинциального театра? И не забудьте, он отказался от гонорара. Он вправе ожидать, что мы оценим его благородство.

– Благородство? Карлос? В тебе говорят твои испанские гены: дед по материнской линии, дон Карлос, вероятно. Этот актер стал «благородным» только потому, что в двух фильмах подряд он играл положительного героя. Подожди, сыграет мерзавца и

¹Блед (bled) фр. – маленькая деревушка.

тут же приобретет черты негодяя. А как иначе ему быть хорошим актером? Ему нужно быть пустым изнутри, чтобы каждый раз наполняться новым содержанием. Если он будет слишком переполнен своей собственной личностью, то сможет в лучшем случае играть только одну роль – себя. Карлос, оставь свои глубокие мысли. Давай подумаем, как выйти из этого глупейшего положения. Соглашаться выполнять все его дурацкие требования? А если завтра он придумает еще что-нибудь? Например, чтобы никто не смотрел на него, пока он будет лицедрезать затмение. Я слышал о таком бреде. Некоторые особо «одаренные» актеры во время репетиций требуют, чтобы в зале не было посторонних, видите ли, они не могут сосредоточиться. Актеры! Спрашивается, какой ты после этого актер!!!

Светловолосая женщина с усталыми грустными глазами вступила в разговор:

– Я не согласна с вами, Филипп. Настоящий, глубокий актер – это целый мир. Хороший режиссер должен уметь настраивать актера на игру, ну, совсем, как музыкальный инструмент. Вы же не будете спорить, что скрипка Амати отличается от скрипки, произведенной на скрипичной фабрике. Так же и с актерами! А чем чудеснее инструмент, тем большей заботы он требует. Но у меня есть кое-какие мысли по этому поводу. Почему вам нужен европейский актер? Почему не пригласить кого-нибудь не слишком испорченного успехом? Например, китайца? Вы представляете, какой тогда откроется перед нашей фирмой громадный рынок?

– Эмили, кого ты предлагаешь? Джеки Чана? Голливудскую звезду? – менеджер с раздражением теревил ус.

– Нет, конечно, нет. Кого-нибудь попроще, ну, я не знаю...

– Думаешь, китайцы станут покупать очки нашей фирмы? Никогда! Они начнут выпускать подделки, заменив одну или две буквы в названии нашей фирмы. Можешь не сомневаться в том, что их подделка будет иметь гораздо больший успех, чем наша продукция. Как поддельный «Ролекс»!

– А это мысль, выпустить на рынок пиратский товар, а потом сыграть на этом. Показать истоки, так сказать аутентичный товар, – худой человек встал со стула, и его высокая сутулая фигура нарисовалась на белой стене.

– Карлос, Карлос, кто сейчас заботится, как ты сказал, об аутентичности, никому она не нужна. Плевать всем на твою подлинность, истоки и тому подобную дребедень! Нужно, чтобы было дешево, круто и точно так же или почти, какая разница, как у известной физиономии, знакомой всему миру. Вот тогда мы придем к успеху!

– Дорогой Филипп, если вы так хорошо знаете, как решить эту простую арифметическую задачу, то зачем вы нас спрашиваете об этом? – Эмили налила себе минералки.

– Для порядка! И я хочу услышать, что думает по этому поводу наш координатор.

Сидевшая в углу эффектная брюнетка проснулась и произнесла низким томным голосом:

– Ну, наконец, вспомнили обо мне, я думала, что вы так и не поинтересуетесь моим компетентным мнением, – она изящно закинула ногу на ногу. – Я согласна с Эмили! Нужно искать новые лица. Я не предлагаю ставить на темную лошадку, тем более, что речь идет о солнцезащитных очках, темные очки на темной коже будут плохо смотреться, – ха-ха, да... пошутила я неудачно... Я предлагаю азиатское лицо, но не обязательно из стран-драконов. Черные стекла на желтой коже! Азиатские российские лица – это же замечательно. Вот, к примеру, Чингисхан, вроде монгол был, а вы знаете, что он был рыжим и голубоглазым? А может, в этом одна из причин его успеха? Он сильно отличался от остальных монголов, хотя черты лица у него были монгольские. Мог говорить о своем божественном происхождении. И как вы понимаете, оппонентов у него не было. Потому что, если кто-либо и осмеливался сказать иное, то он точно не доживал до заката.

– Ты же предлагаешь русского, я правильно понял, причем тут Чингисхан? Ты еще скажи, дорогая Катрин, что он был транссексуал, совсем, как ты?

Глаза брюнетки полыхнули опасным огнем:

– Что касается Чингисхана, то в каждом русском есть немного от монгола. А если говорить обо мне, то я горжусь, что сама решила, кем мне быть: женщиной или мужчиной. Моим особым положением в вашей фирме и высоким заработком я также обязана своим новым имиджем. Я ведь редкостный экземпляр, не то что остальные! Я прекрасно понимаю психологию мужчин и женщин. Заметьте, что намного удобнее продавать товары унисекс. Сделать товар привлекательным для обоих полов. Я говорю о такой ставшей уже классической рекламе, как реклама Кельвина Кляйна. Вы помните, в 1993 году Кляйн придумал новый аромат унисекс «CK One». Здорово! Гениальная идея – одним махом он охватил такую громадную аудиторию. На мой взгляд, есть тут одно упущение. Никто не подсказал ему, что нужно использовать для рекламы транссексуала. Меня, например. А что! Не просто сделать фото, а дать две картинки, до и после: то есть меня в виде мужчины и... женщины. И в каждом сегменте – логотип нового аромата. Получилось бы классно!

Менеджер раздраженно проворчал:

– Кельвин Кляйн обошелся без твоих услуг, Катрин. Твоя теперешняя тезка Кейт Мосс с успехом тебя заменила, если мне не изменяет память. Может, я ошибаюсь. А вот о своем высоком заработке могла бы не напоминать, и так он не идет из головы. Пора бы уж оправдать его! Тем более такой замечательный случай представился! И подумай, как сделать, чтобы наши очки надели как можно больше людей на планете. Мне наплевать, какого они будут пола, национальности, цвета кожи и сексуальной ориентации. Наоборот, чем больше будет вовлечено разных особей, тем лучше. Только твоя идея о двойной картинке, как у двуликого бога Януса, мне не понравилась. Слава богу, на свете еще достаточно людей, прекрасно чувствующих себя в своей шкуре мужчины или женщины. И не забудьте: сексуальных меньшинств, да, именно меньшинств, вы понимаете, что это значит, как ни крути, а их все же меньше, чем остальных. А если мы сделаем упор на них, то, скорее всего, отпугнем всех остальных?

Катрин миролюбивым тоном предложила:

– Ладно. Ладно. Это просто мысли вслух. Я знаю, кого нужно пригласить. Совсем недавно я видела русского актера, рекламирующего швейцарские часы. Знаю точно, что у него на днях истекает срок контракта с швейцарской фирмой, и собственными глазами видела кривую продаж после этой рекламной акции. Фантастика! Продажи выросли втрое!!!

– Русские сейчас стоят недешево! Они не такие простачки, как были в момент распада их Союза. Для начала не мешало бы поинтересоваться, какой гонорар заплатила швейцарская фирма. Не исключено, что дешевле обойдется европейский актер со всеми его требованиями. После такого успеха русский вполне может удвоить ставки, – менеджер открыл бутылку кока-колы и отхлебнул из горлышка, – я вдруг вспомнил, а вы знаете, кто рекламирует кока-колу? Ума Турман. Вот тут я не сомневаюсь, что сумма контракта впечатляет.

– И когда ей захочется «Убить Билла» в третий раз, то непременно все, кто будет смотреть шедевр, запьют его кока-колой. Ассоциативный образ мышления сработает, – Карлос откусил кончик тонкой сигары и закурил.

– Карлос, почему ты не попробуешь себя в качестве психоаналитика. Ты давно перерос должность консультанта нашей швейцарской фирмы. Так! Как всегда, ничего не решили, потрепались, и только. Пока шеф у вас один, а это я. Следовательно, расклад такой. Карлос к тому же по совместительству у нас оператор. Так значит, Карлос выясняет, какие новые, необязательно молодые, возможны и зрелые лица, появились на горизонте. Про то, почему зрелые, я думаю вам не нужно объяснять. Европа стареет, а мы прежде всего хотим потеснить конкурентов на европейском рынке, чтобы сэко-

номить на транспортных расходах. Прошу тебя, Карлос, не зацкливайся на одухотворенных лицах, мы рекламируем не рояли, а темные очки. Их носят все. А темные очки чаще других носят типы с бандитскими рожами.

Карлос затаился сигарой:

– Может быть. Но все равно людям свойственно стремиться к прекрасному, а следовательно, и к одухотворенным лицам. Видели последнюю рекламу холодильников фирмы «Самсунг»? Скрипачка Ванесса Мей виртуозно играет на фоне холодильника!

– Да, знаю, сейчас ты будешь говорить о стратегии рекламной кампании. На чем нужно сделать акцент! Только стратегией займется Эмили. Почему? Объясню. Карлос – врожденный эстет. Может найти изюминку там, где все пройдут мимо. И выяснится, что это шедевр. А Эмили скорее разберется с тем, что нужно подчеркнуть. Будет ли это небольшой текст, либо слезливая мелодия, или просто шок. Надеть наши очки на очковую кобру и посадить ее на плечо актера! Как вам идея! Конечно, и Эмили – не идеал! Ее очень часто тянет на никому не нужную эстетскую рекламу!

– А что вы оставили на мою долю? – Катрин одернула мини-юбку, напоминаящую набедренную повязку.

– А тебе, милая Кэт, – Филипп сел на ручку ее кресла, – тебе мы поручим самое главное. Договариваться с актером. Вот здесь ты можешь блеснуть! В этом и состоит работа координатора! Ты будешь координировать, а заодно моделировать отношения нашей фирмы с внешним миром. Докажи, что твое прекрасное знание мужской, а теперь уже и женской психологии позволит тебе договориться на самых выгодных для нас условиях, – Филипп взял ее руку и нежно пожал.

Брюнетка тихо засмеялась, довольная своим успехом:

– А кого предпочтительнее искать? Женщину или мужчину?

– Мне все равно. Это вам решать. Можешь попробовать этого русского, пока Карлос будет искать другие запасные варианты, – Филипп слез с подлокотника кресла, – у нас с вами всего пятнадцать дней. А Реносеросу даем отбой. Звонил его агент. Сам актер отказывается от гонорара, но необходимо будет оплатить весь его штат, что уже составляет приличную сумму, и если к этому прибавить, что нам придется выстроить в этой деревушке небольшой поселок для его людей со всеми коммуникациями, то считайте, во что это нам обойдется. И с нашими благотворителями завязываем. Заплатим им немного, учитывая их бурную деятельность и чтобы не ссориться с этими «благотворителями рода человеческого». Никогда не знаешь, какую свинью они могут подложить, чтобы покрасоваться в белоснежных одеждах бескорыстных благотворителей! Все свободны, каждый знает свои ближайшие цели..

Русский актер Павел Большаков рекламировал часы известной швейцарской фирмы уже целый год. До истечения контракта оставался еще год. Когда ему только предложили заключить контракт, он очень удивился потому, что в его понимании швейцарские часы никак не нуждались в рекламе. Разве нужно рекламировать известные на весь мир марки русской водки, французского парфюма или гаванских сигар? Зачем? И так всем, кто в состоянии это купить, ясно, что эти марки заслужили свою репутацию не зря и не сегодня, и вряд ли завтра они ее потеряют. К чему тогда лишние затраты? Увидев сумму контракта, Павел перестал задавать себе ненужные вопросы. Сумма контракта составляла миллион долларов в год, не самый высокий гонорар, если сравнивать с голливудскими динозаврами, но все-таки какой-то прорыв. Павел тут же нашел массу доводов в пользу разумного подхода к делу и необходимости бесконечно подпитывать интерес к товару. Кстати вспомнил о многих замечательных и полезных изделиях, забытых по той причине, что никто не занимался их рекламой. Менеджер, ведущий переговоры, окончательно сразил его серьезным подходом к делу. В телефонном разговоре он предложил Павлу месяц на то, как он сказал, «чтобы адвокат Павла

мог подробно изучить условия контракта». Адвоката у Павла не было, контракт он отнес своему другу-юристу. Друг, не «мудрствуя лукаво», очевидно, сраженный цифрой, проставленной в контракте, сразу присоветовал:

– Соглашайся, а чего разводить бодягу. Кто тебе, мой распрекрасный, талантливейший, драгоценный, заплатит здесь такую сумму?! И спрашивается, за что? За несколько фотосессий! Ну, покривляешься немного перед камерой, это же не на дно морское без акваланга нырять! Или в снегу замерзать? Ты лучше меня знаешь, что существует, как говорят наши родные евреи, «две большие разницы» между съемками фильма и рекламой. А деньжищи-то настоящие, зеленые! Скоро вообще с фильмами завяжут, останутся только реклама и бразильские мыльные оперы. И Россия по части мыла тоже подтянулась. – Вертлявый чернявый адвокат, недавно открывший частную практику, откровенно позавидовал своему удачливому другу, главным достоинством которого он считал лишь выигрышную внешность, – везет же людям! Кто бы мне предложил хоть десятую часть твоего контракта за непыльную работу!

– Не прибедайся. Всем известно, что, несмотря на то, что твоя контора работает без году неделю, гонорары, тем не менее, такие, как будто ты уже заслужил репутацию той самой швейцарской фирмы.

Адвокат поморщился:

– Хватит, Павлуша, не будем считать деньги в чужом кармане. Дурной тон.

Павел рассмеялся:

– Ты первый начал. Пойдем и обмоем мой контракт. Угощаю!

Гуляли в «Обломове» с присущим русской душе размахом под рыдания гитары и надрывный голос молодой цыганки. Оказавшиеся за соседним столиком иностранцы с воодушевлением наблюдали за русской удалью, сказавшейся во всем: начиная от уставленного многочисленными яствами стола и кончая разудалой пляской и пением дуэтом с цыганкой. На следующий день, как это бывает с похмелья, Павел не сразу вспомнил, по какому поводу гудели. То ли друг-юрист выиграл тяжелое дело в суде, защитил еще одного горемыку олигарха, то ли ему самому предложили сняться в главной роли в новой голливудской героической саге? После рюмки кристальной водки в сопровождении хрустящего малосолевого огурчика Павел отчетливо вспомнил причину столь веселого вчерашнего вечера. «Да, помню хорошо. Контракт. Швейцарцы. Не те, рослые, что маршируют на плацу, а другие – с часами. Прекрасная у меня память, что и говорить, профессиональная! Никакого склероза! Да, да, мы же обмывали мою новую «непыльную», как сказал друг, работу! Вот и хорошо! Деньги как нельзя кстати. А когда они были некстати?! Куплю, наконец, приличную машину, а то неловко ездить на старом «Галлопере». Не мальчик уже! Пора бы на серьезную машину переест. Ну, хоть на «Ланчию».

Рекламировать швейцарские часы оказалось легко и приятно. Все, кто был занят в проекте, являлись профессионалами в своем деле и никоим образом не старались блеснуть другими, новыми гранями. Оттого, что каждый спокойно и грамотно выполнял свои непосредственные обязанности, у Павла создалось впечатление, что вся эта команда состоит из замечательных людей, практически не имеющих недостатков. После непродолжительной и приятной работы актер вернулся в Москву и приступил к съемкам большого тяжелого исторического фильма. Фильм был костюмным, и по роли Павлу предстояло носить на себе тяжелые и неудобные одежды русских бояр. Увидев на его запястье швейцарские часы, костюмер – разбитная женщина, не упускавшая случая подколоть знаменитость, – язвительно заметила:

– Разлюбезный наш боярин снимет свои швейцарские часы или так и будет расхаживать в них у себя в боярских хоробах? Снять, небось, слабо? Спросить надо у швейцарских хозяев, можно их снимать аль нет? А вы, случаем, не спите в них, Павлуша?!

Павел пропустил колкость мимо ушей. Стоит ли обижаться на женщину, и без

него обиженную жизнью? Ей ведь никто не предлагает ничего рекламировать! Подумал и тут же, к своему удивлению, вспомнил недавнюю рекламу, позабавившую его: где помощница по дому, а попросту говоря, прислуга известной артистки, рекламировала стиральный порошок. После такой рекламы не только стирального порошка, но, как оказалось, и достоинств самой дамы, она стала востребована, и ей предложили небольшую роль в сериале. Павел даже подумал, что не исключено, что через некоторое время ее бывшая хозяйка, исчерпав отпущенные богом таланты, попросится к ней в прислугу. Он не стал делиться своими мыслями и только задумался над вопросом: можно снимать часы во время съемок или нельзя? Такой, казалось бы, дурацкий вопрос действительно оказался непростым, и Большаков не зря мучился им. Придя на очередную богемную тусовку, Павлуша спросил у кого-то время. Ответивший не упустил счастливой возможности напомнить Павлу о рекламе швейцарских часов. В тот вечер актер посмеялся, хотя непрерывные шуточки по этому поводу начали раздражать его. Но совсем плохо ему стало, когда он услышал голос своего швейцарского друга посреди ночи. Швейцарец, как всегда, перепутал время и позвонил не на три часа раньше швейцарского времени, как следовало бы, а наоборот. Новый друг поинтересовался, не потерял ли Павел свои замечательные часы, подарок фирмы. Спросонья актер не сразу понял, в чем дело. Швейцарцу пришлось объяснять, что, по его сведениям, Павел Большаков на известной вечеринке был без часов. Если это так, то он должен заплатить неустойку, а затем фирма пришлет ему новые часы, которые он ни в коем случае не должен снимать, как это и было прописано в контракте. Правда, на первый раз фирма может простить Павла, принимая во внимание его неопытность в этом деле. Ему также напомнили, что он должен как можно чаще демонстрировать эти часы. Что-то пробурчав спросонья, Павел положил трубку. Только на следующее утро до него дошел смысл сказанного швейцарским другом. Он долго раздумывал над тем, кто же из его знакомых, а может, и друзей так заботится об интересах швейцарской фирмы? Кто из них стукач, следящий за каждым его шагом? Павел съезжился и попытался восстановить в памяти вечеринку. Ну конечно, какой же он идиот! Он ведь спросил время не у кого-нибудь, а у своего приятеля-юриста. Как же он не догадался сразу, что самый удобный шпион – это советчик. Актер и до этого неприятного инцидента знал, что любая удача, а тем более настоящая, крупная «золотая рыбка» обязательно будет в комплекте с менее привлекательным элементом, например, ворчливой ненасытной бабкой, а в конкретном случае со стукачом-юристом. Получалось, что ему, Павлу, теперь в любой ситуации придется красоваться в часах. Будь ты боярин или сам Иван Грозный – заключил контракт с друзьями-швейцарцами, должен исполнять все их условия. Съемки в фильме стали тяжелым бременем. Он не столько думал о своей роли боярина: молодого избалованного самодура, кутившего почти с тем же размахом, что и новые русские, как о том, чтобы спрятать как можно лучше швейцарские часы под широкими рукавами лисьей шубы. Боярин у Павла получался хмурым озабоченным персонажем, часто забывавшим свой текст. Режиссер, пригласивший Большакова в надежде на то, что публика, знавшая и любившая актера, обязательно придет посмотреть фильм, казался совершенно разочарованным. Он махнул рукой, перестал делать актеру замечания и смирился с тем, что фильм получится ничуть не лучше, но если повезет, и не хуже, чем многие другие фильмы: без чувств, идей, зато с обилием красивых манекенов, разодетых в пух и прах, с бесконечной пальбой, спецэффектами и громкой музыкой. Большаков не помнил, как он закончил съемки фильма. Он отказался еще от нескольких предложений сняться, помня о недавнем кошмаре. И вообще жизнь для актера замерла. Он старался не делать лишних движений. Залег на дно. Он ходил, как на тяжелую работу, на все светские вечеринки и, где мог, хвастался своими часами. Его даже стали называть «Мистер Часы». За эти два года он прочувствовал в полной мере, что значит стать лицом торговой марки. В самом деле, его лицо перестало принадлежать ему, Павлу Большакову, оно целиком и полностью срослось с торговой маркой.

Как-то напившись в компании все того же друга-шпиона, с которым он никак не мог расстаться, испытывая к нему чувства гадливости и восхищения одновременно, он вдруг заявил, что решил оставить профессию актера. Не потому, что ему надоело актерское ремесло, а потому, что теперь ни один серьезный режиссер не пригласит его на интересную роль. Картинка «Мистера Часы» заслонит все другие возможные воплощения. Павел плакался, жалел себя. Друг утешал все жарче.

– Ну, что ты, Павлуша! К чему тебе эти жалкие роли! Все равно у любого актера есть амплуа! Ну, какая разница – играть романтического мальчика-корнета в 35 лет или рекламировать часы? Скажи, сколько тебе платит самый крутой наш режиссер? Ну, скажи! Не хочешь? Да ну тебя! Я и так знаю!

Павел не удержался:

– А я как посмотрю, ты все обо мне знаешь! – Павел стукнул кулаком по столу. – Случайно камеры в моей квартире не устанавливал?! А кто настучал моим швейцарцам, что я без часов хожу? Ты... Гад? Я так и знал, чуял нутром! А все-таки хотел убедиться.

Павел схватил приятеля за грудки и тряс, несмотря на ощутимое сопротивление:

– Признавайся, гад! Это твоя подлая душонка просветила моих швейцарцев!

– Павлуша, послушай! Да отпусти ты меня!!! И без меня нашлись бы доброжелатели! Выслушай меня. Я давно хотел тебе все объяснить.

Возбуждение актера спало, он отпустил приятеля и бессильно упал на стул.

– Говори. Я надеюсь, что твою мерзкую физиономию я вижу в последний раз! У тебя ровно десять минут. Потом я выставлю тебя за дверь пинком под зад!

– Сначала, как ты меня и просил, я внимательно прочел чертов контракт, а потом..., да я тебе говорил об этом, я связался с ними, чтобы прояснить кое-какие моменты! – пробормотал юрист, растирая полузадушенную шею.

– Теперь я понимаю, какие это были моменты!

– Нет, Павлуша. Здесь ты не прав! Я как раз интересовался тем, как же ты будешь все время ходить в часах, если ты актер, и у тебя разные роли! И знаешь, что они мне ответили?

– Откуда мне знать, идиоту. Я же ни сном, ни духом не подозревал, что происходит за моей спиной. А ты снюхался с ними!!! Скажи, сколько они обещали тебе заплатить? Говори, скотина! – почти успокоившийся актер вновь воспламенился, представив всю эту возню за его спиной.

– Я это сделал ради тебя, Павлуша. Заплатили они мне копейки. Не из-за денег вовсе! Не корысти ради! Они грозились тут же расторгнуть контракт и заставить тебя платить большую неустойку, если ты вдруг снимешь часы! Ты понимаешь, Павел! За тобой глаз да глаз нужен, чтобы ты не сорвался и получил обещанный гонорар. Да ты мне спасибо должен сказать, а не убивать! Ты меня сейчас чуть не убил, – приятель вдруг заплакал.

Павел совсем растерялся. «Как тут быть! Ясно, что приятель – иуда! А с другой стороны, кто его знает, а вдруг он и в самом деле болел за его, Павла, интересы. Уж очень жалобно он плачет». Павел посидел еще некоторое время, качая головой и профессионально подмечая все ужимки приятеля, не исключая возможности воспользоваться этой мимикой и движениями в новой роли. Закончился вечер хрупким миром. Оба приятеля выпили на посошок за дружбу и разошлись.

Катрин готовилась к разговору с русским актером. Она слышала о том, что русские – неудобные партнеры. Они в любой момент могут выкинуть фортель. Отказаться от выгоды ради каких-то мифических принципов. Правда, со времен их знаменитой перестройки они все больше стали походить на цивилизованных западных людей. Циви-

лизация для современного европейца – это рационализм везде и во всем, и никаких фортелей, если светит выгода. В их оправдание нужно заметить, что понятие «выгода» для европейцев, в отличие от тех же американцев, не всегда измеряется в денежных знаках. Катрин собрала всю необходимую информацию о Павле Большакове. Пришлось полазить по Интернету в поисках интересного материала, полезного в разговоре. Все-таки там увлечения, привязанности, слабости. Информации оказалось с избытком. Все-таки, как заинтересованно публика относится к своим кумирам! Катрин удалось выяснить привязанности любимца русской публики с младенчества до сегодняшнего дня. На одном из сайтов она наткнулась на скандальную информацию о вероятной дате смерти многих российских знаменитостей. Со страхом прочла комментарии людей по поводу страшного прогноза, за который в европейской стране можно было бы подать в суд и отсудить приличные деньги за моральный ущерб. И рекламировать ничего не пришлось бы, бедняге! Вот у нее все сложится по-другому! Она ни за что, ни за какие деньги не будет ничего рекламировать, даже прокладки! Заманчиво, конечно, вчерашнему мужчине рекламировать прокладки! У нее, теперешней, точно получилось бы. Но тогда на всех других ее амбициях придется поставить крест. Нет, лучше не рисковать! Кто знает, может, это только первый ее шаг к ослепительной карьере?! В нынешнем своем обличье Катрин чувствовала себя способной на большие дела. Европарламент – вот ее голубая мечта. В итальянском парламенте уже есть свой секс-символ Чичолина, почему бы Катрин не стать представителем секс-меньшинств, например? Она прекрасно справится! А для того, чтобы достичь таких высот, необходимо проявить себя. Начинать нужно с малого, не гнушаться никакой работой. Сегодняшняя работа для Катрин – не предел, если учесть, что после смены пола шансов у нее стало ровно в два раза больше. Правда, она пока всего лишь рекламный агент. Но направление Катрин выбрала верное. Вся наша жизнь превратилась в одну большую рекламу. Все области жизни заполонила реклама. Фильмы. Клипы. Рекламные ролики. Картинки, порождающие хватательный инстинкт. Хочу... Дай... Ребенка снимают с момента рождения. Заботливый отец снимает на камеру появление драгоценного чада на свет, а затем уже каждое движение, шаг, слово снимает, снимает, снимает... Демонстрирует при каждом удобном случае всем, кто желает и не очень это лицезреть. А за фото младенцев «звезд», кумиров публики, информационные агентства готовы платить миллионы. Скандальная, тем не менее, захватывающая профессия «папарацци» стала одной из самых востребованных. Вопрос о том, почему человек из существа, хоть и общественного, но все же охранявшего свою территорию, куда вход посторонним был воспрещен, превратился в двуногое животное, выставленное на обозрение всем, не возникает. Все предельно ясно. Известность любого рода равноценна богатству. Поэтому, для того, чтобы стать успешным, то есть богатым человеком, для которого и вращается вокруг своей оси Земля, нужно либо стать известным, либо попасть в категорию тех, кто знает, как этого достичь, то есть знает, как нужно делать качественную рекламу. Вторая категория даже предпочтительнее, ведь этим людям не нужно садиться в клетку, как ученой обезьянке, для обозрения, чтобы достичь вожделенного богатства. Любой известный персонаж, а значит, состоятельный и уважаемый человек, в том числе и политик, – это прежде всего «бренд», умело раскрученное имя, а уже потом все остальные умения, например, способность логически мыслить, выстраивать речь и прочая ерунда, вроде умения писать законы, да и оно не обязательно, всегда найдется ученый раб, способный настроить нужную бумагу. Амбиции Катрин были вполне обоснованы, стоило только вспомнить не такой уж давний случай в новейшей истории, когда голливудский актер Рональд Рейган стал президентом США, и совсем недавний не менее блестящий пример Арнольда Шварцнеггера, знаменитого терминатора всех времен и народов, занявшего пост губернатора Калифорнии.

Следуя рекомендациям любимого ею Карнеги, Катрин составила примерный набросок разговора на простейшем английском языке, одинаково доступном Павлу Боль-

шакову и Катрин. В отличие от швейцарских друзей Павла, Катрин точно рассчитала время:

– Это квартира русской звезды Павла Большакова? – спросила Катрин, сделав упор на «звезде».

– Да, я вас слушаю, – улыбка Павла просочилась в голос.

– Я вас не побеспокоила?

Павел уже переварил «звезду» и вспомнил о своих швейцарских друзьях:

– Кто со мной говорит? Вы не представились. У меня нет привычки общаться с незнакомыми людьми.

Катрин сделала паузу, вздохнула:

– Не беспокойтесь! Я не ваша поклонница, во всяком случае, пока. Я координатор западной оптической фирмы и хочу сделать вам предложение...

– Нет, нет, мисс, прошу вас, если это касается рекламы, то я не соглашусь ни за какие деньги! – в голосе Павла появились истерические нотки.

«Вот этого я и боялась! Русская загадочная душа! Я не успела еще ничего предложить, а он шарахается и паникует. Странно, ведь швейцарцы ему хорошо заплатили! Или это все вранье, для имиджа? Да... Карнеги тут не помощник, нужно импровизировать»:

– А я и не предлагаю вам денег, как раз наоборот, речь идет о благотворительности и бедных африканских детях.

– Об африканских детях? Простите, никакого отношения к африканским детям я не имею. У меня даже никогда не было темнокожей подруги. Позвольте на этом закончить разговор, и не беспокойте меня больше, – Павел собрался вешать трубку.

– Да пошел ты, сукин сын, – бросила в сердцах разочарованная и обиженная Катрин, вспомнив свой мужской опыт.

– Ну, зачем так сурово, – Павел, казалось, услышал родную речь, хоть и в иностранном оформлении, – я слушаю вас, только покороче, я занят.

– Да, конечно. Речь идет о рекламе, вы правильно угадали, но об особой рекламе. Мы хотим подарить африканским детям темные очки для того, чтобы они не испортили себе глаза, глядя на солнце. Например, в дни солнечного затмения. Ну, и заодно сделать рекламу нашей оптической фирме. Для этого мы хотели бы пригласить вас в качестве главной модели. Но только это акция благотворительная, и поэтому ваш гонорар будет невысоким. Но я поняла сейчас, что деньги вас вообще не интересуют, или я неправильно вас поняла? Мой английский, к сожалению, не очень хорош.

– Да. То есть нет. Не совсем правильно поняли. Мой английский тоже не очень. Только странно все это. Вы считаете, что у африканских детей уже все есть и им осталось подарить очки от солнца? И для этой цели лучше всего подходит русский актер? Русские – дураки, и стоят много дешевле, чем все остальные? А вы знаете, сколько мне заплатила швейцарская фирма за рекламу известных часов?!

– Знаю. Знаю также, что вы отказались от очень выгодного предложения – рекламы кроссовок «Адидас». Накануне чемпионата мира по футболу – очень актуально. Для меня было странно, что для рекламы спортивной обуви они выбрали вас, а не спортсмена. Вероятно, у них была какая-нибудь необычная идея. Кстати, в конце концов они решили не экспериментировать и нашли вам достойную замену. Дэвид Бекхэм рекламирует их легендарные кроссовки.

– Вы не сказали, как вас зовут, мисс. У вас такой интригующий голос. Низкий, бархатный.

– Зовут меня Катрин Джойс.

– Катя, Катерина. Вам, Катя, скажу, я испугался, что после кроссовок мне предложат рекламировать презервативы, как особо мужественному персонажу. Вы понимаете меня, Катя? А я не хочу этого делать. Я хочу играть в пьесах Шекспира, хочу сыграть Гамлета!

Катрин задумалась о том, как повернуть разговор в нужную сторону и не нарушить неустойчивого равновесия. Наилучшим она сочла распрощаться, чтобы дать возможность Павлу поразмыслить над сказанным, а самой подготовиться к атаке.

– Не буду настаивать. Я перезвоню вам, если позволите, в ближайшее время. У нас очень мало времени. Затмение солнца ожидается через двадцать дней! До свидания, мистер Павел.

– Вы меня заинтриговали, Катрин. Пока.

Карлос, или Дон Карлос, как называли его близкие друзья, решил походить по выставкам фотографов в надежде набрести на интересную модель. Знакомый фотограф рассказал о необычной выставке, экспонирующейся в одном из центральных салонов их города. Он окончательно заинтриговал Карлоса туманными рассуждениями на тему о том, что человечество стареет, но это не значит, что все, кто перешел Рубикон и попал в разряд «senior», как в последнее время стали красиво называть на Западе, а особенно в западной рекламе людей пожилых, должен посыпать голову пеплом и смиренно, соблюдая диету и не совершая безумств, ждать неминуемого конца. Карлос как нельзя кстати вспомнил о словах Филиппа относительно зрелых моделей.

Небольшой зал был полон. Давно Карлос не имел возможности наблюдать в одном месте такую разнообразную публику. Подростки в своей любимой униформе: джинсы-кроссовки-рюкзак, различающиеся лишь татуажем и пирсингом, элегантные дамы в шляпках и перчатках и седовласые старики и старушки с палочками, в толстых очках и со слуховыми аппаратами. Карлос не без труда пробился сквозь толпу живописной публики и не пожалел, что пришел. На него со стен смотрели старые, очень старые люди, не утратившие радости жизни и даже своеобразного кокетства. Он долго с удивлением и удовольствием разглядывал портрет женщины в живописном красочном платке, завязанном тюрбаном. Живые голубые чуть выцветшие глаза на морщинистом лице. Белая кожа, собравшаяся в морщинки, тем не менее, казалась светящейся, прозрачной, почти фарфоровой, тонкий нос с горбинкой, узкая полоска губ, сжатых в усмешке, оставляли впечатление своеобразной прелести и достоинства, которого зачастую бывают лишены лица, над которыми слишком долго работали пластический хирург и гример. Посреди зала был установлен круговой стенд. На нем фотографии этих же людей. Общим элементом этих фотографических портретов являлся один и тот же жест, одна удивительная деталь: все патриархи держали в руках паспорта, раскрытые на страничке, где указан их возраст. Сначала Карлос не поверил своим глазам. Он надел очки и внимательно изучил все цифры. Судя по датам рождения, самому молодому из этих людей уже исполнилось сто лет. Восторг и интерес европейской публики был очевиден. Выставка называлась в согласии с представленными работами «Остановка в краю столетних патриархов». Фотограф Фредерик Ляшоп, сделавший столь удачные снимки, провел довольно много времени в горах, прежде чем столетние патриархи позволили сфотографировать себя в привычной для них среде. Все люди, пришедшие на выставку, несмотря на разницу лет и социальную принадлежность, надеялись на то, что и им, возможно, улыбнется удача: дожить до возраста библейских патриархов, так же, как и этим старикам из далекого Лерика, горного села в Азербайджане. Эту страну большинство из посетителей не знали. Некоторые слышали что-то о нефти и Каспийском море. Портреты стариков вызвали такой восторг, что все заговорили об источнике эликсира молодости, «l'eau de jeunesse», по всей вероятности, быющем в этом краю. В одном из стариков Карлос узнал себя таким, каким он стал бы, дожив до ста лет. Тяжелый, нависающий над ртом нос, глаза в глубоких глазницах, а над ними живописные кустистые брови. И самое главное: пронзительный взгляд, высвечивающий подобно лучу рентгена нутро собеседника. Кто-то больно ударил Карлоса в спину. Обернувшись, он обнаружил за своей спиной живописного, почти такого

же, как на фотографиях, старика. Белые космы рассыпаны по плечам; выдубленная, сожженная загаром морщинистая кожа и пронзительно-голубые глаза. Старик был одет в цветастую гавайку и светлые брюки. В руках он держал шишковатую палку. Он ударил Карлоса именно этой палкой.

– Извините, я случайно задел вас.

Карлос еще раз внимательно оглядел старика с головы до ног.

– Позвольте представиться. Карлос Гомес. Я думаю, мы не случайно встретились с вами. Я почти уверен, что мы подружился.

Старик с недоумением и некоторой опаской смотрел на Карлоса.

– Может, вы полагаете, что я сказочно богат, у меня нет наследников, и я нуждаюсь в опекуне? Я бедняк. У меня нет ничего, кроме воспоминаний о бурной жизни, – и через вздох, – грех жаловаться, жизнь у меня и сейчас довольно необычная!

Карлос искренне огорчился тому, что для незнакомого человека его внешность идальго сама по себе уже не являлась доказательством порядочности.

– Нет, нет, что вы! Зачем вам опекун?! Наоборот – я не сомневаюсь, что вы сами можете с успехом опекать кого угодно, да хоть меня, – Карлос засмеялся, надеясь вызвать у старика цепную реакцию смеха.

– Тогда я не совсем понимаю, чем же так интересна наша встреча?

– Я хочу сделать вам предложение. Предлагаю вам попробовать себя в качестве рекламной модели?

– Кого, простите? Рекламной модели?! Молодой человек, если вам взбрело в голову посмеяться над моими сединами, то вы выбрали не самую лучшую жертву, – старик схватил руку Карлоса железной хваткой, – у меня еще достаточно силенки, чтобы наказать того, кто захочет развлечься за мой счет.

Карлос не без труда освободился от клешни старика.

– Вы же пришли посмотреть на стариков из далекой страны? Вам же интересно? И не только вам! Посмотрите, какой успех! Вы сами видите, что не только старики собрались здесь, чтобы посмотреть на других стариков. Нет! Здесь все, кто надеется дожить до старости. И не просто дожить, а сделать это так, как эти люди на фотографиях, – Карлос внимательно смотрел на старика, пытаясь угадать, о чем он думает, – и за это вы можете получить неплохие деньги. Что бы вы сказали, например, о двухстах евро в день за несколько часов работы в качестве модели. А если таких дней набегит несколько?! Как вы на это посмотрите?

Старик казался ошарашенным. Он стал сильнее опираться на палку и потерял весь свой апломб. Карлос пожалел «старого пирата», как он обозвал про себя старика:

– Не сомневайтесь в том, что мое предложение совершенно серьезно. Мы можем прямо сейчас пойти в нашу фирму, это здесь недалеко, и решить – получится у нас что-нибудь из этой затеи или нет.

Старик колебался. Чего мог опасаться такой старый и не особо любимый родными человек? Возможны, конечно, всякие каверзы фортуны, бывшей его подружки, так внезапно разлюбившей его. А вдруг она вспомнила о прежней благосклонности?! И вот он уже наследник богача, отправившегося в лучший мир и оставивший по странной прихоти ему, старику, громадное состояние? А этот молодой человек – первый из армии прихлебателей, которые набросятся на него, как пирани на беззащитную жертву.

– Как вы сказали, вас зовут, любезнейший?

– Карлос Гомес.

– А не родня ли вы старому разбойнику Нерону, как мы называли его когда-то, капитану каботажного судна. Ну, и контрабандой, конечно, он не гнушался, когда случай подворачивался? Нероном его прозвали за любовь к музыке. Петь он не мог, медведь на ухо наступил, вот Нероном его и стали называть. Вы очень похожи на него!

– Нет. Нет. Я из сухопутной семьи. Все мои родные – мелкие землевладельцы,

если хотите, крестьяне.

Старик немного успокоился и довольно бодро шагал, лишь иногда опираясь на палку. Только тут Карлос заметил, что «пират», а теперь он уже не сомневался, что точно угадал род занятий старика, прихрамывает. Также Карлос заметил, что не очень любопытные от природы прохожие оборачиваются, чтобы посмотреть вслед необычной парочке. Они и в самом деле являли собой интересное зрелище: колоритный старый разбойник и изможденный идадьго средних лет. Карлос убедился в правильности своего выбора, когда к ним подошел иностранец в шортах, весь увешанный фотоаппаратами, судя по внешности, японец, и попросил разрешения сфотографировать их на фоне старинного собора.

Филипп сидел в своем кабинете. Никто не решался без крайней нужды заглядывать в кабинет шефа, зная по опыту, что в такую минуту ему лучше не попадаться на глаза. Час X приближался, а они так и не определились с кандидатурой главной модели. Более всего Филиппа беспокоила невозможность оттянуть, перенести время ожидаемого события. Солнечное затмение не подчинялось людям. И нужно было успеть. Катрин вела нудные переговоры-разговоры с русским актером. И, судя по ее тону, Катрин уже не столько интересовал деловой аспект ее телефонного общения, как неожиданно возникший неподдельный интерес русского к ней. Филипп почувствовал неладное, услышав, как Катрин назвала актера в беседе с Эмили Павлушой. Это русское уменьшительное имя для Павла, как она объяснила Эмили. Вдруг вспомнив об этом ласковом имени, Филипп вызвал к себе Катрин:

– Расскажи, как продвигаются твои переговоры с русским актером. Как ты его называешь, Катрин, ...Пав-лу-ша?

– Да, а что?! Мне же нужно было наладить с ним контакт!

– Вижу, вижу, контакт получился. Так он принял твоё деловое предложение? Или вы договорились о чем-то другом? Кстати, вы такие милые беседы ведете, а он видел тебя? Или он обращается к воображаемому собирательному образу? Ему не впервой в роль входить.

Катрин казалась обиженной:

– Филипп, вы находите, что мной нельзя заинтересоваться как женщиной? Вы сильно ошибаетесь, Филипп. Я отослала ему по мейлу несколько моих фото в разных видах. Вот так-то, Филипп, дорогой. Я не исключаю того, что буду иметь успех у мужчин, и почему бы не начать с Павла?

– Дорогая Катрин, – Филипп подошел к ней совсем близко, – я просто не сомневаюсь в том, что ты будешь иметь оглушительный успех у мужчин. Ты ведь совершенно точно знаешь, чего они ждут от тебя. Я просто хочу уточнить, что в данном конкретном случае у нас нет времени на прелюдию, нам нужен результат и немедленно. Это так просто, Катрин... Твой Павел соглашается на все наши, а вернее твои условия, или пошел к черту! – в дверь постучали. Филипп громко ответил: – Входите.

В кабинет осторожно вошел Карлос, а за ним следом, стуча палкой, старый пират. Старик внимательно оглядел комнату, задержался взглядом на двух картинах. На одной – безбрежная пустыня, с громадным, чудом выросшим кактусом в углу картины. И если приглядеться, то можно увидеть на кактусе размытый бледный розовый цветок, похожий на диковинную птицу. На другой картине – бушующий океан и утлое суденышко во власти громадных волн в снопе волшебного света, спускающегося из прорехи в свинцовых тучах. Второй картиной пират особенно заинтересовался. По тому, как он придиричиво разглядывал судно, он, вероятно, пытался рассмотреть, есть ли на ней люди, либо это брошенный корабль, вроде «Летучего Голландца». Катрин оживилась при виде столь живописного персонажа, казалось, спасшегося после бури, но не успела она раскрыть рта, как вмешался Филипп:

– Я вижу, вас заинтересовала картина. Она напомнила вам что-то из вашей жизни? Вы так пристально ее разглядываете.

Старик перевел взгляд на Филиппа:

– Не нужно быть особенно проницательным, чтобы догадаться, что я имею некоторое отношение к морской теме. А вот я могу сказать вам, только поглядев на ваши картины и не взглянув на вас, что вы все время гонитесь за призраком. За ускользающей мечтой. Найти в пустыне расцветший кактус, спастись в шторм, очевидно, волшебным способом. Только вряд ли вы ее догоните. Да, в общем, ваша цель не просто ускользает от вас, вы в ней особенно не заинтересованы. Вам интересен процесс преследования, – старик устал стоять, опираясь на палку, и опустился на жесткий стул, не дождавшись приглашения сесть.

– Карлос, кого ты нам привел? Я было подумал, старого пирата, которого интересуют только «пиастры» да бочонок рома, как Сильвера! А он почти такой же философ, как ты, Карлос?

– Нет, Филипп, я полагаю, что наш уважаемый... – Карлос запнулся, вспомнив, что он так и не спросил у пирата, как его зовут, – видишь, Филипп, я так был очарован внешностью господина, что не спросил имени. И это как раз то, о чем ты мне говорил, помнишь, о зрелых моделях. Наш уважаемый...

– Сильвер, зовите меня Сильвером, тем более, что я как никто другой понимаю старого разбойника.

– Господин Сильвер знает, что мы хотим ему предложить, – Карлос переводил взгляд с Филиппа, с интересом оглядывающего пирата, на старика, вдруг заметившего Катрин.

– Извините, я не сразу заметил даму. Позвольте представиться, Сильвер, – пират галантно поклонился.

Катрин с удовольствием откликнулась:

– А меня зовут Катрин. Я надеюсь, мы будем с вами сотрудничать. Почему бы и нет? Вы так живописны! Мы могли бы прямо сейчас попробовать сделать несколько снимков.

Филипп вместе с Карлосом заинтересованно смотрели на оживившуюся Катрин и Сильвера. Они тихо переговаривались. Филипп отозвал в сторону Карлоса:

– Что и говорить, Карлос, интересного старичка ты нам привел. Только я не очень уверен, что, глядя на него в темных очках, кто-то действительно страстно захочет купить точно такие и только такие очки! Все-таки идея с известным персонажем мне кажется удачнее.

– Филипп, мы немного потеряем на этом деле. Ну, поснимаем старого пирата. В конце концов, это же не гонорар европейской знаменитости! Я обещал ему всего двести евро за день.

– Карлос, а ты считаешь, что это не деньги?! Кто бы мне заплатил за пару часов такую сумму! Ладно, ладно, будем считать, что ты меня уговорил.

Старика отвели в студию фотографа. Эмили случайно оказалась в студии. Она разглядывала рекламные журналы, пытаясь выудить рациональное зерно из красивых приторных картинок и не задержалась ни на одной из них. Ни одна из рекламных радостей не задела ее. Ей не захотелось ничего из того, что предлагали гладкокожие белозубые длинноногие красавицы и мужественные красавцы с тяжелыми подбородками и орлиным взглядом. Она давно работала в рекламе и прекрасно представляла, каким образом делается та или иная картинка. Совсем, как повар, долгое время проработавший в ресторане, Эмили точно знала, что можно сделать вполне приемлемое и внешне привлекательное блюдо из вчерашних отходов. Каждый раз, когда ей приходилось браться за новую рекламную кампанию, она предполагала сделать что-то новое, необычное. Не просто рекламный ролик со стандартным эффектом гламурности, а маленькое произведение искусства. Ей не удалось осуществить свое желание по той

причине, что никому, кроме нее и, может быть, еще Карлоса, не нравились ее идеи. И приходилось подчиняться вкусам большинства, лишь чуточку разбавляя рекламу искоркой своего воображения. Когда в студию вошел пират в сопровождении Карлоса, Эмили подпрыгнула от удивления. Пират заинтриговал ее.

Фотограф, деликатно направляемый Эмили, снимал старика в разных ракурсах: в очках, с очками, поднятыми на лоб, с очками в руках. На последнем снимке Сильвер сидел в кресле со спущенными на нос очками, поверх которых глядел только один глаз, другой был закрыт черной повязкой. Эмили попросила надеть эту повязку. Карлос просительно посмотрел на Эмили и получил лаконичный ответ:

– Я просто хочу сказать, что когда у тебя остался только один глаз, его нужно особенно беречь, и тут, конечно, не обойтись без темных очков.

Пират устал. Он посмотрел на Карлоса, и тот сразу же понял, что старика нужно отпустить. Он исчерпал свои физические возможности. Карлос взял его координаты и обещал позвонить, как только будет решен вопрос. Сильвер с благодарностью пожал ему руку, кивнул Эмили и, опираясь на палку, вышел из комнаты.

После ухода старика все сгрудились у компьютера фотографа, чтобы посмотреть на живописного пирата. Фотограф вытащил фотографии с принтера, предварительно показав их в увеличенном виде. Снимки получились интересными. Филипп внимательно смотрел на экран, пытаясь поставить себя на место потенциального покупателя. «Будь я потребителем со средним достатком, каким я и являюсь, захотелось бы мне, глядя на этого деда, купить те же очки, что у него? Вряд ли... И зачем мне становиться похожим на него? Вот если бы я был его ровесником, то, возможно, посмотрев на загар, еще густую шевелюру, я и купил бы очки. Вот последнее фото, где он с повязкой на глазу... Это интересно... неохваченные еще инвалиды, с одним глазом, тоже могли бы влиться в когорту покупателей. Почему бы и нет? Да и те, кто опирается на костыль или палку – вон на том фото, пират это делает особенно заметно».

Филипп казался почти умиротворенным. Как это у него бывало обыкновенно, промучившись некоторое время в поисках решения, он совершенно точно мысленно увидел рекламный клип. Он не стал делиться своими мыслями, а лишь коротко бросил:

– Выезжаем на место через три дня. Я доволен работой Карлоса и Эмили. Пират, по-моему, будет иметь успех. Особенно в Африке. А ты, Катрин, ставишь ультиматум русскому. Если он согласен, мы закажем ему билет и на месте будем импровизировать.... Ну, а если он откажется, я даже не очень расстроюсь по этому поводу. Да! Пока не забыл! Нам еще нужна будет маленькая симпатичная обезьянка. Я предвижу, что вы посоветуете не везти ее с собой, потому что в Африке этого добра навалом. Я – против. Обезьянка должна быть ручной, и нужно, чтобы ей были сделаны все прививки, и чтобы она подружилась с пиратом!

Катрин отреагировала мгновенно:

– Вы забыли о большом разноцветном попугае. На одном плече у пирата будет обезьянка, а на другом – попугай! Это так оригинально! Особенно для Африки!

– Ты не угадала, Катрин. Впрочем, ты все увидишь на месте.

В последнюю минуту Павел согласился работать за символическую сумму. Ему захотелось развеяться. Уехать на край света. Да хоть в Африку! И почему бы не встретиться с Катрин? Увидев ее в первый раз, он подумал о том, какая классная женщина перед ним. Высокая, мускулистая, элегантная, знающая себе цену. Потом поймал себя на мысли, что Катрин не смутилась под его пристальным, изучающим взглядом. Ему даже показалось, что она забавляется таким откровенным вниманием с его стороны. Как будто для того, чтобы подзадорить его, она была вызывающе одета, а вернее, раздета. Остальные члены экспедиции не вызвали у него такой острой реакции. Он задержался взглядом только на живописном пирате. Вся группа поселилась у колдуна,

взявшего на себя обязанности местного менеджера. Выбор помещения оказался удачным, потому что никто из очень беспокойного, а временами откровенно скандального населения, не решался беспокоить гостей, а, скорее всего, они боялись потревожить колдуна. За пять дней до затмения солнца Филипп рассказал, наконец, о своей идее, заявив попутно, что собирается дирижировать всем процессом снятия клипа, и что его идея не подлежит дальнейшему обсуждению. Старик в очках, опираясь на палку, должен находиться в окружении детей, также в очках. В кадре должен быть отчетливо виден серп солнца, отобравшего в день своего затмения эту картинку у соперницы луны. К старику приближается шикарный Павел, также в очках и с обезьянкой на плече. Как только они встречаются, обезьянка прыгает на плечо пирата, срывает с него очки, обнаруживая при этом повязку на глазу пирата, и водружает их себе на нос.

– Я все учел, если только вы обратили внимание! Четко расставил акценты везде, где только это было возможно. В этой рекламной акции охвачены все слои населения. Обратите внимание! Начинаем с детей! Дальше идет Павел – молодой, красивый, богатый, успешный, судя по одежде, мужчина. Наконец – старый пират! Здесь вообще целый букет. Он не молод, интересен для пожилых, к тому же в некоторой степени он привлекателен для инвалидов, Сильвер опирается на палку, и у него закрыт повязкой глаз. Обезьянка тоже мечтает о наших очках!

– А обезьянка, по вашему мнению, Филипп, символизирует Африку? Или я чего-то не поняла? И если вы намерены охватить как можно больше потенциальных покупателей, то где, я вас спрашиваю, женщины? Вы забыли о женщинах?

– Ярая защитница прав женщин! Как я тебя понимаю, Катрин! На твоём месте я вел бы себя так же, – Филипп не смог удержаться от иронической улыбки.

В разговор вмешался Павел, встав на защиту обиженной:

– Согласен с доводами Катрин, по-моему, уже поздно искать женскую модель, да и не нужно! Катрин, – тут он лучезарно улыбнулся, – прекрасно справится с ролью. И я даже вижу, как это может быть. Два полюса в кадре. Один – это Сильвер с детьми, второй – это Катрин также с детьми. Появляюсь я с обезьянкой, и все приходит в движение. Мы соединяемся в одну группу. А дальше, по вашему сценарию, обезьянка прыгает на плечо к Сильверу, а Катрин улыбается мне, и мы все обращаем взоры к обиженному светилу. Естественно, все, все, все в очках, и даже обезьянка.

Филипп, скрепя сердце, согласился с предложением Павла. Прежде всего потому, что ему уж очень хотелось охватить всю аудиторию, прильнувшую к экранам телевизоров. Без женщины, особенно сегодня, клип в самом деле может провалиться. Катрин будет смотреться чудесно на фоне мужественного Павла, а те, кто знаком с ней, как с мужчиной в прошлой ее жизни, подогреют интерес окружающих, рассказав некоторые пикантные особенности ее непростой судьбы. Репетиция прошла на ура. Обезьянка и та с ходу поняла замысел Филиппа. Единственный минус заключался в том, что детей было немного. Карлос предложил снять основные кадры, затем в день затмения снять светило и в спокойной обстановке смонтировать клип. Филипп и тут проявил власть: «Снимать будем все сразу! Я хочу, чтобы все было, как в жизни!»

Наступил день солнечного затмения. С утра в деревню на джипах и вертолетах стали съезжаться туристы со всего мира. Рекламная группа готовилась к съемке, раздавала очки и пыталась контролировать ситуацию. Поднялся страшный шум. Из домов высыпали стар и млад, неся в руках погремушки, утварь, стуча колотушками. Впереди толпы шел колдун в очках и ожесточенно размахивал трещоткой. Филипп с проклятьями устремился к толпе. Он пытался напомнить их предводителю о договоре, но чем громче он кричал, тем сильнее распалась толпа, и яростнее стучали колотушки. Обессилев и поняв тщету своих усилий, он вернулся к своей группе, обреченно, без очков, наблюдая за закрывающимся светилом. Группа сгрудилась вокруг него, предварительно надев очки, чтобы не повредить зрение, глядя на обиженное солнце. Когда наступил момент затмения, обезьянка, смирно сидевшая на плече Сильвера, несмотря

на оглушительный шум, будто обезумела. Она по головам добралась до колдуна, выделывавшегося в толпе яркой одеждой и раскрашенным телом, сорвала с него очки, бросила их оземь и принялась топтать.

Карлос снимал на камеру все происходящее без всякой команды со стороны совершенно деморализованного Филиппа, просто получая от этого удовольствие. От неожиданной атаки обезьянки, колдун перестал шуметь, и тут же, как по команде, застыли все его соплеменники. Наступил миг полного затмения солнца. Все лица повернулись в сторону светила в траурном одеянии. Оператор продолжал снимать, выхватывая разные персонажи из толпы.

Из грандиозного замысла Филиппа уцелел один Сильвер. Он одиноко стоял на возвышении, опираясь на палку и подняв лицо, наполовину скрытое очками, к серпу солнца. Карлосу удалось передать ностальгическое настроение старого пирата, наблюдавшего за померкшим светилом.

Рекламный клип имел оглушительный успех. Эмили сместила акценты. В тексте, сопровождающем картинку Сильвера, не вспоминали ни об осчастливленных африканских детях, ни о неслыханной благотворительной деятельности фирмы. Под африканскую музыку в сопровождении там-тама, доверительный хриплый голос Сильвера вещал: «Наши очки – вторые очи, даже солнце меркнет перед их блеском...»

Клакер

Настал тот самый день. Приятный осенний спокойный день, раскрашенный разноцветными деревьями, роняющими листву. Ветер оставил свои забавы и не пытался залезть под юбки проходящим женщинам. Невинное это занятие быстро наскучило ему прежде всего потому, что женщины все меньше и меньше носили юбки, предпочитая им брюки, переставшие быть символом мужественности. Ремесло дворника также не приносило ветру удовольствия. Он все больше склонялся к мысли, что роль метельщика в тесных городах, где люди как будто задались целью нагромоздить на небольшой площади как можно больше уродливых сооружений, – неблагоприятное занятие; и как бы ни стремился чистюля ветер разметать и развеять в прах кучи мусора, у него ничего не получалось. После любой самой тщательной уборки результат был неизменным: грязь, вонь и пыль. Что ему оставалось? Удалиться по-английски, не попрощавшись.

Солнце находилось в раздумье, оно никак не могло принять окончательного решения. То ли пора немного отдохнуть после летней, изнурительной работы, когда жарить без продыха целые дни напролет, то ли все-таки блеснуть золотым лучом, оживить и поддержать редкие оставшиеся в живых деревья, не проглоченные домами-завоевателями. Оно приняло соломоново решение. Выглядывало, красуясь и давая возможность полюбоваться на себя другим, и пряталось за тучки.

Вот в такой самый чудесный по городским масштабам день молодой человек приятной наружности, полный самых радужных надежд, под стать чудесной погоде, решил взяться за ум. Причины, подвигнувшие его к столь серьезному решению, были очень основательными. Среди них можно назвать самую немаловажную, а самое главное занудную, как назойливая муха, причину: бесконечные уговоры, советы и наставления мамы и бабушки. Но не только это заставило его подумать о своем блестящем будущем. Легкие деньги кружились в воздухе под стать падающим осенним листьям. Бесконечные шоу, парады, концерты. Блестящие, как конфетные обертки, звезды шоу-бизнеса, супер, мега стары и старлетки, старые зубры, не помышляющие о том, чтобы уйти на покой, кричали, молили со всех сторон, лишив надежды побыть в тишине и подумать о душе. Делали они это весело, со страстью, которую можно объяснить только большим количеством денежных знаков, получаемых за обаяние и кураж. Иногда Жану, так зовут нашего героя, начинало казаться, что он уже влился в этот веселый звезд-

ный хоровод. Необычное для постсоветского пространства имя ему придумала бабушка, экзальтированная особа, начитавшаяся французских романов. В свое время бабушке, звезде самодеятельного коллектива, с успехом исполнявшей цыганские романсы грудным голосом, прочили карьеру певицы. Но не сложилось. И вот теперь все надежды, все несбывшиеся желания должны были воплотиться в Жане.

Молодой человек, вопреки чрезмерной опеке и любви матери и бабушки, умудрялся сохранять относительную независимость. Удавалось это только потому, что он имел счастливый характер «пофигиста». Ему были безразличны многие события, происходящие в жизни его семьи, друзей и тем более города и страны, превратившейся из большой могучей державы в захолустное окраинное государство, похожее на все развивающиеся государства, разбросанные по свету, с небольшой поправкой на местный колорит. Жан не знал, не жил в другом городе, в другой стране. Все, что происходило с ним сейчас, и являлось его настоящей жизнью. Никакой ностальгии и душевных метаний, в отличие от своих родных женщин, молодой человек не испытывал. Он также не воодушевлялся никакими стремлениями и планами на будущее. Жан жил совершенно так же, как когда-то мудрейший философ Диоген в бочке. Радовался тому, что есть у него сегодня. Недавно он услышал по радио, что один из еврейских министров, Зиберман, активный правый радикал, сторонник партии войны, родился и вырос в том же государстве, что и мать и бабушка Жана. До того, как уехать в Израиль и заняться прибыльным делом политика, молодой Зиберман жил себе в городе Кишиневе и ничем особым не отличался от сверстников. Разве что баловался написанием театральных пьес. Какое-то время он занимался тем же ремеслом, что и ветер. Был метельщиком. А вот в Израиле он срежиссировал собственную политическую карьеру и надо заметить, очень успешно. Жан вспомнил о родных политиках, один из которых не только занимался прибыльным делом политика, но с некоторых пор стал активно петь. Его совершенно не смущал тот факт, что на ухо ему наступил не просто медведь, а какой-то сохранившийся с ледникового периода мамонт. Публика ревела от восторга. Желание заняться чем-то важным, не требующим большого напряжения и труда, как это представлялось Жану, совершенно ясно сформировалось. Он решил для себя, что станет звездой эстрады либо политики. Чем, в сущности, по мнению Жана, занимается политик? Тем же, что и звезда шоу-бизнеса. Он продает мечту! Казалось бы, мечта у каждого своя? Ан, нет! Мечта, так же, как и фастфуд, и серийные дома-коробки, и бесконечные мыльные оперы, может быть стандартной, правда, вполне соответствующей «международным» стандартам. Нужно только знать правила, по которым кроют и шьют мечту. А с тех пор, как мир из двухполярного стал однополярным, то естественно из существовавших двух моделей мечты осталась лишь одна. Неприятная мечта общества потребления, простая и без особенных выкрутасов. Чем больше ты потребляешь, тем ты успешнее, умнее, лучше, красивее и даже любимее. Мысли, вдруг поселившиеся в голове у Жана, как неистребимый микроб, искали выхода. Не привычная для молодого человека работа мозга лишала его обычной невозмутимости. Он стал подмечать вещи, мимо которых совершенно бесстрастно проходил мимо. Увидел, что погода для осени чересчур теплая, что дворнику, наверняка так же, как и ему, Жану и вездесущему ветру, наплевать на кучи мусора и собачье дерьмо, что женщины и впрямь стали почти такими же агрессивными, как и мужчины, и многое другое, чего раньше он не видел или не хотел видеть. В таком состоянии духа Жан прогуливался с любимой собакой мамочки, со странной кличкой Принц Чарльз, тем более необычной для пекинеса, с его азиатской мордочкой и счастливым неконфликтным характером. Гулять с собакой не входило в постоянные обязанности Жана. Впрочем, у него и не было никаких обязанностей. Все, что он соизволял делать, воспринималось домашними как милость, каприз любимого чада. Вот и сегодняшняя прогулка с собакой так же явля-

лась прихотью Жана, пожелавшего пройтись по осеннему парку и нашедшего для этого очень удобный предлог – прогулку с собакой. Вдоль по аллее, разбрасывая в разные стороны осеннюю листву, прямо навстречу Принцу Чарльзу во весь опор летел питбуль, злобно осердив пасть. Жан не растерялся и проворно подхватил Чарльза на руки. За питбулем вприпрыжку, стараясь удержать на поводке неукротимую собаку, летел молодой человек на вид чуть старше Жана. Молодые люди чуть не столкнулись лбами. Их встреча случилась как нельзя более кстати для Жана. Владельцем питбуля оказался известный в городе ведущий шоу-программ, секс-символ страны Коля Понайотов. Вспомнилась Жану поговорка: «На ловца и зверь бежит», и с улыбкой, об обаянии которой ему время от времени напоминали мать и бабушка, он обратился к Коле, справившемуся, наконец, со своим страшным зверем:

– Серьезная у вас собачка! Моему песику несдобровать, если на него набросится ваш питомец,

– Как хорошо, что вы вовремя схватили вашего малыша! Страшно подумать, что могло случиться. Мой Аид с утра обычно бывает не в духе, поэтому я гуляю с собакой очень поздно, а сегодня черт попутал...Такое утро! Я не в студии, вот и решил прогуляться.

Понайотов оказался разговорчивее, чем можно было предположить, учитывая его безумный рабочий график и вынужденное словоблудие в студии. Знакомые Понайотова с завистью отмечали, что Коля может говорить без перерыва пять дней кряду, надо лишь менять батарейки. Молодостью, вероятно, можно было объяснить тот факт, что он еще не научился экономить свои силы, как скряга-ветеран, знающий цену каждому дополнительному усилию, каждой беззаботно подаренной улыбке.

Жан тут же подхватил беседу, зная, что такая удача – выплыть на нужного человека в подходящий момент, – не улыбнется дважды.

– Какое интересное имя у вашего песика. Какой замечательный у вас мальчик!

– А моя собака не мальчик, а совсем даже наоборот, девочка, то есть сука. А зовут ее Аид, потому что у нее такой же отвратительный характер, как и у царя подземного царства. Вот поэтому ее и зовут Аид, хотя логичнее было назвать Аида. Только Аида – это совсем из другой оперы. Из оперы Бизе, кажется. А может, и нет.

– Верди, – скромно опустив глаза, поправил Жан, для которого не прошло даром бабушкино воспитание.

– Да, действительно... Верди... А что, разве не заметно, что это девочка? – Коля поднял свою собачку, чтобы продемонстрировать пол питомца.

– В самом деле. Девочка. Вот что я хотел у вас спросить, как только увидел. Вы ведете передачу в самый прайм-тайм. Вот скажите, пожалуйста, вы сами выбираете темы передач или этим занимается кто-то другой?

– Как вас зовут?

– Принц Чарльз.

Увидев недоумение Коли, Жан поспешил уточнить:

– То есть так зовут мою собаку, а меня зовут просто Жан.

– Да! И собаку, и вас зовут необычно. Но в этом что-то есть.

Коля самому себе не мог объяснить, что такое могло произойти в атмосфере, что он запросто беседует с первым встречным пареньком и не боится, что тот оторвет у него рукав от куртки на сувенир или не набросится на него, чтобы задушить в объятиях.

– А вы как думаете? – Коля Понайотов не упустил возможности прощупать своего потенциального поклонника

– Я думаю, вы сами, что вы сам, то есть, выбираете тему. – Жан радостно взглянул в глаза всенародному любимцу.

– Ну, в общем, так и есть, хотя и другие люди тоже задействованы. Режиссер передачи, оператор, гример. Вы, наверное, и без меня все это знаете. Имена этих людей пишут в титрах передачи.

– Да, конечно, я знаю. Вот я и хотел вас спросить. Как вы думаете..., – Жан еще умильнее посмотрел на Колю, – для такого человека, как я, найдется ли место у вас в передаче или где-нибудь рядом с вами?

Коля с интересом посмотрел на нахала оценивающим взглядом. Вспомнил себя юного, неискушенного и наглого одновременно. Захотелось побыть меценатом, почувствовать себе благодетелем и преподать юнцу урок.

– Вы можете себе представить, сколько таких вот наивных вопросов, как ваш, я слышу от молодых, да и немолодых людей каждый день. Блин... простите, собака никак не угонится. И зачем вам, молодому, здоровому, – ведущий окинул взглядом выпирающие бицепсы Жана, – зачем вам сдался этот шоу-бизнес. У вас сейчас хороший ясный взгляд, здоровый цвет лица. Займитесь чем-нибудь полезным. Я вам это говорю, потому что в хорошем настроении и желаю вам добра! Вот к чему у вас есть склонность? Что вы любите делать больше всего?

Жан приуныл. «Конечно! Кто же захочет конкурента себе? Не дурак же он. Недаром говорят, что на телевидение его вытащила училка. Как нужно было ее убажить, чтобы она так постаралась! Нет! Этот хмырь мне не помощник!». Коля Понайотов тут же заметил перемену в Жане. Не зря прошло несколько лет работы ведущим самых скандальных передач. Он так же твердо, как и в студии, не дал возможности собеседнику сказать что-либо обидное в свой адрес, а тут же перешел в наступление:

– Вижу. Вижу по вашему лицу, что нет у вас никакого особенного интереса к чему-либо, следовательно, вы полагаете, что вам прямая дорога в шоу-бизнес.

– Или в политику, – Жан воспрял.

– В политику я вам не советую лезть, особенно у нас. Лучше иметь свой честно заработанный кусок хлеба, чем мифические миллионы, от которых можно заиметь несварение желудка. Знаете ли, у меня есть идея. Мне кажется, неплохая идея, если учесть, что у вас нет ни к чему особых способностей. Я правильно вас понял? Я заметил, и речь у вас не очень развита. Не обижайтесь! Сейчас это довольно распространенное явление. Однако не все так плохо! Как вы про Верди вернули! Классно! Да, я хочу вам предложить поработать у меня на передаче клакером! Именно клакером!

– Коля! Что такое вы мне предлагаете? Если что-то неприличное, то я не согласен. Моя бабушка пела в самодеятельности, а прабабушка, нет... про нее не буду рассказывать даже вам.

– Ничего неприличного я вам не предлагаю. А клакер – это очень востребованная сегодня профессия. И я думаю, в XXI веке эта профессия будет очень популярной. Клакер – это хлопальщик, понимаете? Тот, кто не жалеет своих ладоней, чтобы обещать успех другому, или наоборот. Это человек, могущий изобразить восторг или отвращение и вдохновить других людей. Чем не профессия? Это одна из вечных профессий, одна из древнейших профессий, ну, наряду с охотниками, пахарями, да и проститутками тоже... Очень полезная профессия. У нее, как и у всякой другой, есть свои тайны, история. Клакер может и загубить репутацию. Понимаете? Это очень тонкая штука. Существуют целые отряды клаки, то есть отряды клакеров. Вы в самом деле никогда не слышали о них? Впрочем, я тоже не слышал, пока не столкнулся сам. Да...Извините. Заболтался я с вами, мое гуляльное время давно вышло. Спешу! Всего хорошего. Надумаете, позвоните, – Понайотов протянул Жану визитку с одним-единственным телефоном. Визитка предназначалась именно таким вот случайным собеседникам великого Коли, – звоните лучше утром, до моей прогулки с Аидом.

Молодые люди попрощались и разошлись в разные стороны, влекомые своими питомцами. Жан вернулся домой переполненный впечатлениями и желанием выяснить что-либо о такой странной и редкой профессии «клакер». К кому можно было обратиться с подобным вопросом? Конечно, к мудрой бабушке, только к ней. Бабушка от-

ветила с ностальгией в голосе, что знавала в молодости одного клакера, очень, очень милого человека. Каждый раз, когда она выступала, он бросал к ее ногам букет алых роз. В самый подходящий момент, когда она пела романс, где была рифма «Розы – слезы», он кидал на сцену этот самый букет. «И что самое важное, – добавила бабушка, – он ни разу не промахнулся». Рассказала о том, что Шаляпин отказался от услуг клаки в «Ла Скала», и не пожалел об этом, потому что публика рыдала от восторга. Коля набрался смелости и спросил ее, сколько платила бабушка своему храбрцу клакеру за каждое меткое попадание. На что получил туманный ответ вроде: «И среди клакеров бывают приличные люди». На этом разговор закончился, едва начавшись. Через неделю, заметив непривычную задумчивость любимого внука, бабушка вспомнила их беседу и попыталась выяснить, от чего затуманился взор ее внука. Жан за это время успел навести справки у бывалых людей, а именно у митингующих, стоявших с транспарантами день-деньской и горланивших, что есть мочи, лозунги, набившие оскомину еще в позапрошлом веке. Жан решил про себя, что люди не будут просто так, задарма носить тяжеленные транспаранты и к тому же надрывать связки. Для этого у них должна быть веская причина. Скорее всего, эти добровольцы-доброхоты являются одним из подвидов все того же клакера. В ходе опроса Жан выяснил удивительные вещи. Открыл для себя очевидную истину, что за кажущейся простотой и наивностью может скрываться тщательно продуманная и блестяще спланированная акция. В случае с митингующими все было просто. Дядя Коля, удивительное совпадение, но предводителя митингующих звали так же, как и неотразимого ведущего. Так вот, дядя Коля организовывал массовку, как и любой грамотный политик средней руки. Он точно знал, кому и что можно посулить за активное участие в шествиях. Кому-то достаточно было просто славы, возможности находиться в кругу единомышленников, вместо того чтобы томиться в одиночестве в четырех стенах. Кому-то требовалось напомнить о героическом прошлом. Естественно, небольшая оплата предполагалась, но главное было в другом. Главное – сплотить и заразить вирусом мятежности. Если получится – любая задача по плечу, даже цветочная революция. Жан походил один день в митингующих, чтобы проверить себя и убедиться в том, что профессия клакера придется ему по нутру. К его разочарованию, в тот день среди обретенных единомышленников все больше встречались пенсионеры, таким образом зарабатывающие прибавку к пенсии. Когда Жан голосисто провозгласил проплаченный лозунг, одна из пенсионерок с завистью заметила: «Молодой еще, шел бы на завод или еще куда, нечего у людей работу отбирать».

Позже Жан отказался от непыльной, но, тем не менее, не очень увлекательной работы демонстранта. Он прочел в Интернете о том, что немецкие товарищи и в этом деле проявили свою немецкую педантичность и не пустили на самотек такой важный процесс, как манифестации протеста. Один предприимчивый немец из бывших восточных немцев создал банк данных, где были представлены самые разные кандидаты для участия в уличных демонстрациях. На каждого кандидата была открыта специальная карточка с параметрами, могущими заинтересовать потенциального работодателя: возраст, рост, цвет кожи и глаз, социальное положение и образование. «Конечно, – подумал Жан, – любая хорошо продуманная демонстрация должна объединять разных людей. Как все умно продумано!» И самый ключевой вопрос – почасовой тариф. Как ни странно показалось Жану, самыми востребованными и дорогими оказались ветераны профсоюзов.

Жан постепенно созрел. Принять странное предложение Коли Понайотова в первый момент казалось безумием. Но чем больше он думал о нем, тем яснее становилось, что это может быть один из возможных путей добиться успеха. Человек, от которого зависит успех, либо провал, – это интересно и перспективно. Вот, например, кем

можно стать, если «учиться, учиться и учиться», как говорила когда-то его бабушка. В новые времена она перестала Жану этим докучать. Можно стать кем угодно: математиком, биологом, врачом, журналистом, учителем, наконец. Да кем угодно!!! Только как ты будешь при этом жить, в развивающемся государстве? Плохо, ой, как плохо! А если стать звездой шоу-бизнеса? Хорошо! И для этого учиться не надо, наоборот, чем ты глупее, необразованнее и развратнее, тем ближе к «народу». А значит, тем больше будут любить и, соответственно, платить. Только опять но... Все захотят подсмотреть в замочную скважину, как ты живешь, с кем, когда, что ешь, пьешь... Тяжело. А если ты политик! Даешь пустые обещания! Живешь замечательно, спору нет. Как сыр в масле катаешься. Только если вдруг другой более удачливый политик тебя спихнуть захочет, тогда держись! Любые средства в ход пойдут. Так и до наемных киллеров рукой подать. В общем, грязное это дело – пустые обещания давать и прогнозы делать. Черчилль в свое время точно определил, в чем заключается ремесло политика – делать прогнозы. А потом, когда они не сбываются, объяснять, почему они не оправдались. Черчиллю легко было говорить, он-то был английским аристократом, мог себе позволить любую блажь, прогнозы делать или свиней разводить. Ему было куда отступать. В родное поместье. А у нашего политика, если есть руль, чтобы курс народу указывать, есть и все остальное с излишком. Отняли руль, все закончилось. Песенка спета. А если быть в тени и регулировать процесс, тогда можно предположить, что станешь необходимым, а следовательно, могучим, влиятельным и богатым. Конечно, «возможны варианты», как говорит бабушкина подруга Эсфирь Соломоновна. Но попробовать стоит. Жан позвонил Коле Понайотову в понедельник. Бросая вызов сложившейся несчастливой репутации понедельника, Коля снял трубку неожиданно быстро.

– Слушаю. Говорите, у меня очень мало времени.

– Я – Жан! Помните меня? У меня еще собака Принц Чарльз. Мы с вами гуляли вместе с собаками. А как поживает ваш Аид, то есть Аида?

– Послушайте, Жан, вы позвонили за тем, чтобы справиться о здоровье Аида? Я правильно вас понял? Так вот, моя собака совершенно здорова, чего и вашей желаю!

– Нет, нет. Я звоню, чтобы сказать вам, что я согласен!

– Согласен?! Что-то я вас не понимаю? На что вы согласны? И кто вас подослал? Чего вы хотите от меня? – голос Понайотова постепенно поднимался, но не дошел до критической точки.

– Я согласен стать клакером! Вы забыли, мы с вами говорили об этом! Вы сами предложили мне стать клакером.

– Ах, ну да. Конечно, – напряжение спало, Коля убедился в том, что это не происки врагов и почти нормальным тоном предложил, – конечно, приезжайте в студию. Я вам выпишу пропуск. Только не забудьте взять с собой документ, иначе наша доблестная полиция вас не пропустит.

Жан летел, как на крыльях. Коля Понайотов назначил ему встречу в маленьком кафе рядом со студией, пропахшим гремучей смесью крепкого дешевого табака, прокисшего кофе и одеколона того же качества. Неистребимый этот запах не вывели ни новые времена, ни евроремонты. Жан поморщился. Не так он представлял себе «святая святых».

– Значит так, уважаемый Жан. Через час начнется запись. Массовка, то есть наши зрители, а еще вернее клакеры, уже подходят. У вас есть свой режиссер. Он будет стоять в уголке, но так, чтобы вы все его видели. Конечно, камера будет его старательно объезжать. Ваша задача, Жан, во всем слушаться режиссера и никакой самодетельности! Считайте, что вы стажер. Если все пройдет удачно, и вы понравитесь режиссеру и главное мне, – тут Коля подмигнул, – тогда считайте, что вас приняли в труппу. Да, да. А если вы приглянетесь оператору, то, считайте, что вы сорвали Джекпот. Играть любите?

– Не знаю. Не пробовал. Бабушка говорит...

– Это замечательно, что вы все время цитируете бабушку. Это так трогательно! Как-нибудь вы мне о ней расскажете.

– Про бабушку? Вы шутите?

– Нет, не шучу. Вы же знаете, что я выбираю самые интересные темы в нашей студии. И как мне это удается? Я открыт для общения. Я не заиклен на себе. Могу разговорить любого человека, а я уверен, что вашей бабушке есть о чем рассказать. Надо подумать, – у Коли загорелись глаза, он представил себе, какой пикантной старушкой может оказаться бабушка Жана.

Студия, где Коля проводил свои шоу, была одной из самых больших и престижных. Народ подтягивался, и Жан сумел оценить профессионализм ведущего, тщательно подбиравшего не только эпатажные темы, но и клакеров и известных персонажей, призванных оживить передачу. В углу, как и обещал Коля, стоял режиссер и отдавал распоряжения зрителям. Жана усадили с краю, чтобы он не сильно бросался в глаза, а потихоньку привыкал к новой обстановке.

Обещанный час записи в студии превратился в два часа. Но все равно казалось, что время не продлилось, а сократилось вдвое. Настолько то, что происходило на глазах у Жана, оказалось увлекательным и скандальным. Коля Понайотов, имевший репутацию сторонника самых острых и неоднозначных тем, на сей раз выбрал довольно изученную и изъезженную вдоль и поперек тему проституции. Бесспорно, тема неисчерпаема, у нее есть много аспектов. Но Коля, как всегда, сумел повернуть обсуждение этой темы, не выезжая на столбовую дорогу «осуждения падших личностей обоего пола», а найдя небольшую, незаметную глазу тропинку проблемы «достоинства и условий работы этой категории трудящихся». Жана настолько захватил необычный взгляд на проституцию, что время от времени он забывал, для чего он находится в студии, и не успевал следовать за режиссером, четко регулирующим процесс. Коля пригласил в студию двух представительниц профсоюза этой профессии. Он не нашел мужчин, желающих поучаствовать в этой передаче, хотя лиц мужского пола, занимающихся этим ремеслом, с каждым днем становилось все больше. Они теснили женщин и с успехом выполняли их роль. И в качестве травести, искусно подделываясь под женщин, нагло пользуясь всеми современными косметическими достижениями и оставаясь в своей личине. Жан открыл для себя очень много нового. Совершенной неожиданностью оказалось существование профсоюза у этих людей. Понайотов коротенько рассказал о том, что те из проституток и проститутов, кто отказывается пользоваться поддержкой сутенеров, сплотились в дружный коллектив взаимопомощи. Кто-то даже вспомнил, что слово «сутенер» изначально имело вполне нейтральный смысл и во французском «souteneur» значит «защитник». Эти люди и захотели создать организацию, которая действительно стала бы защищать их интересы, не слишком грабя при этом. Присутствующие оживились, соскучившись по профсоюзам и другим структурам, призванным защищать их интересы, а не интересы многострадальных олигархов, и стали наперебой давать советы, как лучше организовать условия труда для такой непростой и опасной работы. Одна из феминисток «зажглась» и предложила выплачивать пенсию этой категории граждан гораздо раньше, чем другим. Как она выразилась: «за изнурительные и опасные условия труда». В зале появилась молодая дама в больших темных очках, очень скромно одетая, и заняла место в кресле. Чуть позже, во второе кресло плюхнулась разбитная баба солидных размеров. Первая дама говорила тихим, хорошо поставленным голосом. Правильная речь, манеры молодой женщины вполне соответствовали имиджу учительницы по этикету в престижном, дорогом лицее для детей новых граждан. «Учительница» рассказала о необычном опыте бразильских коллег. Они устроили дефиле на центральной улице Рио-де-Жанейро, где показали дневную и вечернюю, то есть рабочую одежду бразильских жриц любви.

Акцент был сделан на размерах моделей. Бразильянки выступили против изуродованных, изможденных моделей, заполонивших страницы модных журналов и телесериалы. Протест против худосочных дамочек, не способных удовлетворить даже одного единственного мужчину, был поддержан всем населением многомиллионного города. Трудящиеся сексуального бизнеса вспомнили об итальянских моделях. После того, как несколько девушек умерли от истощения, боясь не выдержать конкуренции с подругами, гремящими костями, итальянский парламент принял соответствующий закон. Согласно закону, для того, чтобы появиться на подиуме, необходимо было иметь определенный вес, не ниже установленной нормы. Например, девица ростом в 170 сантиметров должна весить не меньше 55 кг. Гвоздем дефиле, как и полагается на любом престижном показе, стало платье для новобрачной. Особенность его заключалась в том, что оно было сшито из кусков простынь разной расцветки: с цветочками, гладкими, стертymi до дыр, добытых в подозрительных мотелях, где протекает большая часть жизни этих дам. «Учительница» с таким воодушевлением рассказывала об этом знаменательном событии, что многие зрители прослезились, а Жан захлопал в момент, когда режиссер безмолвствовал. Он обратил на себя внимание оператора, показавшего его крупным планом. Свежий цвет лица, искренние глаза и выраженная мускулатура торса сделали свое дело. Жан понравился.

Пока выступала «учительница», «разбитная баба» то и дело пыталась вставить свои замечания. Получив слово, она, что называется, «сыграла на контрасте». Матерные выражения, слетавшие с языка, немало позабавили публику. Понайотов, рассчитывавший на подобный эффект, тем не менее, призвал женщину к порядку. Прежде всего потому, что телезрители были лишены этого удовольствия. Вся матерная речь заменялась противным писком. Представить себе богатство и изобретательность выражений было очень сложно. Только самые сообразительные и опытные могли воспроизвести цветистую речь. В общих чертах, она высказалась против профсоюзов, за сутенеров. «Никто не в состоянии заменить родного...», – тут она употребила любимое русским народом слово, которое никак невозможно заменить другим.

Народ разделился. Одни выступали за профсоюзы, другие против. Без вмешательства Коли Понайотова дело легко могло дойти до драки. Только его искусство и неподражаемое свойство укрощать самых неукротимых смогло остановить потасовку. Режиссер утратил свое влияние, и уже никто не обращал внимания на его истерические жесты. Жан подумал о том, что развитие событий также задумано Понайотовым. Приглашение на передачу двух таких разных представительниц одной и той же неоднозначной профессии неизбежно должно было вызвать разделение аудитории на враждебные лагеря. И в качестве главного миротворца, как всегда, выступил неподражаемый Коля Понайотов. Программа завершилась патетически к удовольствию всех присутствующих в студии и, вероятно, телевизионной аудитории. Все согласилось с тем, что защита и цивилизованные условия труда необходимы всем трудящимся.

На просмотр телевизионной передачи, где дебютировал Жан, бабушка пригласила свою самую близкую подругу Эсфирь Соломоновну. Дамы подготовились основательно. Заранее закупили сладостей, вина и фруктов. Эсфирь Соломоновна, несмотря на диету, которую она держала круглый год, съела пол-яблочного пирога и опомнилась только тогда, когда на экране телевизора заговорили о вреде диеты для женского очарования. Эсфирь Соломоновна тут же произвела нехитрые расчеты и глубоко задумалась. Даже учитывая пожелания итальянских парламентариев, склонявшихся к женщинам, имевшим определенные формы, она была очень далека от совершенства. И бабушка и ее подруга неодобрительно отнеслись к обсуждаемой теме. По их мнению, дело было не только в том, какого размера должна быть женщина, но и в возрастных рамках. И тут, как будто услышав их отрицательный отклик, оператор показал Жана во

весь экран, и женщины согласились с тем, что обсуждать подобную тему нужно, даже если это и не всегда приятно. Дебют Жана прошел на ура. На следующий день продавщица в гастрономе, никогда не отличавшаяся особенной вежливостью, всплеснула руками, увидев Жана: «Это он, тот самый красавчик, сутенер! Слышь, Клава. Глянь! Глазищи какие!» Жан поспешил поскорее убраться, в полной мере вкусив плоды зарождающейся популярности. Успех Жана не прошел мимо бдительного ока Коли Понайотова, и в следующий раз его посадили поближе к сцене. Рядом с ним сидел известный актер, мелькавший во всех передачах, начиная с детских и кончая нудными политическими программами, где он высказывал свой свежий, незамутненный взгляд дилетанта на события в мире. Жан и на сей раз удачно вписался в интерьер. В конце концов, именно его лицо предпочла камера, устав от плотоядной гримасы известного актера.

Дальше карьера Жана, совсем, как новенькая спортивная машина, покатила по наезженной колее, сбивая на своем пути более старые, вышедшие из моды колымаги. Камера страстно влюбилась в его лицо. Она не хотела с ним расставаться. Любая самая заурядная и пошлая передача оживлялась, как только в ней появлялся Жан. Клакер из него получился замечательный. Ни одно ток-шоу не проходило без присутствия Жана. Политики, народ чувствительный и всегда держащий нос по ветру, не преминули заметить это обстоятельство. Иметь в своей свите фотогеничного человека – очень важное обстоятельство для того, чтобы не только завоевать, но самое главное – удержать популярность и такую непостоянную любовь, как любовь толпы. «Короля играет свита», – этот девиз умело используется самыми продвинутыми политиками. Жан совсем не удивился, получив приглашение присоединиться к партии одного из идущих в гору новоявленных фюреров. Как выяснилось, «Отец народа» наблюдал за Жаном, и когда ему показалось, что популярность молодого человека стремительно приближается к апогею, он сделал ему предложение. Не просто стать членом партии, а сразу получить заветную должность доверенного лица самого лидера партии. Рандеву с главным партийцем состоялось в одном из китайских ресторанчиков, наводнивших город. Пока двое обнаженных по пояс китайцев, танцующих с острыми ножами, больше похожими на боевые кинжалы, чем на орудия повара, разделявали прямо на глазах у клиентов рыбу, «отец народа» расписывал Жану головокружительные высоты, которые открываются перед ним, мальчишкой, если он станет его «верным псом», то есть пардон, доверенным лицом. Жан согласился, немного поломавшись для приличия. Общение с акулами шоу-бизнеса не прошло даром. Он запомнил на всю жизнь несколько уроков. Один из них гласил: «Никогда не выказывай радость, если тебе предложили то, чего ты долго добивался. Сделай вид, что тебе плевать и вообще это не твой уровень. Просто делаешь одолжение хорошему человеку». Жан оказался очень способным учеником. То, с каким снисхождением он принял предложение, восхитило фюрера, старого пройдоху: «Далеко пойдешь, мальчик!» «Отец народа» и не предполагал, насколько пророческим окажется его заявление. Вскоре после заключенного взаимовыгодного союза началась предвыборная президентская гонка. Вот где Жан сумел показаться во всей красе. Он тенью следовал за своим патроном по стране, честно отработывая свой хлеб, улыбаясь и не теряя присутствия духа при самых трагических обстоятельствах. В одной из поездок их встретила разъяренная толпа сплошь из элементов неарийской внешности, от которых собирался очистить страну, «как зерна от плевел», уважаемый кандидат. Если бы не дюжие молодцы-телохранители, закрывшие своими могучими телесами не только «отца нации», но и Жана, то вряд ли они выбрались оттуда живыми и невредимыми. После этого казуса маршрут поездок изучали скрупулезно, предварительно посоветовавшись с местными экспертами. Выбирали место, время и даже учитывали предполагаемый прогноз синоптика и астролога. Последнее особенно важно.

Жан очень удивился в первый раз, когда политик отказался выступать с речью, узнав об астрологическом неблагоприятном прогнозе. Если бы Жан был более начитанным, то он непременно вспомнил самого обожаемого и ненавидимого фюрера, непререкаемого авторитета всех ура-патриотов. Его занятия парапсихологией. Непомерный интерес к мистике и сакральным знаниям. Именно таким образом он предполагал стать владыкой мира. Используя власть медиумов, Вольфа Мессинга, например. Завораживая толпу припадочными речами и внушая ей мистический страх и желание уничтожить всех «других»: черных, не арийцев, больных, уродов....

Патрону Жана не суждено было стать президентом. Как он скромно заметил в интервью одному из скандальных желтых журналов: «Время мое еще не пришло. Но не долго ждать осталось! Эти черно... еще покажут себя! Вот когда страна вспомнит о своем спасителе! Обо мне!!!» Для Жана предвыборная гонка стала высшим учебным заведением, где он вживую получил самые ценные жизненные уроки. Уроки вранья, предательства, цинизма, двуличия и много много всякого другого бесценного опыта. Он возмужал, заматерел. Теперь его взгляд приобрел оттенок легкой усталости и цинизма. Когда вождь заметил перемену, ему захотелось избавиться от столь способного ученика. И глазом моргнуть не успеешь, как он станет претендовать на его место фюрера. Вспомнил вождь и о светлейшем князе Меньшикове, сподвижнике Петра. В некоторых современных научных трудах появилась теория о том, что именно Меньшиков вместе с любимой женой Петра, Екатериной, и отправили великого императора к праотцам, прежде чем «благодетель» успел наказать их за грехи земные, так же щедро, как когда-то осыпал милостями.

И вообще, уж слишком заметен стал Жан в его свите. Он перестал создавать фон, вышел из тени и стал почти второй фигурой в партии. Он не просто вышел из тени, он перестал быть тенью. Как когда-то в сказке Андерсена, он превратился из тени в ее хозяина. «Отец народа» не успел сделать рокировку и предложить Жану какую-нибудь почетную, но никому не нужную должность. Жан и тут оказался прыток. В один из редких солнечных дней он пришел в кабинет вождя и по-военному доложил ему, что выходит из партии по идейным соображениям. Вождь выдержал долгую паузу. Жан не стал оправдываться и объяснять причины столь неожиданного решения. Вождю пришлось задавать вопросы и выслушивать краткие военные ответы. Жан создавал новую партию и хотел объединить под ее крышей, так он и выразился «крышей», всех законопослушных и трудолюбивых граждан, независимо от этнической принадлежности, цвета кожи, вероисповедания и т.д. Главное условие – гражданская лояльность. Вождь не верил своим ушам. «Где этот малец, гаденыш, успел набраться округлых фраз, какими говорят европейские эксперты, съевшие собаку в деле «демократии». В моем лексиконе нет ничего подобного. Все четко, ясно. Враг, друг, родина, патриот. Ага... Понятно... Решил свинью подложить отцу родному! Ну, сынок, удружил! Мы еще посмотрим, кто кого! Кишка тонка, мне дорогу перейти!»

– Ну, что, дорогой Жан, сукин ты сын, скатертью дорожка! А если бы я раньше тебя распознал, то собственными руками задушил. Гаденыш!!!

– Вот. Я принес вам программку нашей будущей партии. Здесь все кратко изложено.

– Если ты думаешь, что мне нечем заняться и я буду читать эту «филькину грамоту», значит наука моя не пошла тебе впрок. «Не в коня корм», – так в народе говорят. А народ, как ты понимаешь, как и покупатель, – всегда прав. Захочет этот самый народ, будет слушать, раскрыв рот, и лозунги твои дурацкие повторять за тобой, как попугай, а не захочет – пинка под зад, и будь здоров, не кашляй...

Жан улыбнулся, положил свою брошюрку на стол и вышел. «Отец нации» долго еще раскатисто разглагольствовал на тему о неблагодарных юнцах. Наконец он вызвал любимую секретаршу и громогласно объявил:

– А этого гаденыша на порог не пускать. Гнать его поганой метлой...

Секретарша криво усмехнулась, давно привыкнув к специфической терминологии вождя.

Встреча двух политиков – старого потрепанного жизнью, матерого, но не потерявшего в суровых схватках всех своих зубов, вождя и молодого голодного волчонка, рвущегося в бой, состоялась на площадке Коли Понайотова. Известный шоумен предвкушал будущее сражение. Он четко проинструктировал оператора и режиссера программы:

– Самое главное, давайте чаще крупный план. Обоих участников. Это будет сенсация!!! Я чую нутром! А Жан, молодец!!! Ах, какой молодец!!! Надеюсь, утрет нос вождю! Давно пора! Слишком он раскомандовался!

Встреча и в самом деле оказалась очень непростой. Противников посадили друг против друга. Помня о буйном нраве вождя, на стол поставили пластиковые бутылки с минералкой и такие же стаканчики. Коля Понайотов предоставил каждому возможность высказываться в течение десяти минут. В случае превышения регламента обещал выключать микрофон.

Следуя своей манере эпатировать публику, Коля начал шоу с Жана, точно просчитав, что к концу положенных десяти минут Жана старый вождь будет полыхать ненавистью и обязательно позабавит своими выходками не только людей в зале, но самое главное, громадную телевизионную аудиторию. Жан коротко рассказал о своей новой партии и программе. «Бесплатный билет в рай» он обещал каждому, кто примкнет к его партии. Как всегда в любой программе, и в этой предлагались совместить несовместимые идеи: твердость, высокие моральные принципы и всепрощение, бесконечную терпимость к разным слоям общества и непримиримую борьбу с криминалом. Антимонopolную политику и привлечение иностранных инвестиций... Жан излагал все лозунги партии проникновенным голосом, глаза его лучились, и весь облик не позволял засомневаться в правильности идей молодого трибуна.

Фюрер, брызгая слюной, попытался было разрушить светлый имидж своей вчерашней тени. Помня аксиому бойца: «Лучшая защита – это нападение», он обстреливал Жана дешевыми лозунгами и самое главное – клеветой. Начал он с очевидного. С имени противника, легко доказав, что с таким именем можно баллотироваться в Сенат Франции, Швейцарии и других западных стран, но только не в Сенат родной страны, в Сенат вождя. «Человек с таким именем никогда не будет защищать ваши интересы», – закричал вождь, вызвав некоторое замешательство в студии. Вождь припомнил Жану все подмеченные за время тесного сотрудничества черты, превращая даже достоинства Жана в его недостатки. Аккуратность, точность и вежливость Жана вождь представил как особенности робота, которому чужда человеческая натура. «Он не способен переживать, он настоящая машина для сбора голосов! Я не видел, чтобы он кричал! Он сможет убедить вас в чем угодно. Даже в том, что снег черный. И в том, что инородцы ничем не хуже, чем Вы!!!! Такого человека нельзя пускать во власть, он потащит за собой всех...!»

Потасовки не случилось только благодаря ловкости Коли Понайотова. Он вовремя отключил микрофон и закончил свое шоу привычным: «Встретимся с вами в тот же час на том же месте!»

Уже после того, как погасли софиты, клакеры покинули аудиторию и в зале остались только двое недавних соперников, Жан подошел к своему бывшему начальнику и протянул руку для пожатия. Вождь вскинул голову, внимательно посмотрел на Жана, заглянул в «добрые предобрые» глаза и пожал протянутую руку.

«Мальчик, можешь на меня рассчитывать! Но только помни, на людях я твой ярый оппонент».

Партия Жана на выборах получила чуть больше голосов, чем партия вождя. Выиграли молодость, внешняя привлекательность, фотогеничность Жана. Знающие люди утверждали, что «Клакер» договорился с «Фюрером» о сферах влияния. Клакер получил столь любимый фюрером шоу-бизнес и Колю Понайотова – главным консультантом, а фюрер в качестве «утешительного приза» оставил за собой профсоюзы и торговлю.

Шоу-бизнес процветал, и Жан в этой ипостаси обнаруживал в себе все новые таланты. Он легко заводил полезные знакомства, привлекая влиятельных людей, как мух на мед, возможностью покрасоваться на экране. Он давно убедился в том, что тщеславие свойственно всем людям. Политики и государственные чиновники постепенно перемещались из плоскости реальной политики и госучреждений в виртуальный мир шоу-бизнеса. Казалось, запели и затанцевали все вокруг. Кто не умел петь и танцевать, дрался на ринге и участвовал в цирковых представлениях. Палитра жизненных интересов большинства населения свелась к двум мониторам: телевизионному и компьютерному. Более или менее значимые события, а также и персонажи можно было наблюдать на экране. В разряд телешоу перешли не только свадьбы, помолвки, разводы, потасовки известных личностей в любой сфере деятельности, но и церковные службы, и даже похороны. Безликий народ, которому не посчастливилось засветиться на экране, выступал в роли главного потребителя виртуальной продукции. Он безропотно переходил от сериалов и юмористических передач к «фабрикам звезд», политическим дискуссиям и похоронам вождей. В непрерывной карусели лиц трудно было иногда отличить профессионального актера, певца от политика или священника.

На очередную передачу Коля Понайотов пригласил бабушку Жана и ее подругу Эсфирь Соломоновну, справедливо полагая, что значительная по масштабу часть аудитории, а именно пожилые люди, давно заслужили возможность зазвездиться на экране. Бабушка Жана как нельзя лучше подходила для этой роли.

В назначенный час в студии появились элегантная бабушка в белой блузке, украшенной большой старинной брошью, и черной юбке, гладко причесанная и подтянутая, и ее подруга в бордовом брючном костюме. Обе дамы заняли кресла по обеим сторонам Коли. Жана режиссер усадил в первом ряду.

Коля начал с того, что представил дам, и как бы невзначай, упомянул о том, что одна из них – бабушка всенародного любимца Жана. Крупный план Жана подчеркнул фамильное сходство. Тему выбирала бабушка и не промахнулась с выбором: «Активный образ жизни зрелых людей». Бабушка оказалась такой же харизматичной, как и Жан. Она легко переходила от серьезных вопросов к легким игривым сюжетам. Парный конференс с Эсфирь Соломоновной по рейтингу сравнялся с еженедельным обращением президента страны к нации. И когда в конце беседы Коля задал, как многим показалось в тот момент, совсем неуместный вопрос: «А могли бы вы стать президентом нашей страны?», бабушка после минутной заминки, смело ответила: «Смогла бы!» Студия разразилась овацией.

Следующим президентом Великой страны стал Жан, во многом благодаря своей неподражаемой бабушке...

ЛАЧИН

Ловушка

Слышал, друзья за спиной называют меня «профессор Базилио». Молодые, небось, и не помнят этого героя из советского фильма «Буратино». Фантастический персонаж, жуликоватый кот. Почему «профессор»? Так я и есть всамделишный профессор. Доктор гуманитарных, кандидат естественных. За сколько, спросите? За знания, труды. Впрочем, ляд с ними, степенями учёными. Поговорим о втором предмете гордости.

Базилио меня прозвали за скабрзные разговоры, хищную улыбочку под франтоватыми усиками и хождение по злачным местам. Что-то плохо это вяжется со званием учёного, скажете вы. А мне всё равно, что с чем вяжется. К тому же я человек древний. Не в том смысле, что старый, мне пятьдесят. В смысле античной древности. Никогда не считал, что пристрастие к жрицам Венеры противоречит интеллекту и эрудиции. Ну, и древние так не считали. Не глупее нас вроде были. Так что прозвищем своим даже несколько горжусь.

Однако что это я всё о себе. Хотел только представиться, а вот понесло. Когда рассказываешь о себе, трудно остановиться.

А рассказать я хотел об одной встрече в борделе. Не итальянском, китайском, московском, питерском, константинопольском или румынском. Хотя и в них впечатлений накопил немало. Как меня занесло в Баку? Признаться, не заносило. Я сам тамошний, вернее, тутошний. Дорогой у нас город. Деньги стараюсь тратить за границей, в Риме, Бухаресте, только бы не здесь. Но – иногда приходится здесь.

В одиннадцатом году я почти ежемесячно посещал массажсалон (дом терпимости) «Сабина». Клиентов там мало: место дорогое, рассчитано главным образом на иностранцев. Тишина, уют. А днём и вовсе почти нет клиентуры; женское царство. Прежде чем кого-то выбрать, потягивал пиво на кушетке, разглядывая расхаживающий и сидящий товар и мысленно анализируя ту или иную средневековую рукопись. Что-то одно с другим плохо вяжется, скажет кто-то. Не сменись древность христианами и мусульманами, у всех бы хорошо вязалось. Из десяти визитов за год я трижды встречал там одного и того же посетителя, из чего вывел, что и он завсегдатай. Да и по лицу «мамочки» это было понятно. Внешность и поведение его были столь необычны, что заслуживали бы описания, даже не повстречайся мы снова тремя годами позднее. Судя по внешности, ему было лет тридцать. Увидев его впервые, я невольно подумал, что это ваххабит, не сразу сообразив, что они публичные дома не посещают. Да и брючины его были не коротки, скорее даже напротив. Слегка впавшие щёки покрывала запущенная борода – неподстриженная, клокастая, что и делало его похожим на ваххабита. Довольно длинные, вьющиеся пряди волос, жирные, в перхоти, небрежно падали на плечи. Одет был всегда примерно одинаково: в свободные рубаху и брюки, поношенные, размером больше, что только подчёркивало его худобу. Со второй встречи я заметил, что и туфли у него дешёвые, поношенные и пыльные. Не был он похож на посетителя подобных заведений, к тому же постоянного.

И, тем не менее, он им был. Каждый раз я встречал его одинаковым образом: сижу на диване с бокалом, спиной к входной двери, на диване напротив – пять-восемь девиц, у стойки бара справа на высоком стульчике «мамочка». Любила обзирать рабочий колл-лектив с возвышения. Явившись, незнакомец размеренной походкой подходил к стойке. При первой встрече я думал, что он спросит цены и уйдёт. Такое бывает, иногда ещё торговаться начнут, и тоже быстро уберутся: данный бордель – магазин, а не базар. Но «мамочка», колобком повёртываясь на стульчике, улыбнулась ему, поздоровавшись как со знакомым. На русском, и это удивило меня: не носят русскоязычные столь мерзких бород. Впрочем, остальные не носят столь длинных волос, поправил я себя. «Двоих возьмёшь?»

– спросила она. Удивление моё возрастало. Ответно улыбнувшись, он повернулся к девушкам.

Дальнейшее каждый раз протекало одинаково. Спокойно, с бесстрастным лицом, он оглядывал жриц Венеры. Обычно они обласкивали взглядом; если клиент не подзывал и не подходил, возвращались к болтовне и смартфонам. С ним же старались не встречаться глазами. Это было ясно видно. И разговоры стихали. Обшарив глазами телеса и лица, он показывал пальцем – на одну, помедлив, на вторую. «Лей-ла-а! Диа-ана! – выкликнула «мамочка». – В третий кабинет». Названные вставали неохотно, походя на дебютанток. Из кармана брюк (зимой – из внутреннего кармана старомодного пиджака) он вынимал большой, потрёпанный коричневый бумажник – нет сейчас таких, это какой-то раритет – и расплачивался. Арендованные проходили в кабинет мимо клиента, не глядя на него. Провожаемый благосклонным взором «мамочки», он шёл за ними.

Наблюдать за ним было легко, ибо чувствовалось по этому лицу, что он не обернётся и вообще мало интересуется, какую реакцию вызывает его вид. В третий раз я присмотрелся к его и девичьим лицам в момент выбора им... жертвы, хотелось сказать. Да, точно, жертвы, так он на них и смотрел. Когда одна из девушек бросила на него взгляд и быстро отвернулась, он, заметив это, улыбнулся, показав жёлтые зубы, и указал на неё своим всегдашним жестом, поднеся руку к подбородку и выставив указательный палец. На лице его было лёгкое злорадство.

Года два я не посещал «Сабину». И раза три вспоминал незнакомца. Он не вписывался ни в какую группу людей – борода исламски-радикальная, а волосы и брючины длинные, и хороший русский язык, и сам предпочитает говорить на нём; азиат, а вкусы русско-европейские – выбирает молодых и стройных, а не великовозрастных пышек; одет плохо и неряшливо, дешёвые сигареты (видел у него пачку), а ходит в дорогие места. Думал даже вывести его в рассказе, но не знал, что с ним сделать в финале. Жизнь сама решила эту задачу.

Осенью тринадцатого года, вернувшись из командировки в Рим, я решил вновь провести время в «Сабине». Спускаясь по лестнице (бордели у нас загнали в полуподвалы – лучше бы чиновников там расселить), сказал по-русски, завершая разговор по мобильному: «Да, русскоязычный; но, понимаешь, он русофоб». И оступился, едва не упав. В тот же момент меня взяли за руку, сказав по-русски: «Самые отвратительные русофобы – из русскоязычных». Молодой парень: пышная грива волос, спортивная майка и джинсы. «Полностью с вами согласен», – ответил я несколько растерянно. Зайди внутрь, обменялись улыбками; он направился к бару, я левее, к заинтересовавшей меня белошортной девице.

Против обыкновения, я пришёл сюда вечером. Эротическую музыку дополняла светомузыка, атмосфера была завлекательнее обычного, в голове бродило выпитое перед приходом – и вот, уже выйдя из кабинета, я решил посидеть здесь ещё. Устроился на кушетке возле бара, за низким столиком, где сидел с бокалом мой новый знакомый.

«Я вас помню», – он долил в бокал из банки холодного кофе. Я медлил с ответом, напрягая память. «Я тогда был... немножко бородатым. Пиво будете?» Он вытянул из кармана (именно вытянул) большущий, пупырчатый коричневый бумажник и шлёпнул им об стол. «Давайте немецкий счёт», – сказал я растерянно. Я вспомнил бумажник, но легче было предположить, что он поменял владельца. Если первый владелец был не похож на имеющего деньги для подобных трат, то второй не походил на человека, платящего за секс. Первый смахивал на радикального мусульманина, второй – на прозападного неолиберала. Я рискнул сказать об этом вслух. «Как говорила моя завкафедрой, ты не похож на свою идеологию», – улыбнулся он. – Ведь я обрусевший просоветский человек».

Мое удивление возросло. Подав пива, «мамочка» заинтересованно спросила, неужто мы знакомы. Ответив хором, что познакомились здесь, мы невольно рассмеялись.

Начало знакомства способствовало продолжению беседы. Поговорили о разном. «Наделённые даром слова жаждут слушателей, много говорят и даже бывают утоми-

тельны», говорил Бальзак. Лично я сказал бы то же о многих дураках, никаким даром слова не наделённых, к тому же они куда утомительней. Так что в данном случае мы не опасались утомления.

Излагаю его монолог, подсказавший мне, как закончить этот рассказ.

Негромкая музыка мешалась со столь же негромкими голосами и всплесками смеха. У противоположной стены на диване сидел качок за ноутбуком – наверно, вышибала. Семь-восемь девиц в шортиках и прозрачных коротких платьях курили на диванах или прохаживались меж ними. Свет разноцветных мигающих лампочек и экранов смартфонов добавлял им привлекательности.

Говорил он несколько архаичным языком, сочетая литературные обороты и высокопарность с грубым жаргоном. «У меня, надо сказать, четыре с лишним года назад любимая женщина... ушла из жизни. Русская, естественно; здесь одни мегеры, сами знаете. Одновременно я потерял соавтора, как писатель. Учитывая нашу схожесть, второго такого мне не найти. Тогда же я потерял лучшего друга, ещё – одного из двух авторитетных для меня критиков моих сочинений, в-пятых, одного из моих любимых прозаиков. Наконец, политического единомышленника. Учтите, что я леворадикал, и моих единомышленников здесь не больше, чем, скажем, убеждённых буддистов». Вот примерно так и говорил, как по писаному. «А что, – спросил я, – неужели все шестеро...» «Да, одновременно, что неудивительно. Это был один человек».

Мы взяли по сто грамм виски. Одна из дверей в кабинеты распахнулась, мимо прошёл полный русский мужчина, поправляя ремень; довольные глазки его блестели. Я поздравил собеседника с тем, что, судя по переменам во внешности, он приходит в норму.

«Пожалуй... Впрочем, поздравлять особо не с чем. А, внешность? Да, начал бриться... Хотя это не обязательно, я теперь за всё плачу. Квартиру обменял. Удачно. Да и вообще на всё наплевать. Просто с моей идеологией особо неприятно, когда тебя принимают за больного исламом головного мозга. Но что самое интересное... И самое ужасное... Ведь каковы мои любимые занятия? Писать, читать, обсуждать пишущееся и прочтённое, спорить о политике. Но сейчас, без неё... Сравнение неизбежно. И вот парадокс: именно любимые занятия вызывают у меня тоску. Отторжение! Всё связано с ней, всё это надо с ней обсудить, обговорить, продекламировать, чёрт возьми. Всё это ведёт лишь к усилению депрессии, ядрёна мать. Не говоря уже о любовном романе или браке! Сравнение будет убийственным. Одни фашистки, мусульманки и мещанки. Святая троица... А здесь...»

Волосы его окончательно растрепались по плечам, лицо было несколько бледно – то ли от выпитого, то ли от нервов, а может, он давно не спал. В начале встречи он казался заведомо дискотечным, сейчас же в нём выступило нечто лихорадочно-болезненное и что-то оперное, в духе романтической литературы XIX века. Никогда я ещё не встречал менее типичного представителя местного населения.

«Здесь не может быть сравнения! Она не лучше или хуже подобных девиц, она вообще здесь ни при чём, она непредставима рядом с ними как объект для сравнения. И мне, разумеется, не хочется обсуждать с ней происходящее здесь, учитывая... характер происходящего. В подобных местах я нашёл убежище, приют. Но иногда я думаю – ведь это ловушка. Ловушка, в которую загнала меня жизнь». Он выдержал паузу и многозначительно поднял палец. А может, он психически не здоров, подумал я. Музыка стала громче, усилились голоса и смех; и почему-то мне казалось, что и лампочки мигают чаще, делая завлекательнее поглядывающих на нас женщин. «А ещё я думаю, – он заговорщически понизил голос, – это её месть... Я ведь не ценил своего счастья, да и кто его ценит, когда имеет? Человеку хочется того, чего нет, и мне его порой хотелось. Именно это я и получил взамен прежнего. И именно это – стало моим истязанием». И, подавшись ко мне ещё ближе, он восхищённо прошептал: «Какая утончённая месть!»